

OIKONOMOS:
Journal of Social Market Economy
3(9), 2017

Oikonomos European Research Association
Vilnius, Lithuania, 2017

OIKONOMOS:
Journal of Social Market Economy (Lithuania)
3(9), 2017

“OIKONOMOS: Journal of Social Market Economy” – научный рецензируемый журнал, зарегистрированный в Литовской Республике. В журнале публикуются исследования по экономике и смежным дисциплинам. Основными тематическими направлениями журнала являются: история и теория концепции ордолиберализма и социального рыночного хозяйства, христианская социально-экономическая мысль, современное экономическое развитие стран Восточной Европы и постсоветского пространства, теория и практика корпоративной социальной ответственности и социального предпринимательства.

**Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
Договор № 721-11/2015 от 12.11.2015.**

Web: oikonomos-journal.org
E-mail: era.oikonomos@gmail.com
Tel.: +370 676 60 722
Журнал основан и издается
Европейской исследовательской ассоциацией “Oikonomos”
(LT-08221 Kalvarijų g. 125, Vilnius, Lithuania)
Web: era-oikonomos.org

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Константин Голубев (главный редактор) – доктор экономических наук, кандидат богословия, профессор Белорусского государственного экономического университета (Минск, Беларусь);

Юлия Чайковская (выпускающий редактор) – кандидат экономических наук (Минск, Беларусь);

Сергей Лукин – доктор экономических наук, профессор Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь);

Ромас Лазутка (Romas Lazutka) – доктор экономических наук, профессор Вильнюсского университета (Литва);

Петр Пыш (Piotr Pysz) – доктор экономических наук, профессор Высшей школы финансов и управления в Белостоке (Польша), Колледжа бизнеса и технологий (Фехта, Германия);

Михаил Румянцев – доктор экономических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Россия);

Данила Расков – кандидат экономических наук, доцент Факультета свободных искусств и наук (Смольный институт) Санкт-Петербургского государственного университета (Россия);

Михал Мошински (Michał Moszynski) – PhD in Economics, Университет Николая Коперника в Торуня (Польша);

Вольфганг Зендер (Wolfgang Sender) – PhD in Political Science, директор Белорусского представительства Фонда им. Конрада Аденауэра (Вильнюс, Литва).

ПЕРЕВОД: Светлана Носова
ISSN 2351-616X

Решение о публикации присланных статей принимается Редакционным советом на основании научной ценности статьи, ее соответствия тематическому профилю журнала и положительной рецензии.

© OIKONOMOS

OIKONOMOS:
Journal of Social Market Economy (Lithuania)
3(9), 2017

“OIKONOMOS: Journal of Social Market Economy” is a scientific journal with peer reviews, registered in the Republic of Lithuania. The Journal publishes research articles on economics and related spheres. The main areas for publication are: history and theory of ordoliberalism and social market economy, Christian social and economic teaching, contemporary economic development of Eastern European and post-Soviet countries, theory and practice of corporate social responsibility and social entrepreneurship.

**The journal is included in the Russian Science Citation Index (RISC).
Contract № 721-11/ 2015 from 11.12.2015.**

Web: oikonomos-journal.org
E-mail: era.oikonomos@gmail.com
Tel.: +370 676 60 722

The Journal was founded and is published by the
“Oikonomos European Research Association”
(LT-08221 Kalvarijų g. 125, Vilnius, Lithuania)
Web: era-oikonomos.org

EDITORIAL BOARD

Konstantin Golubev (Editor in Chief) – Doctor of Economics, Candidate of Theology, Professor of Belarus State Economic University (Minsk, Belarus);
Yuliya Chaikouskaya (Executive Editor) – Candidate of Economics (Minsk, Belarus);

Siarhei Lukin – Doctor of Economics, Professor of Belarusian State University (Minsk, Belarus);

Romas Lazutka – Doctor of Economics, Professor of Vilnius University (Lithuania);

Piotr Pysz – Doctor of Economics, Professor of University of Finance and Management in Białystok, (Poland), College of Business and Technology (Vechta, Germany);

Mikhail Rumiantsev – Doctor of Economics, Associate Professor of Saint-Petersburg State University (Russia);

Danila Raskov – PhD in Economics, Associate Professor of Faculty of Liberal Arts and Sciences (Smolny College) of Saint-Petersburg State University (Russia);

Michał Moszynski – PhD in Economics, Nicolaus Copernicus University in Toruń (Poland);

Wolfgang Sender – PhD in Political Science, Resident Country Director of Konrad Adenauer Foundation for Belarus (Vilnius, Lithuania)

TRANSLATION: Sviatlana Nosava

ISSN 2351-6178

Publication decisions are made by the Editorial Board and are based on the article's scientific value, its relevance to the Journals mission, and positive peer reviews.

© OIKONOMOS

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретические основы развития социального рыночного хозяйства

Петр Лемещенко

Наука экономика как теоретический синтез хозяйственной культуры, интуиции, логики..... 6

Республика Беларусь в системе мирохозяйственных связей

Иван Акулич, Елена Сушкевич

Основные тенденции становления и развития возобновляемой энергетики и их значение для экономики Республики Беларусь 31

Христианская социально-экономическая мысль

Гиорги Шихашвили

Библейско-богословское осмысление эколого-экономической деятельности – основа синергического подхода к вопросам устойчивого развития общества..... 56

Константин Голубев

О значении принципов мирного сосуществования в позиционировании католического социально-экономического учения в период понтификата папы Римского Иоанна XXIII 64

Экономические аспекты развития Республики Беларусь

Ольга Авдей, Юлия Чайковская

Доходы населения и экономический рост в Беларуси 73

Социально-экономические процессы на постсоветском пространстве

Иван Благих

Модернизация системы межбюджетных трансфертов муниципальных образований 81

Кристина Шестакова

Эволюция подходов к пониманию роли и места промышленной политики в системе государственного управления 90

CONTENTS

Theoretical Framework of Development of the Social Market Economy

Piotr Lemeschenko

Economic science as a theoretical synthesis of economic culture, intuition, and logic 6

The Republic of Belarus in the System of World Economic Relations

Ivan Akulich, Elena Sushkevich

The main trends in the formation and development of renewable energy and their importance for the economy of the Republic of Belarus..... 31

Christian Social and Economic Thought

Giorgi Shikhashvili

Biblical and theological interpretation of environmental and economic activities as the basis of a synergistic approach to the issues of sustainable development of society 56

Konstantin Golubev

On the value of the principles of peaceful coexistence in positioning of catholic social and economic teaching in the period of pontificate of Pope John XXIII 64

Economic Aspects of Development of the Republic of Belarus

Volha Audzei, Yuliya Chaikouskaya

Household income and economic growth in Belarus..... 73

Socio-economic Processes in the Post-Soviet Space

Ivan Blagikh

Modernisation of the system of inter-budgetary transfers of municipalities..... 81

Kristina Shestakova

Evolution of approaches to understanding the role and place of industrial policy in the system of public administration..... 90

П.С. ЛЕМЕЩЕНКО

НАУКА ЭКОНОМИКА КАК ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ, ИНТУИЦИИ, ЛОГИКИ

...Людзям заўсёды патрабавалася шмат часу дзеля таго, каб здзейсніць што-коледчы значнае. Мы бачым, што заканадаўцамі, якія далі доўгае жыццё сваім творам, былі якраз тыя, хто меў сабе на мэце дабрабыт народа і хто лепш за ўсё спасцігаў народную мудрасць і з яе дапамогай практычна кіраваў заканадаўчай дзейнасцю сваіх урадаў.

С. М. Аскерка, саветнік караля Прусакага Фрыдрых II, ураджэнец Наваградка, які вучыўся ў Слуцку. 1760 г.

Результаты исследования экономистов необходимо сочетать с ценностями, суждениями и оценками этического, политического или практического характера. Последние... являются неотъемлемой частью реального мира.

Родрик Д. Экономика решает: сила и слабость «мрачной» науки. М., 2016, с. 248.

Аннотация. Статья посвящена предметной, методологической и инструментальной специфике экономической науки с учетом эволюции этих относительно независимых сфер. Противоречие науки и хозяйственной практики является, по сути, извечной проблемой. По мнению автора, именно осмысление внутренних проблем самой теории в конкретный момент времени и в рамках определенного пространства закладывает основу для более адекватного восприятия хозяйственной практики. Современная система хозяйствования предполагает не только включение в предмет науки экономики социокультурных факторов, но и понимание процедуры научного исследования, личности экономиста, его профессиональной интуиции, мировоззрения и образовательной фундаментальности. Именно это обеспечивает системное и всестороннее исследование сложной современной экономики.

Ключевые слова: экономическая наука, теория, предмет исследования, экономическое знание, политэкономия.

УДК 330.1

Лемещенко Петр Сергеевич (Liamp@bsu.by), доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики Белорусского государственного университета. Г. Минск, ул. К. Маркса, 31, +375 17 2223601.

Экономическая наука – более чем наука...

Этот тезис может тешить экономистов, но его признание предполагает слишком большую ответственность пишущих и говорящих на эту тему перед всем обществом, его историей и будущим. Ну а кто с этим утверждением не согласен – пусть свое успешное и не очень материально- и со-

циально-психологическое положение объяснит себе вне экономики и, следовательно, вне ее каких-то эмоциональных восприятий или теоретических обобщений. Здесь, как говорится, все включены и все включено... По крайней мере, есть прямая связь между уровнем развития экономики в стране и уровнем развития и благополучия. Это вытекает из функций и природы этой научной дисциплины. Но это не значит, что в этой научной отрасли все в порядке. Поскольку она затрагивает всех людей в буквальном смысле, то и о ней говорят, обсуждают, критикуют, опровергают и пр. почти все население в той или иной форме.

Сегодня редко кто себя не считает экономистом. Но вот какой портрет профессионального экономиста представил Дж. Кейнс: «Талантливые или просто компетентные экономисты являются самой редкой породой. Предмет легок, но малочисленные те, кто добиваются в нем успеха. Парадокс находит свое объяснение в том факте, что ученый-экономист должен обладать редкой комбинацией талантов. Он должен достигать уровня совершенства в нескольких различных направлениях и обладать способностями, которые редко соединяются вместе. Он должен быть математиком, историком, государственным человеком, философом... Он должен понимать язык символов и выражать свои мысли в ясных терминах. Он должен рассматривать особенное с точки зрения общего и подходить к абстрактному и конкретному в одном и том же движении. Он должен изучать настоящее в свете прошлого, имея в виду будущее. Ему не должна быть чужда никакая часть в природе человека и его институтов. Он должен стремиться непременно к цели практической и полностью бескорыстной, быть отрешенным и неподкупным, как художники, но иногда столь же практичным, как политический деятель» (Кейнс, 1993, с. 12). Пусть читатель сам определит себя в контексте этого определения, свои возможности в экономике.

Острые и затяжные общие кризисы и разные кризисные ситуации значительно усиливают востребованность экономической науки. Все-таки знание разрешает проблему неопределенности в поведении хозяйствующих субъектов и общественных и частных растрат становится меньше. По крайней мере, на стадии еще не свершившегося разрушения после кризиса, а на стадии действительного желания упредить ситуацию и уже объективной необходимости сформировать новую более эффективную систему хозяйствования. Это с одной стороны. С другой – с очевидностью высвечивают недостатки и противоречивость теоретических разработок, логические парадоксы, которые ранее почему-то не замечались. Это можно проиллюстрировать как на примере истории эволюции западной экономической науки, так и судьбы политической экономии социализма. Например, общий кризис 1929 г. поумерил твердолобую уверенность западных экономистов о восходящем развитии капитализма, а распад системы социализма почему-то не вошел в прогноз соответствующей теории о полной победе социализма.

Значимость классической политэкономии уже заключается в том, что ее представители достаточно практично и логично определили предмет политэкономии, его границы, в неявном методологию и назначение. Неоклассики под влиянием идей апологетики и чтобы придать ей некоторую доказательность сузили предмет науки экономики до «человеческого поведения» (Л. Робинс), что сделало этот предмет размытым и неопределенным (Р. Коуз, Дж. Стиглиц) (Экономика, 2007, с. 11–34). Критические

вехи реальной мировой экономической истории с очевидностью убеждают, что выйти из этих острых кризисных ситуаций можно только выработав новую идею, новую стратегию, новые формы хозяйствования. Нельзя также выйти из кризиса, используя теорию, которая привела в тупик или к негативным последствиям. А последнее возможно лишь тогда, *когда люди начинают понимать, как происходит процесс выработки и получения приращенного, нового знания*. Подчеркиваем, приращенного качественного знания. Как оно принимается не только научным сообществом, внедряется в сознание людей разного уровня поведения и влияния – также вопрос, который редко занимает умы экономистов. Не менее сложная проблема практической реализации идей, теории в хозяйственный процесс. При этом, если обратиться к широкой мировой практике, далеко не всегда теории предшествовали принятию решений. Есть и другие важные проблемы развития экономической науки, которые сегодня по каким-то причинам не принято поднимать... Однако сама жизнь, хозяйственная практика требует все-таки в той или иной мере обратиться и оценить состояние науки экономики, ее тайные смыслы, предназначенные для немногих, и явные выводы для всех. «Но поскольку разделение труда приводит к разделению знаний, а разделение знания организовано по-разному, – пишет Д. Норт, – то для той координации знаний, которое способствует решению человеческих проблем, требуется нечто большее, чем набор цен... Но мы слишком мало знаем о том, как развивается система представлений, как они распространяются и какое влияние оказывают на итоги человеческой деятельности» (Норт, 2010, с. 112, 239).

При мнимой или действительной востребованности теоретических разработок, а это рано или поздно случается, чему могут радоваться экономисты, упускается из вида то обстоятельство, что экономическая наука представляет собой специфическую форму сознания и имеет особенности *«производства продукта», оценки его потребительских свойств, алгоритм использования, свою траекторию и циклы развития*. Здесь важные проблемы чередуются с лжепроблемами, а перспективные идеи с мифами, выверенные законы с догмами. И отделить зерна от плевел достаточно непросто. Инвентаризация же идей и полная рефлексия теории осуществляются крайне редко. Чем глубже и обширнее перемены затрагивают пласты общественных и экономических отношений, условий хозяйствования, тем более радикальный пересмотр требуется в структуре научного экономического знания, доходящий до парадигмального основания теории. А. Монкретьен один из первых попытался «мудрость государственного управления» довести до общественного обсуждения и признания (и критики тоже), что не добавило ему личного счастья, а, скорее, наоборот (Лемещенко, 2016а, с. 86–92). Кейнсианские откровения в эпоху общего кризиса капитализма прозвучали в среде научного истеблишмента ересью, после чего все-таки были сделаны существенные корректировки всех школ. Также как гром среди ясного неба прозвучало откровение высшего партийного руководства СССР в начале 80-х гг. прошлого века (Ю.В. Андропов), когда было сделано заявление о том, что «мы не знаем того общества, в котором мы живем», после чего начался поиск новой идеи необходимости обновления социализма на новой политико-экономической платформе. Правда, так называемая интеллектуальная мысль не слишком себя утруждала поиском и конструированием этой платформы, а объявила более упрощенный вариант действия – альтер-

нативы рынку нет. После этого начался процесс вульгарной «экономизации» всех постсоциалистических стран на уровне отношений XIX в. при довольно зрелом уровне производительных сил советской экономики, включая кадры с их сформировавшимися установками и мотивами, которые отличались от установок и мотивов западных коллег.

Современный уровень мирового социально-экономического развития представляет собой противоречивый итог как *научно освоенных действий* хозяйствующих субъектов, так и *стихийного начала* функционирования сложной многоуровневой политико-экономической системы. Анализ теории и хозяйственной практики как *единого целого* позволяет заключить, что между ними образовалась *устойчивая дихотомия*, в результате чего экономическая наука теряет присущие ей свойства, а хозяйственные процессы приобретают неустойчивый и неуправляемый характер.

Острота дискуссий *после системных преобразований* на постсоциалистическом пространстве вновь приобретает особую актуальность, поскольку так называемый *переходный период* затянулся на неопределенный срок, а его результаты оказались крайне скромными по сравнению с ожиданиями абсолютного большинства населения постсоциалистических государств. Рубеж нового века представляет, кроме всего прочего, именно такую ситуацию, когда накопленная критическая масса практических и теоретических изменений, предполагает не только активизацию исследовательской работы с ее легкой модификацией, но активное формирование *новой более плодотворной теории о современной хозяйственной деятельности* с ее сложной полицентричной, многополярной и динамичной направленностью, приобретшей к тому же нелинейный, дискретный, неопределенный и неустойчивый характер.

Внимание к экономической науке со стороны политиков, практиков крайне неустойчиво: в благоприятные периоды ее забывают, но востребованность ее разработок значительно усиливается во времена экономических кризисов и других тяжелых проявлений социально-экономического развития. Причем требуется, чтобы научный анализ, обобщения, выводы, оценки и рекомендации были сделаны в оперативном режиме, отвечая на запросы современности. Однако при этом забывается то весьма важное обстоятельство, что экономическая наука как специфическая форма сознания и деятельности имеет собственную траекторию развития со своими взлетами и падениями, истинными и ложными проблемами, перспективными идеями и мифами, своими циклами в эволюции категориального аппарата, адекватным инструментарием анализа. «Семена науки, – говорил Дж. Бернал, – не всходят и не растут, пока общественная почва не будет подготовлена для них экономической деятельностью» (Бернал, 1956, с. 662). Особенно это важно для гуманитарного знания, среди которого экономическое занимает весьма значимое, если не сказать, определяющее место. Последнее обстоятельство связано прежде всего с теми функциями, которые возлагаются на экономическую науку в силу ее особенных свойств.

Кроме традиционных эвристических задач экономическая наука оказывает огромное влияние на разнообразную реальную действительность, как через политико-экономические институты, так и через ту информацию, которую впитывают хозяйствующие агенты, политики, простые потребители и которой они руководствуются в своем поведении и при принятии решений. Ведь институты – это, прежде всего, система убеждений,

устойчивых норм, правил, традиций, обусловленных естественно-историческими условиями и формализованными декретированными документами. Экономический образ мышления и поведения основной массы населения (класса, социальной группы, политиков, интеллектуальной элиты) в стране является исходной предпосылкой стратегии развития.

Прошрое знание, которое возможно ранее и было верным, в силу естественного, иногда крайне стремительного развития событий теряет свою значимость по элементарной причине несоответствия с реальностью. Но это прошрое знание прочно задерживается в мышлении людей, среди которых некоторые могут проводить в жизнь это знание, ставшее уже предрассудками. Заметить несоответствие между новыми тенденциями развития технологий, производственных отношений и пр. с царящими в головах постулатами и так называемыми теориями с точки зрения обычной информации в новой ситуации бывает крайне трудно. К сожалению, как показывает история науки и самой хозяйственной практики, этот пересмотр, как на общественном, так и на индивидуальном уровне происходит тяжело и противоречиво под весьма жестким давлением обстоятельств, называемых экономическими кризисами, потрясениями или перестройками. И тогда трагедии судеб отдельных людей, обусловленные необходимостью пересмотра ими своих мировоззренческих позиций, формируют лишь определенный этап экономического цикла с его сухими экономическими показателями. Но если материальной основой цикла является обновление стержневого элемента в условиях воспроизводства (например, основного капитала на стадии развития промышленного капитала), то именно смена парадигм экономической науки выступает основой преодоления цикла теоретического. Безусловно, его преодоление очень специфическое, что вполне объяснимо особенностью этой сферы деятельности. Надо отметить, что выход на новую траекторию познания социально-экономической действительности происходит более противоречиво и болезненно, чем, например, выход из реального экономического цикла. Одна из причин этого положения – отсутствие в экономической науке такой традиции, алгоритма познания, как саморефлексия процесса познания и научных выводов.

Мир науки, в данном случае экономической, будет отвечать своему названию и назначению лишь при соответствии в той или иной мере миру реальному, экономическому, а точнее хозяйственному. Мера их несоответствия отражает степень погрешности человеческого знания, заблуждений, «пороков мышления», ошибок. Полной же идентичности, на наш взгляд, быть не может по простой причине динамичности, как практики, так и теории экономики. Но важно было бы для самоуверенного «экономического человека», создавшего своим неадекватным для природы и общества хозяйствованием немалое количество уже признанных и еще только намечаемых проблем, видеть и осознавать *относительность* своего знания и прогнозировать гносеологическую погрешность. Речь в данном случае можно вести о *метатеории экономической науки*, поскольку последняя накопила уже достаточный критический материал для своего осмысления. Но возможность выявления общих закономерностей науки, процесса получения не фрагментарного, а *целостного системного знания* (!) возможна лишь на междисциплинарном стыке различных других наук, включая и естественные, технические, политические и пр. И хотя шаги к этому делаются, однако проблема обобщения выво-

дов частных направлений, царящих в экономической теории, в целостное знание далеко не проста, как может это показаться на первый взгляд.

Чтобы преодолеть «дефект знания», возникший в экономической науке где-то к середине 80-х гг. XX в., требуется не только выявление и глубокое осознание существующих в ней самой проблем, но и понимание феномена науки в целом, ее места и значения в противоречивом процессе познания. В этом смысле необходимо, как это делалось и ранее в критические для истории и науки времена, приблизить экономическую теорию к философии. К сожалению, последняя констатирует крайне слабую методологическую и гносеологическую разрешимость. Но обращение к философии экономики, к инструментарию теоретического анализа, уже зафиксировавшим себя в процессе теоретического познания, позволяют выявить тот дискурс, который может стать в основе следующего нового направления экономической мысли. И хотя его признание, отработка в непосредственном практическом использовании научных исследований является делом непростым и длительным, все же это лучше, чем находиться в плену созданных иллюзий и абстракций, лишенных сколько-нибудь значимого теоретического и практического смысла. «История экономической мысли полна подобных примеров, – пишет М. Блауг, – и ничего не добиться, коллекционируя плоские обобщения о взаимосвязи между ценностными суждениями отдельных экономистов и качеством их теоретической работы. Пропаганда и идеология присутствуют всегда, но... экономическая наука всегда цепляется за предрассудки вчерашнего дня» (Блауг, 1994, с. 5).

Конечно, прогресс в экономической науке есть. Но, во-первых, его признание еще не носит массового характера, поскольку «mainstream» теории пронизан философией и инструментарием позитивистского утилитаризма. Такой подход удобен, позволяет соответствовать принципу верифицируемости, но не соответствует природе человека и его всему спектру ценностей и отношений. Во-вторых, это признание часто принимается в имплицитной форме и далеко не всеми влиятельными школами, авторами. В-третьих, вековая история эволюции экономической науки не принесла значимых изменений в фундаментальных идеях и теориях (Баумоль, 2001, с. 73–107). В-четвертых, полное проникновение новых исследовательских программ возможно тогда, когда каждая система категорий, понятий, законов, моделей и схем найдет свое место в идеально отраженном мире реальной картины сложившейся на сегодняшний день целостной и сложной системы «мир-экономики». Полицентричный и динамичный экономический мир, полагаем, нуждается в таком же многостороннем подходе, контуры которого уже имеют явные очертания с тем продуктивным приростом нового знания, в котором сегодня нуждаются все – от правящих миром и национальными государствами элит до рядовых обывателей. Сегодня гораздо лучше и выгоднее знать, что надо и возможно знать, где получить это новое знание, нежели только догадываться о его существовании. Поэтому и начинающим, и более зрелым исследователям надо не только помнить об этом, но и реально использовать, чтобы обеспечить хотя бы небольшой «прирост» знания о том сложном мире, в котором мы сегодня живем. Думается, какое бы мы не принимали определение экономической науки, хотя это имеет огромное значение для исследователя и полученных результатов, все же важно понимать под наукой не некий конечный результат, а процесс ак-

тивного и постоянного освоения действительности, сопоставляя последний с теми предпосылками, конструкциями, которые в последующем выдвигаются. Окажется, что в этом процессе как в самой жизни, не только деньги или другие материальные атрибуты оказывают влияние на поведение и состояние индивида, но и широкий спектр отношений и свойств, из которых складывается культура, переживания, ценности. Причем, по-разному эти условия будут влиять на поведение разных поколений.

Хозяйственная практика и наука: противоречивый диалог

Циклическое развитие экономики сегодня уже никто не отрицает. Но что касается науки экономики, то переоценки всего ее методологического, эвристического и инструментального арсенала если и случаются, то только под влиянием обрушившейся массы событий хозяйственной практики. Сила веры, сложившиеся убеждения иногда, как показывает практика, сильнее силы фактов. Получается, что факт – это не что иное, как вмененное сознанием представление о возможно и существующим из хозяйственной практики, но не доминирующим и ведущим явлением. Например, за экономический факт безработицы при всем при том, что она реально существовала уже десятилетия, был признан лишь в середине 50-х гг. XX в. Предполагалось (?), что уволенные должны были сами найти работу, соглашаясь на более низкую плату и даже другой регион. Реальность должна была подтвердить известное правило $MC = MR$.

Общий мировой кризис 2008 г. указал на кризис системы институтов рынка. «Международное сообщество уже в который раз перед трудным выбором, – пишет Дж. Стиглиц, – между реформированием существующих институтов и созданием новых. Реформа существующих институтов может оказаться трудной, поскольку их сотрудники привержены экономическим теориям, которые столь сильно повлияли на возникновение экономического кризиса» (Стиглиц, 2010, с. 234). Экономическая наука, если подвести итог ее эволюции доминирующего течения к текущему периоду, на своей неоклассической парадигмальной основе также обнаруживает свой методологический предел, т. е. кризис. Кратко проявления этого кризиса можно выразить, во-первых, в том, что экономическая наука до сих пор четко не зафиксировала в соответствующих категориях свой предмет и не определила его границы. Во-вторых, преобладание индуктивного подхода делают результаты анализа фрагментарными, малые данные которых в последующем не дают цельного образа экономики. Отсюда невозможность поставить верный диагноз пациенту под название «экономика». В-третьих, «монетизация здоровья» хозяйственной системы никак не обеспечивает реального отражения динамики и потенциала к развитию. В-четвертых, формализм и статичность науки также не добавили и не добавляют практике возможности прогноза и соответствующего отражения. Экономический анализ, к сожалению, за последние лет пятьдесят идет не от знания экономики с последующим использованием адекватного инструментария, а от знания математики, уже имеющих абстрактных моделей, к постулату «какой должна быть экономика». Например, при ответе на вопрос о том, что важно в первую очередь для профессии экономиста, 65 % студентов ведущих университетов США

обратили внимание на знание в первую очередь математики и моделей, а на необходимость глубокого знания экономики ответили лишь 3 % (Кламер, 2015, с. 86). В-пятых, пора признать, что категории «индивид», «коллектив», «общество», «хозяйственная система» своими свойствами далеко выходят за универсальные возможности использования индивидуалистическо-субъективистского подхода, на основании которого пытаются построить систему цен и модель развивающейся системы. В-шестых, действительно, институты не просто «имеют значение». Они первичны и задают рамки поведения хозяйствующим субъектам. Институты культуры здесь не менее важны, чем, например, деньги. Поэтому, в-седьмых, наделение человека чертами жесткого «экономизма», имплантация его и в сферу семьи, человеческих отношений, политики подавляют в человеке нравственные основания и выдвигают на первый план алчность и пр. свойства, разрушающие человеческую цивилизацию. В-восьмых, изменения в технологиях и внедрение в экономическую и культурную сферу информационной составляющей и ее материальных носителей, изменения организационно-производственных отношений настоятельно требуют на категориальном уровне обеспечить изучение информационной экономики, подчинившей по существу остальные традиционные уклады (Лемещенко, 2013, с. 67–86). Экономическая наука после классической политэкономии, которая для исследования в свое время открыла удивительную, но практичную для соответствующего производственного потенциала категорию «стоимость», сегодня, пожалуй, единственная, которая не имеет своей научной субстанции, тогда как ее имеют, скажем, физика, химия или биология. От стоимости в явном виде хитроумно-математически ушли, а от ценности лукаво отошли, и цена осталась без своей социально-экономической основы. А это узловый элемент экономики. Наконец, последнее. После жесткого мыслительного противостояния марксистской политэкономии и неоклассической доктрины последняя, к сожалению, начала отходить от эвристическо-познавательной функции и увлеклась явно или изыщно в математических изысканиях обычной апологетикой более сильной и соответственно более богатой стороны – капитала. Но капитала без труда не бывает, равно как и развития (Лемещенко, Голубев, 2014). Здесь все-таки нужен диалектический подход для решения практического конструктивного диалога. Разговоры о поддержке бизнеса и пр. останутся пустыми разговорами, если мышление будет замыкаться только на «бизнесе», который даже иногда не ассоциируют с капиталом.

Научное и околонуучное сообщество – тоже люди с их житейскими интересами и мотивами. Их мастерство убеждения и аргументации прямо пропорционально величине гонорара за заранее оговоренные результаты. «Науку часто сравнивают с поиском истины, где истина – нечто абсолютное, существующее независимо от наблюдателя. Но мы рассматриваем науку больше как поиск *понимания*, где последнее связано с наблюдателем, ученым. Такое понимание лучше всего достигается путем изучения взаимосвязей – между различными идеями, различными явлениями; между идеями и явлениями» (Ауманн, 2010, с. 454).

Анализ показывает, что *финансовый капитал как производная форма вступил в противоречие с капиталом как экономическим феноменом, основанным на частной собственности и производительной норме поведения.* Кроме общей мировой нестабильности уже система отношений вступи-

ла в противоречие против человека как вида и как социума. В условиях глобализации наметился переход традиционной власти от денег и государства к иным формам и институтам. Одновременно заложена основа *дестимулирования*, поскольку перераспределение прав собственности не носило экономического характера и обусловило значительное отклонение от известного равновесия по Парето. *Законы распределения*, на которые повлияла кредитно-денежная система в первую очередь, вступили в противоречие с *законами собственно воспроизводства*. Праздная жизнь как вторая сторона экономик рыночного типа небольшого числа богатых государств, которую критиковал еще Т. Веблен, оказалась навязанной и, следовательно, ближе к населению, чем жизнь производительная. Известный лауреат Нобелевской премии по экономике оценивает ситуацию интеллектуального экономического потенциала, сложившегося на текущий период следующим образом: «К сожалению, мы не используем знания, которыми обладаем, – пишет П. Кругман, – поскольку слишком многие люди, облеченные властью, ... многочисленный класс говорящих и пишущих, формирующих общественное мнение, по разным причинам предпочли забыть уроки истории и выводы нескольких поколений экономистов и заменить давшиеся большим трудом познания идеологически удобными предубеждениями (Кругман, 2004, с. 9–10).

Экономическая теория: между интуицией и логикой

Сегодня нет ни одной страны, которая бы серьезно не задумывалась над своим будущим. Экономическая наука пытается это сделать, обобщив индивидуальные и коллективные предпочтения, мотивы, увязав все это с возможностями политико-экономической системы. Но это если вести речь о политико-экономическом анализе. К сожалению, экономический анализ (неоклассика), как правило, абстрагируется от истории, институтов, реальности и возможностей власти. Причем, при недовольстве настоящим пересматривается прошлое, а будущий прогноз даже на короткий период в лучшем случае выстраивается из множества сценариев, которые после никем не анализируются. Поиски выхода из сложившихся больших и малых проблем осуществляются в различных направлениях. При кажущемся многообразии все их можно объединить в две большие группы: первую, лежащую в плоскости национальных факторов разрешения проблем, и вторую – на международном уровне. Причем внешние условия практически для всех государств являются предопределяющими. Никто не станет отрицать регулятивных действий различных международных организаций, влияющих на внутреннюю национальную экономическую политику, валютных курсов и пр. Инструменты здесь применяются самые разные и они более или менее известны. Мы хотели бы обратить особое внимание на такой мощный и, пожалуй, базовый регулятивный инструмент как экономическая наука. Последняя в силу своих функций определяет не только восприятие экономического и тем более политико-экономического мира, но позволяет определить в дискуссиях или без то направление практики, которое предполагается сформировать и придать ему импульс в развитии. Воспринятые в университетах экономические идеи, пожалуй, сильнее власти.

Процедура исследования экономической науки и проста и сложна. «Исследования в экономической науке... требуют применения как теоретических, так и эмпирических методов. Теория задает рамки мышления и дает ключ к пониманию данных (подч. – П.Л.): без теории, или, иными словами без рамок интерпретации, данные будут лишь любопытными наблюдениями, не позволяющими извлечь сколь-нибудь полезные выводы для экономической политики. И наоборот, теория сопровождается эмпирическим опытом, который может аннулировать теоретические выводы или гипотезы, приводя таким образом либо к обогащению той или иной теории, либо к отказу от нее» (Тироль, 2017, с. 99). Таким образом, правильное понимание мировых тенденций социально-экономического развития, верная оценка своего места в сложившемся «мировом экономическом порядке» дает возможность выбрать и правильный ориентир в оценке фактов национальной экономической политики, определив как стратегию, так и тактику решения глобальных и частных задач. Это тоже невозможно без теории, моделей, понятийно-категориального аппарата. Но, как пишет далее тот же Ж. Тироль, «модель, в лучшем случае представляет собой метафору, а худшем – карикатуру на реальность» (Тироль, 2017, с. 103).

Дать объективную, полную и всеохватывающую оценку мировой экономики – дело архиважное и сверхсложное, поскольку это требует использования всевозможных количественных и качественных показателей. Но фактом остается то (!), что только те страны, которые доверившись ученым с их реальной оценкой объективных мировых политико-экономических тенденций, смогут быть впереди с реальными внутринациональными успехами. В объективной оценке мировых очень разных и противоречивых процессов существует и гносеологическая проблема. Всегда есть опасность подходить к мировым процессам с позиций ученого-исследователя, проживающего в той либо иной стране, т. е. существует так называемый региональный, страновой ограничитель, барьер. Кроме того, в анализе мировых событий преобладает оптимистический или пессимистический подходы, когда успехи/неуспехи одних стран распространяются на все остальные страны. Это делается хотя и неправильно, если следовать главной задаче науки – эвристической, но не всегда искренне, находясь под влиянием определенных интересов и сил давления. Иначе говоря, конкуренция в умах сегодня предшествует конкуренции реальной, поскольку в основу представления о современном мирохозяйственном устройстве положены гипотезы о примате частной собственности и конкуренции. Правда, по сути, нет таких теоретических работ, где доказывается о большей эффективности экономик с такими логическими и реальными политико-экономическими основаниями. Иначе говоря, если и признать такие предпосылки необходимыми, то все равно они не являются достаточными для понимания того, как сформировать более эффективную экономику в реальности, учитывая всю сложность и глубину понятия «эффективность», инертность и противоречивость институциональных преобразований.

Дело в том, что параметры поведения, нормы и образы морали и экономической эффективности, принципы распределения и пр. вначале задает наука в целом и экономическая в частности, имеющая во все времена мощный идеологический импульс влияния. Последняя, например, своими теориями и «теориями» определяет рамки и *содержание* эконо-

мического мышления, а, следовательно, и поведения. Образовательные учреждения разных ступеней дают аппарат и философско-социальный контекст того, как следует воспринимать мир в целом и хозяйственный в частности. Экономическая наука, как правило, сохраняя прежние эвристические традиции, всегда новыми идеями и теориями находила более эффективные пути разрешения сложившихся проблем. Но она может очередной «моделью», «теорией» создать очередную финансовую пирамиду, спровоцировав «научными прогнозами» о росте рисков кризис. А в кризисе, как известно, одни проигрывают, и их большинство, а другие выигрывают, и их меньшинство. Сегодня так «работает» мировая экономика. Как отмечает Нобелевский лауреат М. Алле, теория международной торговли, которую навязывают сторонники либеральной либерализации, лжива и не выдерживает научной критики (Allais, 1998, s. 65–66). Но этого не замечают не только руководители, регулирующие международные отношения, но и те, которые механически транслируют учебные пособия по мировой экономике. Скорее всего, это кому-то выгодно. Полагаем, что не вносит в возможности национального социально-экономического развития и «научный империализм» (Попов, Попова, Кочетков, 2017, с. 107–123). Речь идет о требовании публиковаться на английском языке, стандартизации научного изложения и попытка ограничить публикации рамками ранжирования мировых баз данных, например, Scopus и Web of Science. Мы не против этого, но предварительно надо понять специфику и назначение экономической науки в целом как института. Полагаем, что разного рода повторяющиеся международные санкции для ряда стран, и Беларусь и Россия здесь не являются исключением, есть не что иное как реакция на то, что кто-то «не так думает» и, следовательно, строит свою национальную экономическую политику.

Итак, аспект теоретического освоения всех старых и новых проблем, как мы уже убедились, выходит на первое место. Именно с него может получить старт новый этап в истории мировой экономики и национальных государств. Метод проб и ошибок должен уйти в историю. Но предварительно, под углом зрения мировых тенденций выясним, что и как влияет на изменения в экономической науке.

Во-первых, критически оценивая прошлое и заглядывая в будущее, нельзя не отметить того, что конечным итогом всего мирового исторического развития явилось обсуждение еще на заседании «Римского клуба» в 1968 г. всего комплекса накопившихся к этому времени острейших противоречий, которые в последующем стали обсуждаться как глобальные проблемы. Начатое здесь и стремительно продолженное в последующем их всестороннее изучение полностью подтвердило, по сути дела, крах технократического мышления и таким образом завершился триумф индустриализма. Обнаружилась тупиковая ситуация, поскольку рухнула предпосылка, на которой основывалась технологическая экспансия – представление о неисчерпаемости природных ресурсов и безграничных возможностях природы к восстановлению нарушенного общего равновесия. В свою очередь возникшее несколько ранее противоречие в так называемой «чистой экономической науке» также проявило себя в полной мере, выразившись в устранении жесткой детерминированности таких факторов производства, как «техника – человек» и смене приоритетов в сфере мотивации его общественно-трудовой деятельности.

Глобальные проблемы, с которыми столкнулось человечество, называют иногда «кризисным синдромом всемирного развития», подраз-

умеая при этом целое множество таких беспрецедентных кризисов, как экономический, энергетический, продовольственный, демографический, сырьевой, экологический и даже социально-психологический. То есть, говоря словами О. Тоффлера, это кризис не капиталистический или социалистический, а индустриально-технократический, а точнее – цивилизационный, в котором весьма настойчиво ставится под сомнение необходимость существования традиционной основы общества с его целями, стремлением к экономическому росту, культурой, моралью, устоявшимися экономическими принципами, традициями, научными критериями. Главная особенность текущего момента в том, что эти фундаментальные проблемы с поразительной остротой обнажили все сразу и одновременно. Даже З. Бжезинского, который всегда свято верил в гибель коммунизма и незыблемость западноевропейской цивилизации со всеми ее основами и атрибутами, происходящее в мире, дополненное стремительными событиями в Восточной Европе, привело в смятение и состояние большой неуверенности перед будущим (Бжезинский, 1994).

Признание «всеобщего кризиса» экономической наукой в целом дает возможность не оказаться снова безоружным и незащищенно растерянным перед лицом совершенно новой цивилизации в широком смысле этого слова и требует построения, по мнению таких научных авторитетов, как Дж. Нэсбит и Ё. Масуда, абсолютно новой научной парадигмы, свободной от традиционных концепций и конструкций (Masuda, 1981, p. 72; Naisbitt, 1982).

Для экономистов постсоциалистических стран расширение угла зрения наверняка подтолкнуло бы к отказу, как от старых, так и уже приобретенных догм, которые ни на йоту не продвигают освоение научной истины изменяющейся нашей действительности, а, скорее, уводят в сторону от нее или просто запутывают даже несложные для понимания вопросы. Ведь довольно явственно в массовом масштабе проявляется тот же общепризнанный научный стандарт с точностью до наоборот: черты хорошего социализма заимствуются еще более лучшим рынком, частная же собственность приобрела, пожалуй, совершенно неожиданные даже для ее вековых владельцев все лучшие преимущества собственности общественной, а «условия перехода к социализму, коммунизму» довольно просто, если не сказать примитивно и бессмысленно, заменяются «условиями перехода к рынку». Экономике будущего нужна точность мысли и также умеренность в поведении (Колодко, 2014, с. 461).

Очевидное не есть действительное в экономике

Во-первых, предлагаемые на сегодняшний день в экономической науке ориентиры или аксиомы типа «рынок» и критерии – «как в цивилизованных странах» в лучшем случае могут быть признаны как рабочие, поисковые варианты политэкономической стратегии, так же как и прозвучавшее спустя год после прихода новой власти откровение о рыночном социализме, ждущее, видимо, своего часа для обсуждения.

Во-вторых, за последние 50–60 лет произошли, можно сказать, коренные изменения в субординации национальных и международных экономических отношений. Торговля, выступив исходной формой образования мирового хозяйства, через жесткую конкурентную борьбу, но не без успеха, была дополнена соответствующими формами производитель-

капитала, которые закрепили интернациональные связи и превратили мировое сообщество в действительную систему. Международные экономические отношения из вторичных превратились, таким образом, в первичные со всеми вытекающими отсюда последствиями. Территориальный национальный суверенитет заменяется понятием функционального суверенитета, предполагающим передачу части функций отдельных государств вновь образованным наднациональным органам. Созданные соответствующие международные политические, экономические, военные и другие институты стали в конечном итоге определять цели и многие параметры национального развития. Сейчас ни одно государство и даже, пожалуй, ни один гражданин той или иной страны не могут себе представить свои права, возможности, свое положение и доходы (настоящие и будущие) без валютных курсов, таможенных правил, мировых цен. Следовательно, и экономическая теория, традиционно базировавшаяся на соответствующих национальных стоимостных категориях, по существу, утратила во многом свою историко-логическую самостоятельность и значимость. Характерное для рынка взаимодействие спроса и предложения, а также им сопутствующие категории по нисходящей пронизаны разного рода международными регулирующими политико-экономическими и правовыми актами. Известная смитовская «невидимая рука», правда, не стала более видимой и не только из-за усложнения общественных отношений и взаимосвязей, но и благодаря влиянию довольно мощного идеолого-пропагандистского аппарата, который искажает и без того необычайно слабый для данного уровня общественного развития инструмент познания экономической науки. Консалтинговые фирмы и рейтинговые агентства – это новые институты, которые выступили сильнейшими посредниками между субъектами хозяйствования, между экономикой и политикой. Биржи сегодня ориентируются больше на информацию разного рода агентств, нежели на рыночную информацию. Агентства же в своей деятельности руководствуются коммерческими стратегиями, как показал общий кризис 2008–2009 гг.

По поводу трансформации самой экономической науки, когда доминирующим из множества факторов общественного развития выступил фактор НТР, писал еще в 50-е гг. Ж. Фурастье: «... нет ни одного раздела политической экономики, которые не должны были бы быть пересмотрены под углом зрения технического прогресса» (Fourastie, 1958, s. 25). Несколько позже, когда за пределами экономической науки постоянно оставались уже другие необычайно важные вопросы социально-экономической системы, эту же проблему поднятия самой экономической науки на новую ступень подчеркивал и один из исследователей современного общества П. Икинз: «... Экономическая наука зашла в тупик, инструментарий ее пригнулся... Необходимы новый старт, разработка экономического подхода, который соответствовал бы науке, технологии, ценностям и отношениям конца XX века» (Ekens, 1986, p. 1). О том, что такая работа уже делается, может свидетельствовать хотя бы недавно вышедшая книга Ж. Тироля «Теория корпоративных финансов» (М., 2017). Эта книга действительно отличается от многих других, прежде всего, своим синтезированным методологическим подходом и его удачным использованием в конкретных областях. Трактат охватывает, казалось бы, совершенно разные области знаний – корпоративные финансы, теорию информации, организацию отраслевых рынков, теорию агентских отношений, контрактов, аукционы и их организацию, политэкономию финансов, ма-

кроэкономику, теорию развития. Таким образом, это хороший пример систематизированного приложения теоретических идей к области корпоративных финансов. Центральной же идеей здесь стала информационная асимметрия и агентские отношения, которые принципиально меняют процедуру и алгоритм принятия решений на уровне корпораций.

Экономисты, обществоведы постсоциалистического пространства также, видимо, еще помнят известный тезис 80-х гг. о непознанном социалистическом обществе, в котором мы живем, официально как бы открывшем многочисленные дискуссии относительно научного аппарата экономической и других гуманитарных наук, перспектив и концепций будущего. Эти малопродуктивные, по нашему мнению, дискуссии были прекращены стремительными политическими событиями и официально поставленной и безропотно неосмысленно принятой новой установкой – «альтернативы рынку нет», что не избавило, впрочем, от необходимости думать и анализировать еще более напряженно. Поэтому, реанимируя смитовские идеи с его свободной конкуренцией и «невидимой рукой», стихийно управляющих экономической ситуацией, нельзя не замечать того важного обстоятельства, что это уже «международная невидимая рука», формирующая правила поведения и корректирующая иногда очень жестко и властно чьи-то отклонения от установленного, например, «нового экономического порядка». В этой части рассуждений можно лишь напомнить в силу достаточно широкой известности о таких факторах, как монополии и государство, которые еще значительно раньше не только во многом изменили традиционную экономическую систему, но и трансформировали классическую экономическую науку. Ни одни даже самые «чистые» экономические рассуждения в нынешних условиях жесткой взаимосвязи не будут иметь абсолютно никакого смысла, если не сделать допущений типа «при прочих равных условиях», т. е. пренебречь мощным влиянием государства, крупных корпораций и многочисленных интернациональных организаций. Возникшее мировое хозяйство с его многонациональным бизнесом прежний предмет кейнсианского анализа – управление национальным спросом, – дополняет необходимостью синтеза с управлением совокупного предложения, далеко выходящего за привычные национальные рамки экономического роста.

В свою очередь снизилась эффективность традиционной денежной, фискальной и валютной политики с ослаблением доверия к экономическим процессам. Но именно в таких довольно сложных социальных и экономических взаимосвязях, значительно расширяющих объект анализа, если говорить словами В. Леонтьева, может еще только наступить «золотой век» экономической науки (Леонтьев, 1990, с. 90). Это интересное замечание уважаемого мэтра относительно перспектив экономической науки, сегодня активно получает конкретное развитие в работах Дж. Стиглица, Д. Родрика, Д. МакКлоски, А. Кламера и др.

В-третьих, чтобы такое время наступило и стали реальностью не традиционные стыдливые объяснения и оправдания по поводу очередного неудавшегося исторического зигзага, а освещение будущего с построением его возможного сценария, необходимо экономистам осознать, что их представления о производственно-технологических изменениях, о социальных взаимосвязях и природе человека слишком ограничены. Действительно, нельзя же не замечать ухода с исторической арены традиционных отраслей и возникновения принципиально новых машин и технологий, произошедших изменений в структуре капитала, поистине фантастиче-

ских возможностей в сфере информационного и товарного обмена, возникновения иных, более сложных мотивов поведения людей, роли последних во всем воспроизводственном процессе.

В-четвертых, обращение к классическим основам той или иной науки полезно и необходимо даже не в смысле поиска новой оригинальной идеи, подсказывающей ответ на вопросы современности, а в смысле проверки этой идеи и предлагаемого для ее обоснования набора аргументов на научную прочность, т. е. обращение к своеобразному детектору на истину. Иначе мы попадаем в ситуацию, о которой А. Дитон сказал следующим образом: «...Мы зачастую настолько плохо понимаем, что им нужно (принимая решения – П.Л.), чего они хотят, как устроено их общество, что наши неуклюжие попытки помочь на тех условиях, которые мы считаем правильными, приносят больше вреда, чем пользы» (Дитон, 2016, с. 347).

Экономическая наука: вперед к политэкономии

И хотя мы ранее пользовались термином «экономическая наука», все же надо понимать неточность и размытость этой категории. Особенно если учесть различные направления дисциплин по направлениям, сферам и методикам анализа. Как известно, начала науки экономики положила политэкономия, дав ей название и направления эволюции предмета. Рамки и зрелость предмета, его аналитическая сила была оформлена представителями классической политэкономии. В силу объективных и субъективных причин политэкономия начала распадаться на ряд частных дисциплин, а обобщающая теоретическая сфера получила по преимуществу название «экономическая теория». И хотя этот термин до конца не нашел своей строгой определенности, все же за ним в большей степени закрепилась теория неоклассики (Лемешенко, 2015, с. 113–122).

Жизненность и прочность классической экономической доктрины объясняется, прежде всего, правильным пониманием ее авторами предмета и роли политэкономии в социокультурном развитии, удивительно гармоничным сочетанием объекта исследования со всеми его элементами (начиная от структуры и форм общественного богатства до... его распределения), с освоенным на тот период методом и системой категорий, каждая из которых приобрела свое место и назначение. Но заслуженная оценка классической модели может быть верно понята и принята лишь при условии восприятия того, что традиционно остается за «кадром» – назначением и ролью в этой теории таких неэкономических факторов, как мораль, нравственность, традиции, сложившиеся связи и устои общества, политика, право, религия, культура и т. п. Важность вышеназванных факторов с точки зрения влияния их на смитовскую парадигму экономической науки трудно переоценить, но иногда невозможно разглядеть, особенно сейчас, за большим обилием исторических и экономических фактов, часто превращающихся в непоколебимые мифы через призму непогрешимых академических иллюзий, иногда скрывающихся за удобными математическими формулами и графиками. Иначе говоря, поиск решений по животрепещущей как для всего мира, так и для нашей республики проблеме экономического роста лежит не в плоскости

традиционных экономических факторов, а за их пределами, обозначенными как институциональные факторы. Последние также имеют свою классификацию, особенности механизма проявления и управления, свой спектр влияния и движущие силы, степень результативности и надежности с точки зрения будущего системы со всеми ее элементами.

Конечно, легче всего ожидать от конкуренции положительного результата, рассуждая о разного рода «эффектах» и «предпочтениях» «саморегулирующейся системы», что стало у нас массовым явлением. Но недоумение вызывает то, что при всем обилии литературы, в которой с завидным постоянством и на протяжении веков хранится верность этому экономическому феномену, за исключением, пожалуй, работ К. Маркса и Й. Шумпетера, вряд ли где еще можно найти глубоко обоснованный механизм действия конкуренции, наглядно подтверждающий и доказывающий на языке экономических категорий, а не посредством ссылок на Ч. Дарвина, его результативность, особенно применительно к условиям «постиндустриального», «посткапиталистического», «информационного» общества, активно использующего нетрадиционные технологические уклады 5-го и 6-го уровней.

Как известно, экономический прогресс самым тесным образом связан с разделением труда и специализацией. Негативные стороны этого процесса были отмечены еще П.А. Кропоткиным. В сфере идеальных форм, к которым, безусловно, принадлежит и экономическая наука, специализация также активно проявила себя, что обусловило расчлененность знания об экономике, природе и обществе. Специализация в экономической науке на новой теоретической основе по школам, отраслям, сферам деятельности и т.п. началась, по существу, с классической школы, которая возникла как синтез предшествующих теоретических идей. Цельность знания стала серьезной проблемой, порождающей не только неиссякаемые дискуссии, но и весьма серьезные катаклизмы и коллизии в практике. Последние, если уж не считать самых сильных экономических потрясений, довольно часто не признаются в качестве истинности или заблуждений той или иной школы. В силу этого, а также при возможности саморазвития любой идеи на формально-логической основе самым устойчивым и, может быть, самым настойчивым по привлечению к себе внимания в последние десятилетия является неоклассическое направление с его монетарной интерпретацией.

Трудно понять, почему именно монетарные идеи были приняты в качестве основы экономической политики реформируемых государств, среди которых находится и наша республика. Видимо, в силу их очевидной абсурдности и непонимания природы этих идей самими реформаторами. Но еще Дж. Хикс отмечал ограниченный характер монетаризма: «Наши проблемы носят в настоящее время не просто денежный характер и не могут быть решены с помощью монетаристских методов (Хикс, 1993, с. 90). Возможно, таким образом, предполагалось развить теорию о бесклассовом обществе, в строительстве которого большинство «реформаторов» раньше принимало самое активное участие, потому что основу неоклассической концепции, как ни парадоксально, образует именно предположение о бесклассовом обществе, что принципиальным образом отличает это направление от классической политэкономии. Обращаясь еще к таким авторитетам, как Дж.М. Кейнс, необходимо заметить, что последний также неоднократно подчеркивал вред, а для де-

прессивных ситуаций и пагубность использования денежно-кредитных инструментов. Наша экономическая ситуация требует по крайней мере хотя бы задуматься о теоретическом основании проводимой экономической политики. Естественно, это привело бы к значительно меньшему количеству партий, оппозиций, пустых дискуссий.

Если оценивать с позиций социально-экономического прогресса в его современном понимании практическую значимость консервативной ветви неоклассической школы, которая, как никакая другая, претендует на исключительную значимость в экономической науке, то без преувеличения можно сказать, что человечество достигло нынешнего уровня развития не благодаря, а вопреки этим идеям, проявляющим удивительную невосприимчивость не только к открытиям других наук и иных экономических школ, но и игнорируя суть происходящих вокруг изменений. «Варясь в собственном соку», предлагаются самые изощренные, но не наполненные реальным экономически содержанием, инструменты анализа. Примеров здесь более чем достаточно.

Последним и самым характерным может быть пример явно неудачного использования политики либерализации и монетаризма в таких странах, как США, Англия, других развитых странах. Здесь обнаружила себя удивительная ситуация экономической стагнации с ростом на первоначальном этапе прибылей, обеспечивающихся не в результате роста производства (поскольку произошло сокращение и государственных и частных инвестиций), а в результате финансовых спекулятивных операций. Поэтому в этих странах надежды на повышение деловой активности возлагают, так же как и у нас, на внешние инвестиции, в частности на уже работающий и достаточно хорошо зарекомендовавший себя японский капитал, и традиционно без особых комментариев и аргументов на абстрактную конкуренцию. А еще – на чисто социалистическую меру: поддержку банковской системы из различного рода общественных фондов денежными ресурсами. Иначе говоря, доходы приватизируются, а расходы национализируются – чем же не новое общество?..

На наш взгляд, в обращении к конкуренции, риторической частной собственности без форм ее реализации как своеобразному экономическому локомотиву присутствует или элемент лукавства, вызываемого известными слабостями человеческими, или неосознанного заблуждения, ставящего под сомнение как возможности науки, так и способности человека на заранее согласованной основе рациональным образом координировать свои действия и, таким образом, оптимизировать весь спектр отношений и взаимопереплетающихся интересов индивидуумов. Но нельзя же не замечать того, что в экономике сложилась весьма противоречивая ситуация между финансовой сферой и остальными секторами производства явно в пользу первой, когда деньги начинают и выигрывают безо всякой конкуренции. Кроме этого, в силу ряда причин из конкурентной среды выключаются такие отрасли, как сельское хозяйство, наука и образование. Весьма специфично проявление конкурентных сил в медицине, отраслях инфраструктуры. Скажем так, ученый, учитель, врач могут конкурировать лишь между собой, а не с торговцем, работниками сферы услуг или занятыми в сельском хозяйстве. Слишком разные сферы деятельности у них, которые определяют старт конкуренции, силу и время оборота капитала.

Однако все это говорится не ради умаления заслуг одних позиций, взглядов, школ и восхваления других. Человечество с его эгоистическим

«экономическим интересом» (*homo economicus*) со времен А. Смита накопило слишком много сверхактуальных проблем, чтобы будущее уже даже одной страны отдавать на волю случая, конкуренции и «рациональных ожиданий», придавая без тени сомнения всему этому respectable научный вид со ссылками на результативность. Для раздумий по поводу эффективности экономики «цивилизованных стран» можно привести несколько любопытных цифр. Например, индустриально-развитые страны, имея около 20 % населения земного шара, используют почти 70 % всех ресурсов земли и производят 80 % всех загрязняющих веществ. При этом только США при 5 % населения используют около 40 % мирового объема добывающих ресурсов и выбрасывают в окружающую среду почти 50 % всех мировых отходов. Производство же одного стакана молока на Западе обходится в полстакана бензина.

Не подтверждается также никакими статистическими данными, ни самой жизнью известный тезис неоклассической школы о воздействии конкуренции на снижение цен. Правда, если что и снизилось за последние годы, так это реальные ставки заработной платы на рынке труда, темпы экономического роста и общий уровень жизни в странах, которые активно применяли у себя методы монетарной политики и либерализации. Поэтому эти и другие аргументы если и не убедят, то позволят хотя бы усомниться в универсальной значимости ортодоксального направления в экономической мысли, потому что неоклассический экономический романтизм конца нынешнего столетия, вскормленный ортодоксальным европейским прагматизмом и наполненный американским долларовым содержанием, имеет лишь определенный ограниченный сектор экономики с его соответствующим уровнем и сферой. Справедливости ради надо отметить, что анализ на уровне фирмы не только возможен, но и крайне необходим. Но его разрешающая способность, т. е. всесторонняя научная обоснованность без искажения действительности, и практическая значимость увеличиваются только после «выяснения позиций» на международном и национальном макроэкономическом срезе. В противном случае это будет оригинальная, не лишенная логико-математической замысловатости гимнастика ума, на которой, пожалуй, и закончится ее научная значимость и практическая применимость.

Однако из этого вовсе не следует хотя и распространенный, но весьма упрощенный вывод типа: «...если свободная конкуренция уже не может, то государство должно и обязано...». Дело в том, что прежде чем надеяться некое государство распорядительно-регулирующими полномочиями, необходимо помнить об ограниченных возможностях института государства. Традиционно в силу своего естественного положения государство возлагает на себя значительно больше полномочий, чем способно «переварить», присваивая себе права и победы, отдавая «этому» народу обязанности и ответственность за свое руководство. Как политический элемент общественной системы государство всегда имело и имеет завидную и устойчивую тенденцию к обособлению с явно выраженными эгоистическими интересами и мотивами поведения, маскируя и часто выдавая их за «государственные, национальные интересы». С юридической точки зрения четкого критерия между ними практически не существует, хотя в каждом государстве существуют законы о государственной измене, коррупции и т. п.

Истории известны также многочисленные факты, когда силой государственной машины создается крайне малоэффективная экономика со всеми вытекающими отсюда последствиями для абсолютного большинства населения. Тем не менее она обеспечивает расточительный образ жизни государственных чиновников и еще совсем незначительной, очень пестрой по составу части населения страны из среды ученых, независимых журналистов и политиков, деятелей культуры и искусства, работников профсоюзов, персональных пенсионеров, которых устраивает такое положение вещей по вполне понятным причинам. Декабристы появляются, возможно, потом, после того как на поддержание «стабильности экономического кризиса» уже не хватит никаких политико-правовых мер, ресурсов, времени и сил для репрессий. Страны, упустившие момент необходимых обновлений еще в 50-е гг., сегодня обеспечили для себя невыигрышную ситуацию на мировой арене по многим параметрам.

Поэтому в новой формирующейся концептуальной основе экономической науки конца XX в. должны быть не вопросы чистой экономической теории, а *фундаментальные проблемы природы, общества, экономики с соответствующей методологией и системой категориального аппарата*. Ряд «традиционных» и новых для этой науки вопросов волно или невольно, но уже получил некоторое свое освещение. В иных же престижных вузах, призванных готовить нестандартно мыслящую правящую элиту, немалое число актуальных и современных, но характерных именно для политэкономии проблем, прочно вошло уже в учебные курсы, хотя и под абсолютно разными названиями. Тем более что в мировой практике сложилась, может быть, еще не совсем окончательно, но именно такая ситуация, когда между группами стран распределяются роли и функции. Например, *первая известная группа стран* занимается формированием политики на глобальном уровне, выступает законодателем и распорядителем финансов, производством и аккумуляцией знания, информации, выработкой технологии, производит некоторые весьма значимые материальные элементы основного капитала. Бесспорно, что широко распространяемые учебные курсы типа «экономикс» с разной степенью их освоения могут выступать лишь как арифметика экономики, что, конечно, явно недостаточно. *Вторая группа стран* обеспечивает производство вспомогательных элементов основного капитала и товаров массового потребления. *Третьей же группе стран* история оставляет лишь роль поставщика сырья, дешевой рабочей силы и региона сбыта морально устаревших и не совсем качественных товаров. Естественно, как вторая, так и третья группы стран могут выступать пользователями, где-то даже создателями соответствующих сфер экономической информации и знания, необходимых для безупречного выполнения своих функций.

Понимание последнего положения представляется особенно важным для освоения западной экономической науки на постсоциалистическом теоретическом пространстве, чтобы, отличив действительно научное достижение от массового поп-знания, наладить у себя в стране соответствующую подготовку квалифицированных специалистов, а не пропагандистов-черносотенцев, «приобщающихся к мировым достижениям» теории за две-три недели с адекватным поведением на товарном рынке или на ниве государственного управления.

Осознание своей роли каждым государством, каждым народом позволило бы сконцентрировать интеллектуальные и природно-экономи-

ческие возможности для выхода на более значимую и приемлемую позицию, а не возмущаться «происками» Запада. Народы Западной Европы, если и не любят, то уважают достойных и понимающих партнеров, создающих не только материальный продукт, но и полезную информацию.

Следующим направлением приведения экономической науки в соответствие с современной изменившейся реальностью, требующей адекватного восприятия настоящего и верного прогноза сценария будущего, выступает *проблема получения синтезированного целостного знания*. Оно добывается как средой традиционно сложившихся в экономической науке специализаций, школ и направлений, так и широко выходящими за ее пределы науками. Обычно экономисты ведут диалоги, эмоциональность которых, как правило, обратно пропорциональна весомости выдвигаемых аргументов, в достаточно привычных понятиях неоклассиков и неокейнсианцев, теории марксизма и институционализма, некоторых интерпретаций их крайних позиций. Однако при этом игнорируются достижения в области естественных и технических наук, наук гуманитарной отрасли, чем обедняется широко применяемая категория «производительных сил», упускаются из вида по разным причинам результаты исследований уже получивших самостоятельный статус таких наук, как экономическая психология, социология, управление, макроэкономическое планирование и моделирование и т. п. Агрегированный же цельный взгляд необходим прежде всего для того, чтобы исключить в условиях глубокой специализации наук однобокость познания сложнейшего объекта, каким является экономическая система. Лауреат Нобелевской премии М. Алле подчеркивал: «Как физика нуждается сегодня в единой теории всеобщего тяготения, электромагнетизма и квантовой механики, так и гуманитарные науки нуждаются в единой теории поведения людей» (Алле, 1989, с. 27).

Еще в конце прошлого века психологами было установлено, что объект в целом не может быть правильно объяснен с позиций отдельно воспринимаемых его составных элементов, как, например, аккорд в музыке. Это явление чем-то подобно дефекту массы в физике, проявляющемуся в разнице суммы энергии связи структурных частей и целого тела. И чем больше дефект массы, тем выше энергия связи и тем устойчивее ядро. В контексте наших рассуждений можно сделать вывод, что сложный мир сложившихся устойчивых взаимосвязей как на национальном, так и на международном уровне невозможно правильно отразить ни одним направлением современной экономической науки, ни даже их суммой, не получив так называемого «дефекта знания». Следовательно, и в прогнозе будущего, а тем более в принятии решения и выборе мер по предотвращению неприемлемых сценариев во избежание фатального исхода всегда существует немалая доля погрешности, если не грубой ошибки. Она может быть значительно снижена в рамках науки, если исключить в целом самонадеянность человека и ученых, а особенно присущее экономистам свойство иметь весьма высокое мнение о том, что они делают сами и пренебрегать результатами не только смежных наук, но и деятельностью даже своих коллег по профессии. В противном случае природа не потерпит пустоты, заполняя ее, что уже весьма активно и происходит на самом деле, разного рода далеко не безобидными астрологическими прогнозами и предсказаниями гадалок, которые будут кому-то выгодны. Ведь мы не согласны с прошлым, нам не нравится настоящее, но еще более ужасает неизвестность нашего будущего. Сделать будущее более предска-

зуемым и лучшим экономической наука не только должна, но и может, если, не рядясь в тогу надменного пророка, но и не посыпая себе голову пеплом, она осознает свое истинное предназначение и обнаружит свои внутренние проблемы и противоречия, заключив тесный союз с практикой. Ведь влияние на судьбу народа верных или ложных идей, которые царят в обществе и так же трудно различимы, как шедевр от подделки, значительно большее, чем принято считать. Нам же в поисках гармонии жизни никогда не следует забывать мудрого совета древних, что в драме бытия мы являемся одновременно и актерами, и зрителями.

На специфику славянского мышления указывал в свое время еще Н.А. Бердяев: «Русские обладают исключительной способностью к усвоению западных идей и учений и к их своеобразной переработке. Но усвоение западных идей и учений русской интеллигенцией было в большинстве случаев догматическим. То, что на Западе было научной теорией, подлежащей критике, гипотезой или, во всяком случае, истиной относительной, частичной, не претендующей на всеобщность, у русских интеллигентов превращалось в догматику, во что-то религиозного откровения. Русские все склонны воспринимать тоталитарно, им чужд скептический критицизм западных людей... Она (русская душа. – П.Л.) совершает смешение, принимает относительное за абсолютное, частное за универсальное, и тогда... впадает в идолопоклонство» (Бердяев, 1955, с. 55). И действительно, как в России, так и в Беларуси, по сути, на протяжении всей своей истории первые влиятельные «образцы» мышления появлялись из Европы. Здесь все было бы ничего, поскольку технико-экономическая основа создавал такую необходимость и возможность отражать это в категориях, представленных в иных странах. Но нельзя впадать в идолопоклонство, потому что надо соблюдать единство общего, единичного и специфического.

Еще приведем длинную, но, как нам представляется, необходимую цитату Дж. Кейнса, которая рельефно отражает специфику экономического мышления и роль математики в этом процессе: «Цель нашего анализа отнюдь не в том, чтобы создать такую механику или шаблонную схему операций, которая автоматически выдавала бы безошибочный ответ, а в том, чтобы обеспечить себя *методом для систематического и планомерного изучения ряда проблем*. Поэтому после установления предварительных выводов путем последовательной изоляции одного за другим усложняющихся факторов мы теперь должны вернуться к нашей исходной позиции и учесть, насколько это возможно, вероятные взаимодействия всех этих факторов. Именно такова природа экономического мышления. Любой другой способ применения формальных принципов познания (без которых, однако, мы заблудились бы как в лесу) привел бы нас к ошибкам. *Крупный дефект формализации экономического анализа с помощью псевдоматематической символики* (курсив наш. – П.Л.) в том именно и состоит, что все эти построения явным образом исходят из допущения о строгой независимости введенных в анализ факторов, и они теряют всю свою доказательность и значение с отпадением этой гипотезы... Слишком большая доля современной «математической экономики» представляет собой по существу простую мешанину, столь же неточную, как и первоначальные допущения, на которых она основывается, причем авторы получают возможность забывать о сложных отношениях и взаимосвязях действительного мира, замыкаясь в лабиринтах претенциозных и бесполезных символов» (Кейнс, 1978, с. 372–373). Это означа-

ет, что старт научному мышлению дает, прежде всего, методология или осознанный способ к изучаемому явлению. Второе, как говорил Г.Ф. Гегель, чтобы понять – надо это выразить в понятиях или категориях. Третья (но последняя) составляющая теории – это конструкция или отражение изучаемого объекта с помощью уже ставших известными категорий. И, конечно, необходимость количественных измерений создает условия для использования инструментария математики. «Истинная редкость в мире... – это не ресурсы и даже не добродетели, а понимание происходящего, – как пишет П. Кругман, – Но я уверен, что единственными важными структурными преградами на пути к процветанию мира являются устаревшие доктрины, которые затуманивают мышление людей» (Кругман, 2009, с. 296). С нашей точки зрения центральными элементами, которые сегодня определяют движение и развитие социально-экономических систем являются институты (Лемещенко, 2016b). Конечно, ресурсы также имеют значение. Но все же они проявляют свою эффективность через ту или иную систему институтов. Поэтому формулировка общих законов институционального устройства и развития мирохозяйственной системы и ее конкретных хозяйственных порядков, определение принципов их функционирования и управления, а также форм отношения поведения людей, реализующих в своей деятельности присущие им интересы, выступает исходным и первоочередным элементом в науке экономике. Этот подход задает норму обыденного и научного мышления не только узкого научного сообщества, но и всех участников воспроизводственного процесса.

С чем объективно приходится считаться, так это с тем, что основным регулятором институтов является система власти. Поэтому и название теоретической экономики стремится к названию «политэкономия». «Мне не очень нравится словосочетание «экономическая наука», которое кажется мне невероятно надменным и которое может внушить мысль о том, что экономика обладает особой научностью, отличающей ее от прочих социальных наук. Я предпочитаю словосочетание «Политическая экономия», – пишет Т. Пикетти, – которая, возможно, звучит несколько старомодно, но обладает тем достоинством, что отражает единственно приемлемую особенность экономики в рамках общественных наук, которая заключается в ее политическом, нормативном и нравственном измерении. С самого своего появления политическая экономия стремится научно или, по крайней мере, рационально, систематически и методически исследовать, какой должна быть идеальная роль государства в социальной и экономической организации страны, какие государственные институты и политические меры приближают нас к идеальному обществу» (Пикетти, 2015, с. 702). Но в обществе все-таки люди выступают со всеми своими страстями человеческими не только основными производителями, потребителями, но и главной целью экономики, всей человеческой деятельности. И то, что пишет А. Кламер, анализируя внутренне состояние современной экономической науки, не только не лишено смысла, но и приобретает особое звучание: «...Наука (экономическая. – П.Л.) не сводится к логике и фактам. Научный разговор подпитывает воображение; его держат на плаву и не дают ему иссякнуть всевозможные смыслы, которые приписывают ему участники. Результаты совместного осмысления значения принимают форму метафор и нарративов. Для того чтобы участвовать в разговоре, вам нужно понимать его основные метафоры, знать как применять его нарратив.... Вводить понятие культуры в эконо-

мический разговор – дело рискованное. Но, несмотря на все риски, это необходимо. Культура – это перевод информации в область подсознания... Культура отражает убеждения, обычаи, ценности, эмоции, легенды и чувства, которые разделяет каждый... Концепции миров и полей прекрасно подходят для того, чтобы изобразить академическую экономическую науку как свод культурных норм...» (Кламер, 2015, с. 71, с. 82–83).

Литература и электронные публикации в Интернете

1. Алле, Морис (1989). Единственный критерий истины – согласие с данными опыта // МЭ и МО, № 11.
2. Ауманн, Роберт (2010). О чем думают экономисты: Беседы с нобелевскими лауреатами / под ред. П. Самуэльсона и У. Барнетта; пер. с англ., 2-е изд. М.
3. Баумоль, Уильям (2001). Чего не знал А. Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики, № 2.
4. Бжезинский, Збигнев (1994). Вне контроля. Глобальный беспорядок накануне XXI века // США: Экон. Полит. Идеол., № 4–5.
5. Бердяев, Николай (1955). Истоки и смысл русского коммунизма. Париж.
6. Бернал, Джон Десмонд (1956). Наука в истории общества. М.
7. Блауг, Марк (1994). Экономическая мысль в ретроспективе. М.
8. Дитон, Ангус (2016). Великий побег. М.
9. Кейнс, Джон (1978). Общая теория занятости, процента и денег. М.
10. Кейнс, Джон (1993). Предисловие. – В кн.: Маршалл А. Принципы экономической науки. М., т. 1.
11. Кламер, А. (2015). Странная наука экономика. М.; СПб.
12. Колодко, Гжегош В. (2014). Куда идет мир: политическая экономика будущего. М.
13. Кругман, Пол (2004). Великая ложь. М.
14. Кругман, Пол (2009). Возвращение Великой депрессии. М.
15. Лемещенко, Петр, Голубев, Константин (2014). Трудовой характер материальных благ и постсекулярное общество // Философия хозяйства, № 1 (91), с. 159–167.
16. Лемещенко, Петр (2013). Институциональная ценность как категория новой политэкономии // Философия хозяйства: МГУ им. М.В. Ломоносова, № 6.
17. Лемещенко, Петр (2016). Исторический тренд и современные ограничения институциональной динамики // *Oikonomos: Journal of Social Market Economy*, № 1 (4). С. 49–61.
18. Лемещенко, Петр (2015). Невыученные уроки политической экономики // Вестник экономической интеграции. М., № 5–6.
19. Лемещенко, Петр (2016). Политическая экономия – наука королей, или теоретические начала эффективной политики реформ // Вестник БГУ, Сер. 3, № 2.
20. Лемещенко, Петр (2016). Исторический тренд и современные ограничения институциональной динамики // *Oikonomos: Journal of Social Market Economy*, № 1 (4). С. 49–61.
21. Леонтьев, Василий (1990). Экономическое эссе. М.
22. Норт, Дуглас (2010). Понимание процесса экономических изменений. М.

23. Пикетти, Т. (2015). Капитал в XIX веке. М.
24. Попов, Е., Попова, Н., Кочетков, Д. (2017). О «научном империализме» // Общество и экономика, № 6.
25. Стиглиц, Джозеф (2010). Доклад о реформе в ООН. М.
26. Тироль, Жан (2017). Научные исследования в повседневной жизни // Вопросы экономики, № 9.
27. Тироль, Жан (2017). Теория корпоративных финансов. М.
28. Хикс, Джон Ричард (1993). Стоимость и капитал. М.
29. Экономика. Университетский курс: учеб. пособие / под ред. П.С. Лемещенко, С.В. Лукина. (2007). Мн.
30. Allais, Moris (1998). L'Union europeene, la mondialisation et le chômage // Rev. des Sciences morale et polit. P., N 2.
31. Ekens, P. (1986). The Living Economy. A New Economics in the Making. N. Y.
32. Fourastie, Jean (1958). Le grand espoir du siecle. Paris.
33. Masuda, Yoneji (1981). The information Society as Post-Industrial Society. Warszawa, 1981. P. 72; Naisbitt I. Megatrends. N. Y., 1982.

P.S. LEMESHCHENKO

THE SCIENCE OF ECONOMICS AS A THEORETICAL THE SYNTHESIS OF ECONOMIC CULTURE, INTUITION, LOGIC

Authors affiliation. Lemeshchenko, Peter S. (Liamp@bsu.dy), doctor of economic Sciences, Professor, head of theoretical and institutional Economics, Belarusian state University. Minsk, street K. Marksa, 31, +375 17 2223601.

Abstract. The article is devoted to substantive, methodological, and instrumental specifics of the economic science with the evolution of these relatively independent areas. The contradiction of science and economic practice is, in fact, a perennial problem. According to the author, acknowledging the internal problems of the theory itself in a particular time and within a certain space lays the Foundation for a more adequate perception of the economic practice. The modern economic system requires not only the inclusion in the subject of science economy social and cultural factors, but understanding the procedure of scientific research, the identity of the economist, his professional instincts, worldview and educational fundamentals. It provides a systematic and comprehensive study of the complex modern economy.

Key words: economic science, theory, subject matter, economic knowledge, political economy.

UDC 330.1

Статья поступила в редакцию 11.08.2017 г.

И.Л. АКУЛИЧ,
Е.А. СУШКЕВИЧ

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ВОЗОБНОВЛЯЕМОЙ ЭНЕРГЕТИКИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. В статье рассматривается состояние возобновляемой энергии в мире и в отдельных странах. Определены основные причины быстрого и повсеместного развития возобновляемой энергетики, а также негативные моменты, связанные с использованием возобновляемых источников энергии. Рассмотрена динамика изменения установленных мощностей, объемов производства электроэнергии из ВИЭ, размера инвестиций в ВИЭ-проекты. Рассмотрены особенности развития возобновляемой энергетики в Республике Беларусь.

Ключевые слова: возобновляемая энергетика, возобновляемые источники энергии, инвестиции, нормированная стоимость энергии, установленная мощность.

УДК 620.91

Акулич Иван Людвигович (km@bseu.by), доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой маркетинга, Белорусский государственный экономический университет (Минск, Беларусь).

Сушкевич Елена Анатольевна (susha2@yandex.ru), магистр экономических наук, ассистент кафедры маркетинга, Белорусский государственный экономический университет (Минск, Беларусь).

Введение

В последние годы закономерное развитие мирового сообщества обусловило глобализацию мировой экономики. Она является одной из фаз развития исторического процесса, обусловленной все возрастающей взаимозависимостью отдельных стран мира и характеризующаяся тотальной унификацией миропорядка. Указанная унификация выражается в стремлении людей разных стран к всеобщей универсализации, включая единые принципы жизни, ценности, обычаи и нормы поведения.

Глобализация затрагивает все области человеческой деятельности: экономику, образование, экологию, безопасность. Она становится одним из наиболее важных факторов, оказывающих влияние на дальнейший ход развития человеческого общества.

Благодаря глобализации усиливается взаимосвязь и взаимозависимость экономик отдельных стран мира, а производственные и коммер-

ческие процессы в одной стране становятся частью процессов, протекающих в мировом масштабе. Одним из таких процессов является все более широкое использование возобновляемых источников энергии.

Основные предпосылки использования возобновляемых источников энергии

Возобновляемая энергетика является одним из динамично развивающихся направлений мировой энергетической отрасли. По темпам прироста установленной мощности энергоустановок, использующих возобновляемые источники энергии (ВИЭ), она занимает первое место относительно других видов источников энергии. В 2015 г. абсолютный прирост электрогенерирующих мощностей, использующих ВИЭ, составил около 150 ГВт (Renewable energy policy..., 2015).

Развитие возобновляемой энергетики является одним из важных направлений государственной политики в большинстве стран мира, в том числе и в Республике Беларусь. Использование ветроэнергии, солнечной энергии, гидроэнергии и энергии из других возобновляемых источников позволяет решить целый ряд важных для человечества проблем энергетического, экономического, социального и экологического характера. Основными причинами развития данного направления являются: ограниченность невозобновляемых органических источников энергии (при существующих в настоящее время объемах добычи мировые запасы нефти будут исчерпаны через 40 лет, газа – через 80 лет, угля – через 400 лет) (Сушкевич, 2011, с. 104); экологические проблемы, возникающие вследствие использования органического топлива; энергозависимость стран, не обладающих большими запасами углеводородного топлива; социально-экономические проблемы (высокий уровень и нестабильность тарифов на электроэнергию, отсутствие равного доступа к электроэнергии со стороны населения).

Согласно исследованиям американских ученых Марка Делуччи (Mark Delucchi) (университет Калифорнии в Дэвисе) и Марка Джейкобсона (Mark Jacobson) (Стэнфордский университет) при условии создания соответствующей инфраструктуры использование ВИЭ может позволить человечеству полностью обеспечить все потребности в электроэнергии и теплоэнергии уже к 2030 г. Для этого необходимо будет использовать около 4 млн ветрогенераторов мощностью 5 МВт, около 50 тыс. солнечных коллекторов мощностью 300 МВт, около 40 тыс. фотоэлектрических солнечных электростанций мощностью 300 МВт, около 1,7 млрд фотоэлектрических солнечных систем для крыш мощностью 3 кВт, более 5 тыс. геотермальных электростанций мощностью 100 МВт, около 270 новых гидроэлектростанций мощностью 1300 МВт, 720 тыс. электростанций, работающих на энергии волн мощностью 0,75 МВт и 490 тыс. приливных турбин мощностью 1 МВт (Delucchi and Jacobson, 2011, p. 1154).

Необходимо отметить, что указанные выше прогнозы основаны на использовании 100 % теоретически возможного потенциала ВИЭ, в то время как технологически возможный и экономически целесообразный объем использования возобновляемых источников энергии в десятки раз меньше.

Использование ВИЭ является одним из важных способов уменьшения энергетической зависимости отдельных государств и регионов от импорта углеводородного топлива из стран-«энергомонаполистов», смягчения экономических кризисов и снижения связанной с этим политической напряженности и вероятности возникновения военных конфликтов. По данным отчета компании BP 10-ти странам мира, включая Венесуэлу, Саудовскую Аравию, Канаду, Иран, Ирак, Россию, Кувейт, ОАЭ, США и Ливию, принадлежит более 85 % доказанных мировых запасов нефти (рис. 1) (BP, 2016); 10 стран мира в лице России, Ирана, Катара, Туркменистана, США, Саудовской Аравии, ОАЭ, Венесуэлы, Нигерии, Алжира контролируют около 80 % доказанных мировых запасов природного газа (рис. 2) (BP 2016).

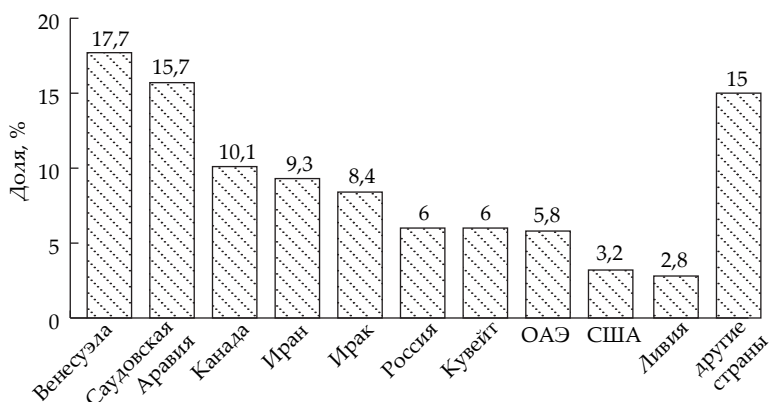

Рис. 1. Доля 10-ти стран-лидеров по запасам нефти на 2015 год, %

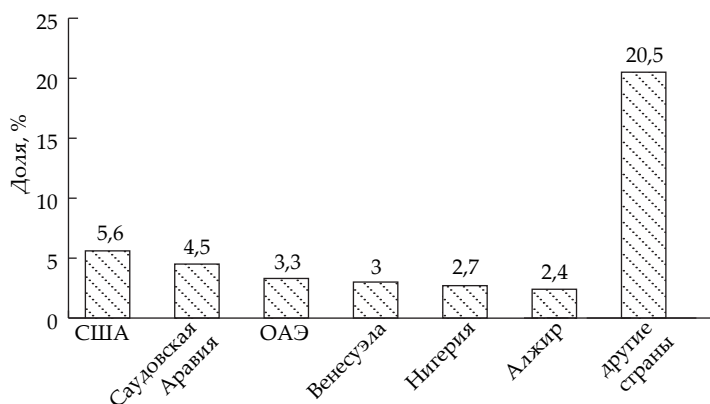

Рис. 2. Доля 10-ти стран-лидеров по запасам газа на 2015 год, %

В отличие от углеводородного топлива возобновляемые источники энергии есть в любой точке земного шара, их потенциал в каждой конкретной стране значителен, а его реализация может стать важным фактором импортозамещения углеводородов и энергетической независимости стран, не имеющих запасов органического топлива. Потенциал ВИЭ и в мировом, и в региональном масштабе, и в масштабе отдель-

ных стран используется в настоящее время в незначительной степени. Так, например, мировой потенциал гидроэнергии, который оценивается в 14 тыс. ТВт·ч в год, используется всего лишь на четверть (Wikipedia, 2017). Использование потенциала гидроэнергии в Европе составляет 29 %, в Северной Америке – 25 %, в Южной Америке – 21 %, в Африке и на Ближнем Востоке – 5 %, в Азиатско-Тихоокеанском регионе – 18 % (Wikipedia, 2017). Аналогичная ситуация складывается относительно использования потенциала солнечной энергии и ветроэнергии.

Развитие возобновляемой энергетики, замещение углеводородов ВИЭ позволит существенно уменьшить негативное воздействие традиционной энергетики на окружающую среду, связанное с выбросами парниковых газов и загрязняющих веществ в атмосферу. Использование традиционных углеводородных источников влечет за собой постоянно возрастающие вредные выбросы в атмосферу, что приводит к ухудшению климата и серьезным природным катаклизмам (Нистюк, 2010, с. 17). В 2014 году Всемирной метеорологической организацией были опубликованы данные о рекордном уровне концентрации парниковых газов в атмосфере планеты за последние 30 лет. В 2015 г. впервые за всю историю наблюдений, начиная с XIX века, было зафиксировано превышение средней температуры планеты на 1 °C (BBC, 2016).

По мнению большинства экспертов, возникновение парникового эффекта и как следствие этого повышение средней температуры планеты связано преимущественно с хозяйственной деятельностью человека и, прежде всего, с сжиганием газа, нефти и угля. Традиционная энергетика дает до 30 % выбросов вредных газов в атмосферу.

В соответствии с данными Межправительственной группы экспертов по изменению климата удельные выбросы парниковых газов при использовании традиционных источников энергии в десятки раз превышают выбросы, которые возникают при получении энергии из ВИЭ: средние значения выбросов парниковых газов в граммах экв./кВт·ч от производства электроэнергии из угля составляют 820 г, газа – 490 г, энергии биомассы – 230 г, солнечной энергии – 48 г, гидроэнергии – 24 г, атомной энергии и ветроэнергии – 12 г (Intergovernmental Panel on Climate Change, 2014).

Для предотвращения глобального изменения климата, способного привести к гибели человечества, участники Всемирной конференции ООН в Париже (декабрь 2015 г.) в лице 195 стран пришли к соглашению о необходимости удержания роста средней температуры планеты в пределах 1,5–2 °C. В 2016 г. окончательный вариант Парижского соглашения был ратифицирован более чем 170 государствами, в том числе США и Китаем, доля которых в мировом объеме выбросов загрязняющих веществ в атмосферу составляет более 40 % (Statista, 2016; United Nations secretary-general, 2016). По оценкам климатологов для практической реализации соглашения уровень выбросов к 2050 г. по сравнению с 1990 г. необходимо снизить на 50 %, а к 2100 г. сократить до нуля (Rogelj [et al.], 2015). Как отметил Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, переход на безуглеродную экономику ко второй половине нынешнего столетия потребует беспрецедентной мобилизации усилий во всем мире, однако уже сегодня многие компании изобретают новые, экологически чистые технологии и расширяют масштабы устойчивого использования энергии из ВИЭ (United Nations secretary-general, 2016).

Использование ВИЭ позволит не только предотвратить глобальное потепление, но и сохранить имеющиеся запасы нефти, угля, газа для будущих поколений, обеспечить устойчивое развитие экономики.

В 1972 г. в известном докладе Римского клуба «Пределы роста» был озвучен достаточно пессимистичный прогноз относительно будущего развития мировой экономики, вызвавший широкий общественный резонанс. В соответствии с данным прогнозом по причине невозобновляемости ресурсов человечество обречено на «нулевой рост» и деградацию окружающей среды.

В результате проведения многочисленных исследований была разработана новая концепция устойчивого экономического развития, изложенная в 1987 г. в докладе «Наше общее будущее» Международной комиссии ООН по окружающей среде и развитию. Согласно данной концепции в условиях устойчивого развития «удовлетворение потребностей настоящего поколения не должно ущемлять интересы будущих поколений с точки зрения удовлетворения их потребностей» (World commission on environment..., 1987).

Для обеспечения устойчивого развития, равных экономических условий и справедливого распределения ресурсов между настоящим и будущим поколением необходимо сохранить целостность и жизнеспособность экосистем, предотвратить загрязнение окружающей среды, обеспечить масштабное использование возобновляемых ресурсов, в том числе ВИЭ.

На протяжении прошедших трех десятилетий мировое сообщество в целом и отдельные страны подтвердили свою приверженность идее устойчивого развития. Об этом свидетельствуют программные документы, принятые международными, межправительственными и неправительственными организациями в лице ООН, Всемирного банка, МЭА, Большой двадцатки, Большой семерки, Гринпис, Всемирного фонда дикой природы.

Однако на практике основные положения концепции устойчивого развития либо не реализуются, либо реализуются крайне медленно. Так, мировой показатель эмиссии CO₂ вследствие сжигания ископаемого топлива и производства цемента увеличился с 23,35 млрд метрических тонн в 1995 г. до 36,26 млрд метрических тонн в 2015 г., то есть в 1,6 раза (Statista, 2015).

Наряду со сжиганием углеводородного топлива на рост концентрации в атмосфере CO₂ и изменение климата по-прежнему значительное влияние оказывают такие факторы, как землепользование, животноводство, вырубка лесов.

Растет показатель мирового «экологического следа» на душу населения, определяющий размеры прилегающей территории, необходимой для производства потребляемых ресурсов и хранения отходов: с 1961 по 2012 г. он увеличился с 2,3 га до 2,8 га (Global footprint network, 2017).

Величина экологического следа страны определяется численностью населения, объемом потребления, приходящимся в среднем на одного жителя, и ресурсоемкостью потребленных товаров и услуг. Она включает площади территорий/акваторий, которые обеспечивают человеческие потребности в ресурсах.

В настоящее время на одного жителя нашей планеты приходится только 2,1 га доступной для жизни площади, необходимой для удовлетворения потребностей в жилье, пище и одежде. Средний экологический след в Австралии составляет 9,3 га; в Канаде и США – 8,2 га; в Российской Федерации – 5,7 га; в Республике Беларусь – 5,1 га; в Великобритании – 4,9 га; в Китае – 3,4 га; в Нигерии и Индии – 1,2 га (Global footprint network, 2017).

Использование ВИЭ позволяет предотвратить негативное воздействие загрязнения от традиционной энергетики на здоровье людей. Согласно данным, опубликованным в 2016 г. в отчете Всемирного банка и Института измерения и оценки показателей здоровья, в 2013 г. с загрязнением воздуха была связана преждевременная гибель около 5,5 млн человек (или одна из каждых десяти смертей), что на 15% больше, чем в 1990 г. Наибольший процент смертности по данному показателю приходится на страны Восточной Азии и Тихоокеанского региона, наименьший – на страны Северной Америки (рис. 3) (The World bank..., 2016).

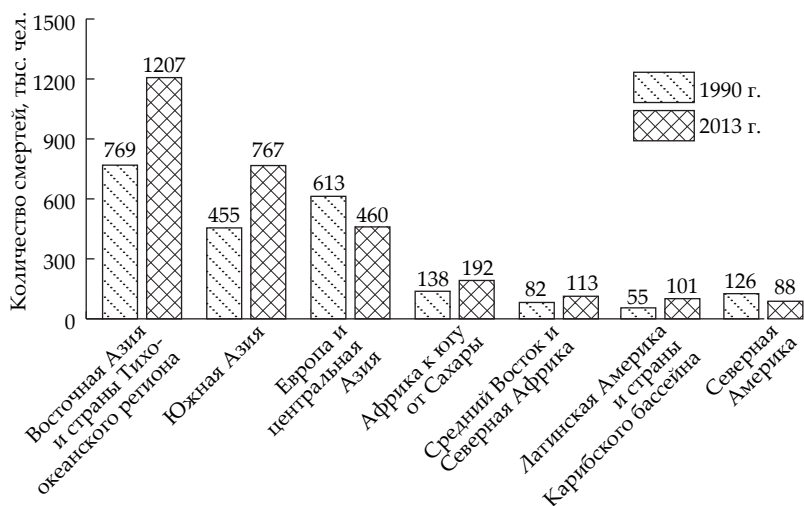

Рис. 3. Смертность от загрязнения воздуха по странам мира в 1990 г. и в 2013 г., тыс. человек

В настоящее время загрязнение воздуха является четвертым ведущим фактором риска преждевременной смерти после метаболических рисков (риски сердечных заболеваний, диабета, инсульта и др.), а также рисков, связанных с диетами и с вдыханием табачного дыма. Ежегодная смертность от данного фактора в 6 раз больше чем от малярии и в 4 раза больше чем от ВИЧ/СПИДа (The World bank..., 2016).

Среди стран, пожертвовавших экологичностью для достижения высоких темпов роста экономики, можно выделить Китай, в некоторых районах которого в 2015 г. уровень загрязнения воздуха в 56 раз превысил норму, установленную Всемирной организацией здравоохранения, из-за чего люди вынуждены были находиться в помещениях и использовать противогазы (The Guardian, 2015).

По данным отчета Всемирного банка и Института измерения и оценки показателей здоровья, в 2013 г. загрязнение воздуха вызвало 13,6 % смертей от ишемической болезни сердца, 14,5 % смертей от инсульта, 23,6 % смертей от рака легких и привело к финансовым потерям для мировой экономики в размере 225 млрд долл. США, что на 63 млрд долл. США больше, чем в 1990 г. (The World bank..., 2016).

Наряду с решением указанных выше проблем использование ВИЭ способствует децентрализации энергетической системы и уменьшению зависимости потребителей энергии от нескольких крупных энергогенерирующих объектов (Нистюк, 2010, с. 17). Немаловажным фактором является и то, что использование ВИЭ в труднодоступных и удаленных регионах по-

зволяет наладить автономное локальное энергоснабжение, без привязки к внешним магистралям и сетям (Грозовский, Попов, Полякова, 2013, с. 1).

Динамичное развитие возобновляемой энергетики также позволяет решать проблему занятости населения путем создания новых рабочих мест. Так, больше всего рабочих мест в 2015 г. было создано в Китае (3,52 млн); лидируют по данному показателю такие направления как солнечная энергетика и энергетика, связанная с переработкой биомассы (International renewable energy agency, 2017).

Исследование показало, что наряду с положительными моментами использования ВИЭ-технологий существуют и отрицательные стороны, к числу которых можно отнести следующие:

1. Нестабильность получения энергии из ВИЭ в зависимости от времени суток и поры года (для солнечной энергии и ветроэнергии). Следует отметить, что многие всемирно известные компании смогли преодолеть данный недостаток. В частности, компания Apple разместила на крышах своего офиса Apple Campus 2 в Купертино (штат Калифорния, США) солнечные батареи мощностью 17 МВт и планирует с их помощью на 100 % обеспечить потребности компании в электроэнергии (Apple, 2017). Одним из преимуществ данного здания является система естественной вентиляции, благодаря которой не требуется отопление помещений и охлаждение воздуха в течение 9 месяцев в году, что существенно снижает энергопотребление (Apple, 2017).

2. Более низкий коэффициент использования установленной мощности (КИУМ) по сравнению с традиционными источниками энергии. В частности, средний мировой показатель КИУМ для солнечных фотоэлектрических установок в 2015 г. составил 18 % (International renewable energy agency, 2016), для ветроустановок и установок по переработке биомассы – 25–30 % (International renewable energy agency, 2016), в то время как КИУМ промышленного газового котла может достигать 95 %.

3. Достаточно высокие издержки производства энергии из ВИЭ, в связи с чем развитие возобновляемой энергетики в большинстве стран мира невозможно без государственной поддержки.

Необходимо отметить, что такой недостаток действительно имеет место, однако с каждым годом издержки производства энергии из ВИЭ существенно снижаются. Так, по данным консалтинговой компании Lazard, средний размер нормированной стоимости энергии (LCOE) для ветроустановок в 2015 г. был почти в 2 раза меньше, чем для энергии, полученной при сжигании угля, и в 1,1 раза меньше, чем для энергии, полученной из природного газа (табл. 1) (Lazard, 2016).

Таблица 1

Размер LCOE по видам источников энергии в 2009–2016 гг., долл. США

Вид источника энергии	Размер LCOE							
	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Ветроэнергия	0,101–0,169	0,099–0,148	0,05–0,092	0,048–0,095	0,045–0,095	0,037–0,081	0,032–0,077	0,032–0,062
Солнечная энергия	0,323–0,394	0,226–0,270	0,148–0,146	0,101–0,149	0,091–0,104	0,072–0,086	0,058–0,070	0,049–0,061
Природный газ	0,074–0,102	0,064–0,096	0,061–0,089	0,061–0,089	0,061–0,087	0,061–0,087	0,068–0,101	0,068–0,101
Уголь	0,078–0,144	0,069–0,152	0,062–0,141	0,062–0,141	0,065–0,145	0,066–0,145	0,065–0,150	0,060–0,143

4. Определенное негативное экологическое воздействие на окружающую среду: затопление и подтопление земель, эрозия почв и прочее в гидроэнергетике; загрязнение подземных вод (основными загрязняющими факторами являются вредные газы и растворенные химические вещества, содержащиеся в теплоносителе), засоление почв, изменение уровня грунтовых вод (в результате чрезмерных отборов пароводяной смеси на ряде геотермальных станций наблюдалось значительное оседание грунтов и повышение сейсмической активности) и прочее в геотермальной энергетике (Шайтанов и Золотов, 2010, с. 4–5); опасность для мигрирующих птиц (в соответствии с последними исследованиями, вероятность столкновения птиц с лопастями ветряка не больше, чем вероятность их столкновения с линиями электропередачи), шумовые воздействия (исследования шума от турбин ветрогенератора, проведенные с использованием новейшего оборудования, не подтвердили его негативного влияния на здоровье человека – на расстоянии 30-ти м от работающей ВЭУ шум достигает уровня шума фона, т. е. уровня среды обитания) и другое в ветроэнергетике (Альтернативная энергетика, 2013); периодическое затопление прибрежных территорий, изменение характера землепользования, изменение флоры и фауны акватории в приливной энергетике и др. (Шайтанов и Золотов, 2010, с. 7).

5. Политизированность развития возобновляемой энергетики и лоббирование интересов определенных групп производителей ВИЭ-оборудования. Ряд российских ученых, в частности А.В. Перов и О.С. Попель, в своих статьях отмечают, что ускоренное развитие возобновляемой энергетики связано не только и не столько с экологическими эффектами от ее использования, сколько с заинтересованностью ряда стран, «находящихся в сильной зависимости от импорта энергоресурсов (страны ЕС, США, Китай, Япония и др.). Именно благодаря мощной политической, законодательной и прямой финансовой поддержке этих стран с начала нового века нетрадиционная возобновляемая энергетика стабильно развивалась со среднегодовыми темпами роста в десятки процентов в год, в то время как традиционная мировая энергетика росла в среднем с темпом всего около 2 % в год» (Поппель, 2012, с. 26).

Наряду с учеными, поддерживающими использование ВИЭ, а также критично оценивающими целесообразность широкомасштабного использования ВИЭ в настоящее время и в ближайшем будущем, существуют и откровенные противники замещения углеводородной энергетики возобновляемой.

В основе отрицания необходимости использования ВИЭ лежат различные теории, однако всех их объединяет утверждение о том, что глобальное изменение климата не имеет антропогенного происхождения. В качестве причин потепления климата выдвигаются такие, как тектоническое движение плит, которое приводит к изменению положения материков и океанов; изменение солнечной активности; изменение эксцентриситета Земли, а также направления и угла наклона ее оси (циклы Миланковича); мощное извержение вулканов. Это означает, что человечество бессильно предотвратить потепление климата и напрасно тратит огромные средства на снижение выбросов CO_2 и других парниковых газов.

Все большее количество ученых выражает сомнения относительно антропогенного происхождения потепления климата и существования корреляционной связи между выбросами антропогенного CO_2 и изменением температуры Земли. Среди них и Джеймс Лавлок (James Lovelock), автор теории Геи и «крестный отец» современного экологического движения,

который полностью отказался от гипотезы глобального потепления, вызванного человеческой деятельностью (Континент, 2016).

Несмотря на усиление позиций противников алармистов – приверженцев неантропогенного происхождения глобального потепления, в пользу широкого использования ВИЭ неопровержимо свидетельствует факт истощаемости углеводородного сырья и существенного уменьшения его запасов, необходимость обеспечения устойчивого, экологически безопасного и социально ориентированного экономического роста. Наступление новой эры в области энергетики остановить уже невозможно. Основная проблема состоит в том, насколько готова каждая отдельная страна внести свой вклад в решение мировых проблем.

Использование возобновляемых источников энергии в отдельных странах

В 2015 г. мировой объем произведенной электроэнергии составил 24 100 ТВт·ч, объем электроэнергии, произведенной из ВИЭ, – 5660 ТВт·ч (International renewable energy agency, 2017). Таким образом, доля электроэнергии из ВИЭ в мировом производстве электроэнергии в 2015 г. достигла 23,5 % и по сравнению с 2008 г. возросла на 5,5 % (International renewable energy agency, 2017).

В структуре электроэнергии, произведенной в мировом масштабе из ВИЭ, в 2015 г. преобладала гидроэнергия (73,2%), ветроэнергия (14,9 %) и энергия биомассы (5,9 %); на солнечную энергию, произведенную на фотоэлектрических установках (ФЭУ), приходилось 4,3 %, на геотермальную энергию – 1,3 %, на другие виды энергии – 0,4 % (рис. 4) (International renewable energy agency, 2017).

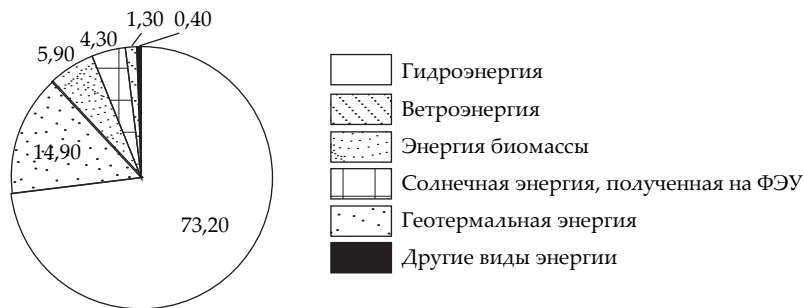

Рис. 4. Доля различных возобновляемых источников энергии в мировом производстве электроэнергии из ВИЭ в 2015 г., %

Темпы роста производства электроэнергии из всех видов ВИЭ в мировом масштабе составили 5,5 % в 2014 г. по сравнению с 2013 г. и 5,7 % в 2015 г. по сравнению с 2014 г., превысив темпы роста общего объема произведенной электроэнергии более чем в два раза (Renewable energy policy..., 2014; Renewable energy policy..., 2015).

Мировая гидроэнергетика, ветроэнергетика и солнечная энергетика в 2015 г. практически удвоила темпы роста объемов производства электроэнергии по сравнению с 2014 г. (в 2015 г. темпы роста для гидроэнергетики составили 6,3 %, в 2014 г. – 3,7 %; для ветроэнергетики – 15,8 % и 9,5 %, для солнечной энергетика – 15,8 % и 9,5 %).

соответственно; для солнечной энергии – 15,6 % и 31,5 %, соответственно (Renewable energy policy..., 2014; Renewable energy policy..., 2015).

На смену росту объемов производства электроэнергии из биомассы в 2014 г. (+2,4 %) в 2015 г. пришло падение (-21 %); темпы роста производства электроэнергии на основе использования других видов ВИЭ в 2015 г. и в 2014 г. были практически одинаковы и составили 2,5 % и 2,4 %, соответственно (рис. 5) (Renewable energy policy..., 2014; Renewable energy policy..., 2015; International renewable energy agency, 2017).

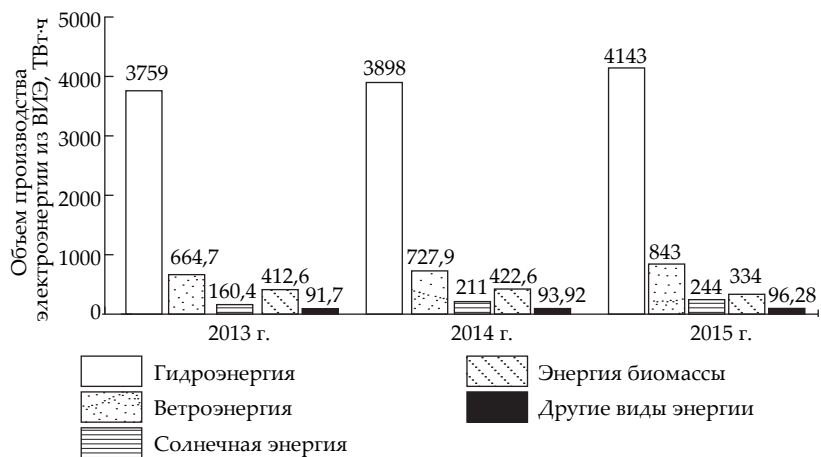

Рис. 5. Объем производства электроэнергии из ВИЭ в мировом масштабе в 2013–2015 гг., ТВт·ч

Наибольший прирост мощностей в 2001–2015 гг. наблюдался в гидроэнергетике и ветроэнергетике. Общий прирост мощностей по всем видам ВИЭ в 2015 г. составил 9,3 % против 1,9 % в 2001 г. (International renewable energy agency, 2017).

Установленная мощность ВИЭ в мировом масштабе в 2015 г. составила более 1848 ГВт (Renewable energy policy..., 2016). При этом наибольшая доля (1064 ГВт, или 57,6 %) всех установленных мощностей пришлось на гидроэнергию, на ветроэнергию – 23,4 % (433 ГВт), энергию биомассы – 5,7 % (106 ГВт), солнечную энергию, произведенную на ФЭУ, – 12,3 % (227 ГВт), геотермальную энергию – 0,7 % (13,2 ГВт), солнечную теплоэнергию – 0,3 % (4,8 ГВт) (рис. 6) (Renewable energy policy..., 2016).

Рис. 6. Установленная мощность ВИЭ-установок в мировом масштабе в 2015 г., ГВт

Неизменными мировыми лидерами по производству и использованию электроэнергии из ВИЭ являются США и Китай. В 2015 г. первое место в мире по установленным мощностям в области гидроэнергии и ветроэнергии, а также солнечной энергии, произведенной на ФЭУ, занимал Китай, в области использования геотермальной энергии и энергии биомассы – США (табл. 2) (Renewable energy policy..., 2016).

Таблица 2

Пятерка стран-лидеров по показателям установленных мощностей установок по производству электроэнергии из ВИЭ в 2015 г.

Вид ВИЭ	Место в рейтинге				
	1 место	2 место	3 место	4 место	5 место
Ветроэнергия	Китай	США	Германия	Индия	Испания
Энергия биомассы	США	Китай	Германия	Бразилия	Япония
Геотермальная энергия	США	Филиппины	Индонезия	Мексика	Новая Зеландия
Гидроэнергия	Китай	Бразилия	США	Канада	Россия
Солнечная энергия, произведенная на ФЭУ	Китай	Германия	Япония	США	Италия

Возобновляемая энергетика является одним из самых динамично развивающихся и привлекательных для инвесторов направлений энергетики в мире. Так, размер инвестиций в возобновляемую энергетику с 2004 по 2015 г. увеличился в 6,5 раз (с 47 млрд долл. США до 305 млрд долл. США) (рис. 7) (International renewable energy agency, 2017).

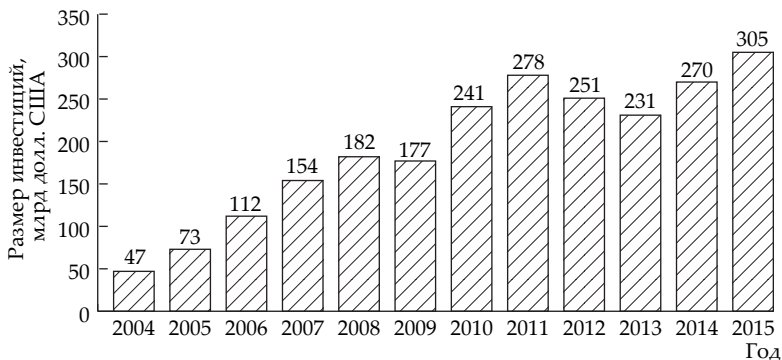

Рис. 7. Размер инвестиций в возобновляемую энергетику в мировом масштабе в 2004–2015 гг., млрд долл. США

При этом Китай инвестировал около 102,9 млрд долл. США, заняв первое место в тройке стран-лидеров по инвестициям в сектор возобновляемой энергетики (на 24 % больше, чем в 2014 г.) (Renewable energy policy..., 2016).

По данным экспертов второе место по размеру инвестиций в проекты, связанные с возобновляемыми источниками энергии, в 2015 г. принадлежало США (44,1 млрд долл. США и 15%-й рост по сравнению

с 2014 г.); третье место – Японии (36,2 млрд долл. США и 1,5%-й рост по сравнению с 2014 г.) (Renewable energy policy..., 2016).

Среди развивающихся стран в 2015 г. самый значительный рост инвестиций в ВИЭ-проекты произошел на Ближнем Востоке и в Африке – по сравнению с 2014 г. инвестиции увеличились более чем на 58 % и составили 12,5 млрд долл. США. В Индии в 2015 г. инвестиции в ВИЭ-проекты возросли на 23 % и составили 10,2 млрд долл. США (Renewable energy policy..., 2016).

В то же время в 2015 г. в ряде стран произошло снижение размера инвестиций в ВИЭ-проекты: в странах Азии (не включая Китай и Индию) – на 2,5 % (до 47,6 млрд долл. США); в странах Северной и Южной Америки (за исключением США и Бразилии) – на 4 % (до 12,8 млрд долл. США); в Бразилии – более чем на 10 % (до 7,1 млрд долл. США) (Renewable energy policy..., 2016).

Размер инвестиций в масштабные ВИЭ-проекты в Европе в 2015 г. впервые снизился более чем на 21 % до уровня 2006 г. и составил 48,8 млрд долл. США (Renewable energy policy..., 2016). Лидером по инвестициям в такие проекты среди европейских стран стала Великобритания (25%-й рост по сравнению с 2014 г. до 22,2 млрд долл. США), в то время как в Германии, одном из неизменных лидеров по росту инвестиционной активности в области возобновляемой энергетики, произошло падение данного показателя на 46 % до 8,5 млрд долл. США (Renewable energy policy..., 2016).

Данные о размерах инвестиций в ВИЭ-проекты в 2015 г. по странам мира представлены на рис. 8.

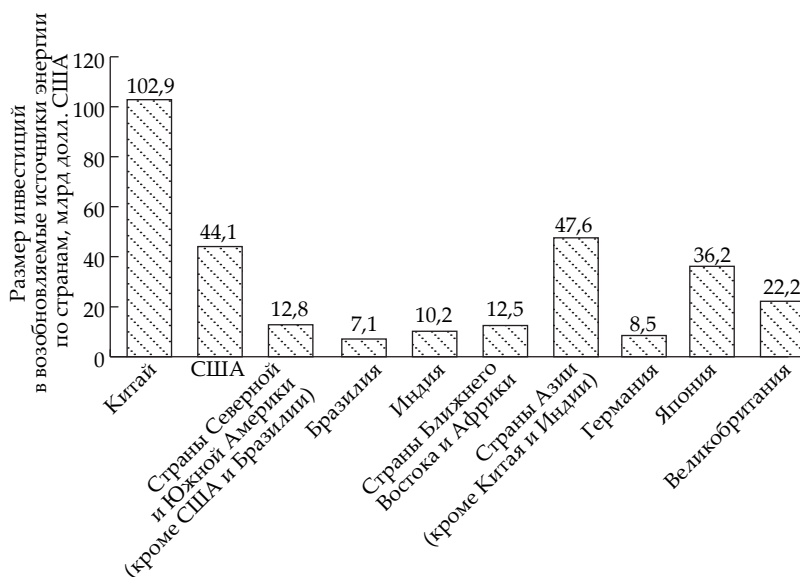

Рис. 8. Размер инвестиций в ВИЭ-проекты в 2015 г. по странам мира, млрд долл. США

Наибольшая доля инвестиций в мировом масштабе пришлась на солнечную энергетику и ветроэнергетику, за ними следуют направления возобновляемой энергетики, связанные с использованием биомассы, производством биотоплива, использованием гидроэнергии, геотермальной энергии и энергии океана (рис. 9) (Renewable energy policy..., 2016).

Рис. 9. Размер инвестиций в возобновляемую энергетику в развитых и развивающихся странах мира в 2015 г., млрд долл. США

Размер LCOE для большинства ВИЭ-технологий с каждым годом снижается: с 2010 по 2016 г. LCOE для солнечных фотоэлектрических установок и береговых ветроустановок снизилась в 1,5 раза, для ГЭС – в 1,3 раза, в то время как LCOE для установок по переработке биомассы осталась на уровне 2010 г. (International renewable energy agency, 2017).

В рейтинге стран мира, успешно развивающих возобновляемую энергетику, одно из первых мест сегодня принадлежит странам европейского сообщества. За период с 2006 по 2015 г. производство электроэнергии из ВИЭ в ЕС увеличилось на 50 % (Eurostat, 2017). В 2015 г. удельный вес электроэнергии, произведенной на основе использования ВИЭ, в валовом конечном потреблении электроэнергии ЕС составил 28,8 % (Eurostat 2017); число занятых в секторе ВИЭ превысило 1,1 млн человек (Renewable energy policy..., 2016).

К 2020 г. страны Евросоюза поставили задачу реализовать программу «20–20–20»: снизить выбросы углекислого газа на 20 %, увеличить общую энергоэффективность на 20 % и увеличить долю возобновляемых источников энергии в общем энергопотреблении до 20 % (EUR-Lex 2008). С учетом достигнутых результатов амбициозные планы ЕС в области развития возобновляемой энергетики в долгосрочной перспективе представляются вполне реалистичными.

Возобновляемая энергетика в энергетическом комплексе Республики Беларусь

Необходимость использования возобновляемых источников энергии для обеспечения потребностей Республики Беларусь в электроэнергии и теплоэнергии обусловлена целым рядом факторов. Во-первых, страна обладает незначительными запасами ископаемого углеводородного топлива и вынуждена импортировать более 80 % от всех топливно-энергетических ресурсов, в основном из Российской Федерации (Юнитер, 2015).

Ежегодно Республика Беларусь потребляет около 40 млн т условного топлива (т.у.т.), при этом за счет использования собственных энергоре-

сурсов обеспечивается не более 15 % данного объема потребления (Национальный статистический..., 2016; Галкин, 2011). Собственные энергоресурсы в настоящее время представлены нефтью с ежегодным объемом добычи около 1,7 млн т; попутным газом, получаемым в процессе добычи нефти, торфом и древесиной (Национальный статистический..., 2016; Галкин 2011). Таким образом, белорусская энергетика характеризуется значительной импортозависимостью, отсутствием диверсификации как по поставщикам энергоресурсов, так и по их видам.

В предстоящем пятилетии в стране произойдет существенное изменение структуры энергобаланса. С введением в эксплуатацию второго блока АЭС, которая должна обеспечить около 30 % потребностей страны в электроэнергии, зависимость Республики Беларусь от импорта углеводородов существенно уменьшится (БЕЛТА, 2017). Однако коренным образом ситуация с поставками топливно-энергетических ресурсов из-за рубежа не изменится, поскольку наряду с традиционным углеводородным топливом возникнет необходимость импорта ядерного топлива. Таким образом, с точки зрения уменьшения энергетической зависимости использование возобновляемых источников энергии в Республике Беларусь является чрезвычайно важным не только в настоящем, но и в будущем.

В соответствии с Концепцией энергетической безопасности индикатор «отношение объема производства (добычи) первичной энергии из ВИЭ к валовому потреблению ТЭР» является одним из 11 показателей энергетической безопасности Республики Беларусь. К 2020 г. размер данного показателя должен составить не менее 6 % (Концепция энергетической..., 2015).

Во-вторых, теоретически возможный энергетический потенциал ВИЭ в нашей стране по состоянию на 2010 г. достаточно велик и оценивается более чем в 80 млн т.у.т. в год. Экономически целесообразный годовой объем производства электроэнергии из ВИЭ по состоянию на 2015 г. оценивается в 3,5 млн т.у.т. в год (рис. 10) (Национальная программа развития..., 2011).

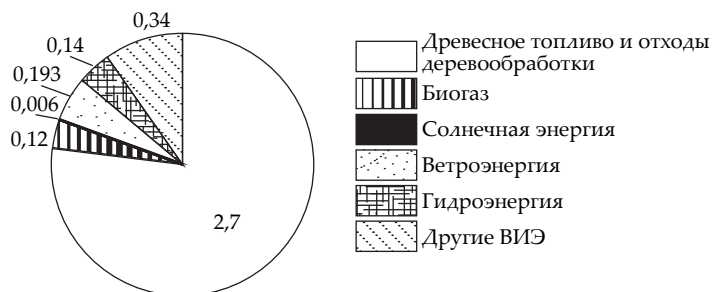

Рис. 10. Экономически целесообразный годовой объем производства электроэнергии из ВИЭ в Республике Беларусь по состоянию на 2015 г., млн т.у.т.

По всей видимости, электроэнергия, полученная из ВИЭ, в ближайшей перспективе не сможет стать единственным источником обеспечения потребностей Республики Беларусь в электроэнергии, однако может являться одним из направлений диверсификации энергоисточников, используемым, в том числе, для решения вопросов нехватки электроэнергии в пиковые часы нагрузки на энергосистему.

В-третьих, несмотря на то, что белорусская энергетика является одной из самых экологичных в мире (в настоящее время более 90 % теплоэнергии и электроэнергии в стране производится на основе использования природного газа (Галкин, 2011), Республика Беларусь, как и другие страны, испытывает негативные экологические последствия использования традиционных источников энергии: нанесение вреда здоровью людей и жизнедеятельности других живых организмов, отрицательное воздействие на биосферу. В 2015 г. объем выбросов загрязняющих веществ в атмосферу от стационарных источников, относящимся к разделу «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды», составил 62,4 тыс. т, или 13,6 % от совокупного объема выбросов в республике (включая твердые вещества, диоксид серы, оксид углерода, диоксид азота и прочие) (Национальный статистический..., 2016).

В-четвертых, развитие возобновляемой энергетики в Республике Беларусь является важным фактором улучшения ситуации, связанной с негативным влиянием загрязнения воздуха на состояние здоровья, продолжительность жизни и смертность населения страны. По данным отчета Всемирной организации здравоохранения за 2016 г. «Загрязнение атмосферного воздуха: глобальная оценка воздействия и влияние на здоровье» Республика Беларусь заняла третье место в мире по относительной смертности от болезней, связанных с загрязнением воздуха: данный показатель составил 100 человек на 100 000 населения. На первом месте по относительной смертности находится Украина (120 смертей), на втором – Болгария (118 смертей) (World health organization, 2016).

В-пятых, развитие возобновляемой энергетики может стать для Республики Беларусь одним из стимулов дальнейшего развития промышленного комплекса и важным фактором импортозамещения. В настоящее время рынок ВИЭ-оборудования в стране практически отсутствует, на приобретение ВИЭ-установок тратятся значительные валютные средства. Формирование национального рынка ВИЭ-оборудования станет стимулом для реализации потенциала действующих промышленных предприятий и создания новых производств. Это позволит не только обеспечить внутренние потребности в ВИЭ-установках, но и выйти на внешние рынки, улучшив позиции страны в области экспорта.

В-шестых, развитие возобновляемой энергетики приведет к созданию новых рабочих мест не только в предприятиях данного сектора, но и на промышленных предприятиях, связанных с производством ВИЭ-оборудования, в образовательных учреждениях, осуществляющих подготовку кадров для возобновляемой энергетики, и в других отраслях.

Первые шаги по стимулированию освоения ВИЭ в Республике Беларусь были сделаны еще в 1997 г. в связи с принятием Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 24 апреля 1997 г. № 400 «О развитии малой и нетрадиционной энергетики». Однако комплексная нормативно-правовая база использования возобновляемых источников энергии в нашей стране была создана относительно недавно. В 2010–2015 гг. в республике был принят ряд важных законодательных актов в области возобновляемой энергетики: Закон «О возобновляемых источниках энергии» (2010 г.), Государственная программа строительства энергоисточников на местных видах топлива в 2010–2015 гг. (2010 г.), Национальная программа развития местных и возобновляемых энергоисточников на 2011–2015 гг. (2011 г.) и другие. В 2012 г. был создан государ-

ственный кадастр возобновляемых источников энергии. В 2015–2016 гг. были приняты такие законодательные акты как Концепция энергетической безопасности Республики Беларусь, Государственная программа «Энергосбережение» на 2016–2020 гг., Отраслевая программа развития электроэнергетики на 2016–2020 гг. и др.

Если до 2010 г. производство и электроэнергии, и теплоэнергии из ВИЭ в Республике Беларусь осуществлялось преимущественно на предприятиях, входящих в состав ГПО «Белэнерго», то начиная с 2010 г. ситуация существенно изменилась. Благодаря принятию законодательных актов, направленных на привлечение в возобновляемую энергетику субъектов хозяйствования, не входящих в состав ГПО «Белэнерго», возобновляемая энергетика Беларуси в части производства электроэнергии стала развиваться по европейскому сценарию. Государственное стимулирование производителей электроэнергии из ВИЭ посредством ее обязательной закупки по повышенным тарифам стала мощным стимулом роста объемов ее производства и установленной мощности ВИЭ-установок.

В качестве основных макроэкономических индикаторов динамики развития возобновляемой энергетики в Республике Беларусь используются два показателя: доля потребления ВИЭ в валовом потреблении энергоресурсов (ВТЭР) и доля потребления ВИЭ в балансе энергоресурсов (котельно-печного топлива) (КПТ) для производства теплоэнергии и электроэнергии. Анализ данных показателей показал, что в результате реализации государственных программ в области стимулирования развития возобновляемой энергетики Республикой Беларусь были достигнуты определенные успехи: доля потребления ВИЭ в КПТ в 2014 г. по сравнению с 2000 г. возросла на 3,9 % и составила 8,4 %; доля потребления ВИЭ в ВТЭР с 2000 по 2014 г. выросла на 1,9 %, на протяжении последних 5 лет значение данного показателя оставалось стабильным – на уровне около 5,2 % (рис. 11) (Юнитер, 2015; Департамент по энергоэффективности..., 2010).

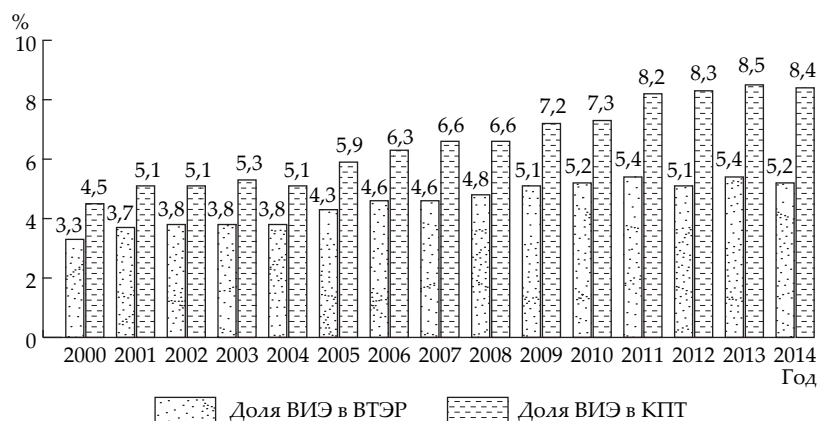

Рис. 11. Доля возобновляемых источников энергии в ВТЭР и в КПТ в 2000–2014 гг., %

Неизменность доли возобновляемых источников энергии в валовом потреблении ТЭР при росте физических объемов производства элект-

троэнергии и теплоэнергии из ВИЭ в 2010–2014 гг. связана со снижением энергоемкости ВВП и повышением эффективности работы по экономии топлива и энергии. В 2014 г. валовое потребление топливно-энергетических ресурсов по отношению к уровню 2010 г. практически не изменилось; ВВП по сравнению с 2011 г. возрос на 9,8 %; энергоемкость ВВП в 2014 г. по сравнению с 2013 г. снизилась на 1 %, в 2013 г. по сравнению с 2012 г. – на 11,1 % и составила 0,19 т нефтяного эквивалента на 1 тыс. долл. США (по паритету покупательной способности и в ценах 2005 г.), достигнув уровня аналогичного показателя развитых стран со схожими климатическими условиями – Канады и Финляндии (Государственная программа «Энергосбережение»..., 2016; Национальный банк..., 2015).

Рост объемов производства электроэнергии и теплоэнергии из ВИЭ в Республике Беларусь в 2010–2014 гг. происходил на основе изменения структуры ВИЭ и их доли в местных ТЭР. Анализ данных, представленных в нормативно-правовых документах и в официальных отчетах Министерства энергетики Республики Беларусь и Департамента по энергоэффективности Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь показал, что преобладающим видом ВИЭ для получения теплоэнергии и электроэнергии в нашей стране является топливная древесина, щепы и древесные отходы. В структуре ВИЭ доля щепы увеличилась с 12,8 % в 2010 г. до 22,7 % в 2014 г. (на 223 тыс. т.у.т.). Доля электроэнергии, выработанной на гидроустановках, ветроустановках и солнечных фотоэлектрических установках, выросла с 0,1 % от объема производства электроэнергии в 2010 г. до 0,7 % в 2014 г. В структуре местных топливно-энергетических ресурсов (ТЭР) (без учета тепловых вторичных энергоресурсов) доля ВИЭ в 2014 году составила около 46 % (Государственная программа «Энергосбережение»..., 2016).

В 2015 г. в балансе возобновляемых источников энергии, используемых для производства теплоэнергии и электроэнергии, доля топливной древесины составила 54,1 % (в 2010 г. – 69,18 %), топливной щепы – 25,5 % (в 2010 г. – 12,8 %), древесных отходов – 13,1 % (в 2010 г. – 13,3 %), гидроэнергии – 1,7 % (в 2010 г. – 0,4 %), ветроэнергии – 0,6 % (в 2010 г. – 0,02 %), прочих видов энергии – 5 % (в 2010 г. – 4 %) (Департамент по энергоэффективности..., 2010; Презентация Департамента по энергоэффективности..., 2017).

Анализ динамики изменения установленных мощностей ВИЭ-установок по субъектам хозяйствования, не входящим в состав ГПО «Белэнерго», за 2011–2016 гг. показал, что прирост мощностей в 2016 г. по сравнению с 2011 г. составил: для ветроустановок – 61,437 МВт; для солнечных установок – 50,875 МВт; для биогазовых установок – 23,925 МВт; для ГЭС – 6,616 МВт; для установок, использующих древесное топливо, – 5,73 МВт (Презентация Министерства энергетики, 2017).

Объем электроэнергии из ВИЭ, произведенной индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами, не входящими в состав ГПО «Белэнерго», с 2011 по 2016 г. вырос почти в 9 раз до уровня 234 млн кВт·ч (Белэнерго, 2017).

Основными нормативно-правовыми документами, определяющими развитие ВИЭ в Республике Беларусь в 2016–2020 гг., являются: Закон «О возобновляемых источниках энергии», Указ Президента Республики Беларусь от 18.05.2015 г. № 209 «Об использовании возобновляемых

источников энергии», Концепция энергетической безопасности Республики Беларусь, Государственная программа «Энергосбережение» на 2016–2020 гг., Отраслевая программа развития электроэнергетики на 2016–2020 гг., Национальный план действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь до 2020 г. и ряд других.

В соответствии с Концепцией энергетической безопасности и Отраслевой программой развития электроэнергетики на 2016–2020 гг. планируется поэтапно увеличить производство электроэнергии из ВИЭ до 0,95 млрд кВт·ч к 2020 г. (в том числе 0,38 млрд кВт·ч на объектах ГПО «Белэнерго» и 0,57 млрд кВт·ч на локальных источниках) и 2,6 млрд кВт·ч к 2035 г. (Концепция энергетической..., 2015; Отраслевая программа развития..., 2016).

Дальнейшее развитие возобновляемой энергетики будет зависеть от того, по какому сценарию пойдет развитие белорусской экономики: при благоприятных условиях (среднегодовой темп прироста энергопотребления – 1 %, объем потребления электроэнергии в 2020 г. – 39,9 млрд кВт·ч, максимальная нагрузка в энергосистеме в 2020 г. – 6000 МВт); при неблагоприятных условиях (среднегодовой темп прироста энергопотребления – 0,7 %, объем потребления электроэнергии в 2020 г. – 38,7 млрд кВт·ч, максимальная нагрузка в энергосистеме в 2020 г. – 5840 МВт) (Отраслевая программа развития..., 2016). В случае благоприятного развития национальной экономики с 2021 г. можно ожидать роста квот на установку энергооборудования по использованию ВИЭ; в противном случае не исключается вариант их уменьшения.

Согласно государственной программе «Энергосбережение» на 2016–2020 гг. предусмотрено достижение к 2020 г. такого показателя как доля местных ТЭР в валовом потреблении ТЭР в размере не менее 16 %, в том числе доля ВИЭ в валовом потреблении ТЭР – 6 % (Государственная программа «Энергосбережение»..., 2016).

В соответствии с программой «Энергосбережение» и Национальным планом действий по развитию «зеленой» экономики до 2020 г. предусмотрены следующие направления использования ВИЭ в Республике Беларусь:

- расширение производства и использования новых видов топлива, получаемых из биомассы, в том числе за счет внедрения технологий газификации биомассы, предполагающих переработку древесных отходов, создания новых производств по изготовлению древесных гранул (пеллет), древесных и смесевых с древесным топливом брикетов, разработка и внедрение новых передовых технологий использования биомассы (использование биомассы для производства бионефти);
- совершенствование инфраструктуры по заготовке и транспортировке древесного топлива со снижением затрат на заготовку, транспортировку и хранение энергетической биомассы, повышение ее эксплуатационных характеристик;
- создание биогазовых установок на очистных сооружениях и полигонах захоронения твердых коммунальных отходов, в сельскохозяйственных организациях, занимающихся производством крупного рогатого скота, свиней и птицы, суммарной электрической мощностью не менее 30 МВт;
- сооружение новых гидроэлектростанций суммарной электрической мощностью около 80 МВт, в том числе восстановления ранее выведенных из эксплуатации малых гидроэлектростанций;

- внедрение фотоэлектрических станций суммарной электрической мощностью не менее 250 МВт и отдельных фотоэлектрических модулей для электроснабжения обособленного потребляющего оборудования;
- увеличение использования гелиоводонагревателей и различных теплоустановок для интенсификации процессов сушки продукции и подогрева воды в сельскохозяйственном производстве и для бытовых целей;
- ввод в эксплуатацию ветроэнергетических установок суммарной электрической мощностью не менее 200 МВт;
- отработку технологий комбинированного использования ВИЭ, а также технологий компенсации неравномерности выдачи мощности генерирующими объектами на основе энергии ветра и солнца;
- увеличение использования отечественных материалов и оборудования при внедрении ВИЭ в целях снижения стоимости их строительства и повышения эффективности функционирования и прочее (Государственная программа «Энергосбережение»..., 2016).

Планируется, что развитие такого направления как производство электроэнергии из ВИЭ к 2035 г. будет включать: комплексную переработку органических коммунальных отходов, осадков очистных сооружений сточных вод, отходов агропромышленного комплекса, биомассы для получения биогаза, увеличение использования солнечной энергии и ветроэнергии, наращивание объемов использования топливной щепы за счет более полного вовлечения в переработку дровяной древесины и использования порубочных остатков; ферментацию биомассы на биогазовых предприятиях для производства биогаза (Белта, 2016).

Следует отметить, что рациональное, экономически выгодное и экологически безопасное использование ВИЭ возможно исключительно при условии внедрения принципиально новых, инновационных технологий и эксплуатации соответствующего оборудования. В противном случае использование установок, работающих на ВИЭ, несмотря на неисчерпаемость данных ресурсов, не сможет обеспечить конкурентоспособность энергии из ВИЭ относительно энергии, полученной на базе органического топлива, с точки зрения издержек.

Кроме того, использование ВИЭ на основе применения устаревших технологий и оборудования может привести к возникновению отрицательного экологического эффекта. Так, например, сжигание древесной биомассы в старых котлах из-за низкого КПД их использования может привести к неоправданному увеличению потребления топлива на 40–50 %, а сжигание биомассы в котлах, рассчитанных на применение каменного угля, может привести не только к серьезному ухудшению технико-экономических показателей, но и экологической обстановки в районе размещения таких котельных (Пилипчук, 2010, с. 10).

Исследование текущей ситуации в области развития белорусской возобновляемой энергетики показало, что в стране создана серьезная нормативно-правовая база развития возобновляемой энергетики, которая в настоящее время работает непосредственно под патронажем и при активной поддержке государства. Необходимость замещения органического топлива возобновляемыми источниками энергии и существенного увеличения их доли в топливно-энергетическом балансе страны признана на государственном уровне.

Очевидно, что на данном этапе развития белорусская возобновляемая энергетика не может обойтись без существенной государственной под-

держки проектов, направленных на исследования, разработку и практическое внедрение энергоустановок, использующих ВИЭ. Однако для эффективного использования энергетического потенциала ВИЭ, который, по оценкам экспертов, в десятки раз превышает фактический объем их использования, правительству Республики Беларусь придется приложить немало усилий. Для успешной реализации поставленной руководством нашей страны задачи по максимальному вовлечению в топливно-энергетический баланс местных и возобновляемых энергоисточников наряду с использованием бюджетных средств необходимо более активно привлекать в данную сферу частные инвестиции как от иностранных, так и от отечественных субъектов хозяйствования.

Развитие возобновляемой энергетики позволит Республике Беларусь в самые короткие сроки решить ряд важных проблем, связанных с обеспечением энергетической безопасности страны, снижением зависимости от импорта органического топлива, энергосбережением, защитой окружающей среды, внедрением инновационных технологий в области энергетики.

Заключение

Возобновляемая энергетика является одним из самых динамично развивающихся направлений мировой энергетической отрасли. Это обусловлено рядом объективных факторов – использование ВИЭ позволяет решить целый ряд важных для человечества проблем энергетического, экономического, социального и экологического характера: компенсировать потенциальную нехватку энергии из-за ограниченности и истощаемости ее традиционных источников; уменьшить энергетическую зависимость отдельных государств и регионов от импорта углеводородного топлива из стран-«энергомонаполистов», снизить связанную с этим политическую напряженность и вероятность возникновения военных конфликтов; существенно уменьшить негативное воздействие традиционной энергетики на окружающую среду, связанное с выбросами парниковых газов и загрязняющих веществ в атмосферу; сохранить имеющиеся запасы нефти, угля, газа для будущих поколений, обеспечить устойчивое развитие экономики; предотвратить негативное воздействие загрязнения от традиционной энергетики на здоровье людей и др.

Доля электроэнергии из ВИЭ в мировом производстве электроэнергии ежегодно возрастает. В настоящее время в структуре электроэнергии, произведенной в мировом масштабе из ВИЭ, преобладает гидроэнергия и ветроэнергия, наименьшая доля приходится на солнечную энергию, произведенную на фотоэлектрических установках, геотермальную энергию и энергию океана. Наибольший прирост мощностей в 2001–2015 гг. также наблюдался в гидроэнергетике и ветроэнергетике.

Неизменными мировыми лидерами по производству и использованию электроэнергии из ВИЭ являются США и Китай. В 2015 г. первое место в мире по установленным мощностям в области гидроэнергии и ветроэнергии, а также солнечной энергии, произведенной на фотоэлектрических установках, занимал Китай, в области использования геотермальной энергии и энергии биомассы – США.

Размер инвестиций в возобновляемую энергетику с 2004 по 2015 г. увеличился в 6,5 раз. При этом в тройку стран-лидеров по инвестициям

в ВИЭ-проекты в 2015 г. вошли такие страны как Китай, США и Япония. Среди развивающихся стран в 2015 г. самый значительный рост инвестиций имел место на Ближнем Востоке, в Африке и Индии, в то время как в странах Азии (не включая Китай и Индию), странах Северной и Южной Америки (за исключением США) наблюдалось снижение их размера.

Размер инвестиций в ВИЭ-проекты в странах ЕС в 2015 г. по сравнению с 2014 г. впервые снизился более чем на 21 % до уровня 2006 г. Среди европейских стран лидером по объему инвестиций в такие проекты стала Великобритания, в то время как Германии, которая традиционно занимала первое место по данному показателю, потеряла свои позиции.

Объем производства электроэнергии из ВИЭ в Республике Беларусь в 2011–2016 гг. увеличился почти в 9 раз; прирост установленных мощностей за указанный период времени составил около 150 МВт. С учетом экономической целесообразности наибольшим потенциалом в стране обладают такие виды ВИЭ как древесное топливо и отходы деревообработки, гидроэнергия, наименьшим – солнечная энергия.

Благодаря признанию необходимости использования ВИЭ на государственном уровне и активной поддержке возобновляемой энергетики, начиная с 2011 г. Республика Беларусь демонстрирует высокие темпы роста производства электроэнергии из возобновляемых источников. Тем не менее, доля электроэнергии, произведенной на основе их использования, в общем объеме производимой в стране электроэнергии все еще остается незначительной.

Для замещения органического топлива возобновляемыми источниками энергии и существенного увеличения их доли в топливно-энергетическом балансе страны, значительного увеличения объема производства электроэнергии из ВИЭ необходима разработка долгосрочной экономической политики формирования эффективного механизма стимулирования использования ВИЭ. Очевидно, что необходимо обдуманно и рационально подходить к вопросу использования ВИЭ в целом по стране и в отдельных регионах, а также не замещать традиционные источники энергии возобновляемыми источниками любыми путями, а учитывать такие аспекты, как технические возможности, экономическая эффективность и экологическая безопасность.

Литература и электронные публикации в Интернете

1. Альтернативная энергетика (2013). Плюсы и минусы ветроэнергетики. URL: <https://alternativenergy.ru/vetroenergetika/581-plyusy-minusy-vetroenergetiki.html> (дата обращения: 17.08.2017).
2. Белта (2016). К 2035 году в Беларуси из возобновляемых источников будет производиться 2,6 млрд кВт·ч электроэнергии в год. URL: <http://www.belta.by/economics/view/k-2035-godu-v-belarusi-iz-vozobnovljaemyh-istochnikov-budet-proizvoditsja-26-mlrd-kvtch-elektroenergii-213302-2016/> (дата обращения: 18.08.2017).
3. Белта (2017). АЭС обеспечит 30% потребности Беларуси в электроэнергии. URL: http://atom.belta.by/ru/news_ru/view/aes-obespechit-30-potrebnosti-belarusi-v-elektroenergii-9250/ (дата обращения: 17.08.2017).
4. Белэнерго (2017). Возобновляемая энергетика. URL: <http://www.energo.by/ve/p10.htm> (дата обращения: 16.08.2017).

5. Галкин, Олег (2011). Эксперт: человечество в ближайшей перспективе без развития атомной энергетики не сможет выжить. URL: <https://news.tut.by/economics/232006.html> (дата обращения: 17.08.2017).
6. Государственная программа «Энергосбережение» на 2016–2020 годы (2016). URL: <http://energoeffekt.gov.by/programs/basicdocuments/2309-2016-2020#> (дата обращения: 17.08.2017).
7. Грозовский, Геннадий, Попов, Вячеслав, Полякова, Елена (2013). Нормативно-техническое регулирование в области возобновляемых источников энергии. ЭСКО. Энергетика и промышленность, № 9, с. 1–12.
8. Департамент по энергоэффективности Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь (2010). Повышение энергоэффективности и использование возобновляемых источников энергии в Республике Беларусь (брошюра). Минск: Департамент по энергоэффективности Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь.
9. Континент (2016). Глобальное мошенничество. URL: <http://kontinentusa.com/globalnoe-moshennichestvo/> (дата обращения: 17.08.2017).
10. Концепция энергетической безопасности Республики Беларусь (2015). URL: <http://minenergo.gov.by/wp-content/uploads/P23.12.2015№1084-и-концепция.pdf> (дата обращения: 17.08.2017).
11. Национальная программа развития местных и возобновляемых энергоисточников на 2011–2015 годы (2011). URL: <http://energoeffekt.gov.by/laws/resolution/1515--10052011-586-20112015-07122009-1593q.html> (дата обращения: 17.08.2017).
12. Национальный статистический комитет Республики Беларусь (2016). Статистический ежегодник Республики Беларусь 2016. URL: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_6316/ (дата обращения: 19.08.2017).
13. Нистюк, Владимир (2010). Роль возобновляемой энергетики в Республике Беларусь и перспективы ее развития. Энергоэффективность, № 3, с. 17–20.
14. Отраслевая программа развития электроэнергетики на 2016–2020 годы (2016). URL: http://minenergo.gov.by/zakonodatelstvo/konceptcii_i_programmi/ (дата обращения: 22.08.2017).
15. Пилипчук, Андрей (2010). Нетрадиционные источники энергии – энергия будущего. Экалогія, № 2, с. 10–13.
16. Поппель, Олег (2012). Для эффективного использования ВИЭ уже сегодня во многих регионах России и секторах экономики имеются значительные ниши. Энергетический вестник, № 14, с. 24–33.
17. Презентация Департамента по энергоэффективности Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь (2017). Повышение энергоэффективности и использования возобновляемых источников энергии в Республике Беларусь. URL: <http://www.house.gov.by/uploads/files/Prezentatsija-Departamenta-po-energoeffektivnosti-new.pptx> (дата обращения: 23.08.2017).
18. Презентация Министерства энергетики Республики Беларусь (2017). Состояние и перспективы развития электроэнергетической сферы Республики Беларусь. URL: www.house.gov.by/uploads/files/Prezentatsija-Minenergo.pptx (дата обращения: 17.08.2017).
19. Сушкевич, Елена (2011). Опыт использования возобновляемых источников энергии в Европейском Союзе (на примере Германии). Вестник БГЭУ, № 4, с. 104–110.

20. Шайтанов, Владимир, Золотов, Леонид (2010). Экологические аспекты использования возобновляемых источников энергии. URL: http://www.solex-un.ru/sites/default/files/energo_files/shaytanov_zolotov_vie_0.doc (дата обращения: 17.08.2017).
21. Юнитер (2015). Возобновляемая энергетика 2015. URL: <https://www.uniter.by/upload/iblock/b98/b98989685d41c3f402cc5ba47ddfef94.pdf> (дата обращения: 22.08.2017).
22. Apple (2017). Как мы можем внести максимальный вклад в борьбу с изменением климата? URL: <http://www.apple.com/ru/environment/climate-change/> (дата обращения: 21.08.2017).
23. BBC (2016). ВМО: содержание CO₂ в атмосфере достигло критического уровня. URL: <http://www.bbc.com/russian/news-37755645> (дата обращения: 17.08.2017)
24. BP (2016). BP statistical review of world energy. URL: <http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2016/bp-statistical-review-of-world-energy-2016-full-report.pdf> (last checked 21 August 2017).
25. Delucchi, M., Jacobson, M. Providing all global energy with wind, water, and solar power. Part I: Technologies, energy resources, quantities and areas of infrastructure, and materials (2011). Energy Policy, № 39, p. 1154–1169.
26. EUR-Lex (2008). 20 20 by 2020. Europe's climate change opportunity. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52008DC0030> (last checked 18 August 2017).
27. Eurostat (2017). Energy production and imports. URL: (last checked 21 August 2017). http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Energy_production_and_imports.
28. Global footprint network (2017). Ecological wealth of nations. URL: http://www.footprintnetwork.org/content/documents/ecological_footprint_nations/ (last checked 18 August 2017).
29. Intergovernmental Panel on Climate Change (2014). Climate change 2014. Mitigation of climate change. URL: http://www.ipcc.ch/pdf/assessment-report/ar5/wg3/ipcc_wg3_ar5_full.pdf (last checked 22 August 2017).
30. International renewable energy agency (2017). Rethinking energy 2017. URL: http://www.irena.org/DocumentDownloads/Publications/IRENA_Rethinking_Energy_2017.pdf (last checked 21 August 2017).
31. Lazard (2016). Lazard's levelized cost of energy analysis – version 10.0. URL: <https://www.lazard.com/media/438038/levelized-cost-of-energy-v100.pdf> (last checked 23 August 2017).
32. Renewable energy policy network for the 21st century (2014). Renewables 2014 global status report. URL: http://www.ren21.net/Portals/0/documents/Resources/GSR/2014/GSR2014_full%20report_low%20res.pdf (last checked 19 August 2017).
33. Renewable energy policy network for the 21st century (2015). Renewables 2015 global status report. URL: http://www.ren21.net/wp-content/uploads/2015/07/REN12-GSR2015_Onlinebook_low1.pdf (last checked 19 August 2017).
34. Renewable energy policy network for the 21st century (2016). Renewables 2016. Global status report. URL: http://www.ren21.net/wp-content/uploads/2016/06/GSR_2016_Full_Report.pdf (last checked 21 August 2017).
35. Statista (2015). Global CO₂ emissions from 1995 to 2015 (in billion metric tons). URL: <https://www.statista.com/statistics/276629/global-co2-emissions/> (last checked 19 August 2017).

36. Statista (2016). Largest producers of CO₂ emissions worldwide in 2016 based on their share of global CO₂ emissions. URL: <https://www.statista.com/statistics/271748/the-largest-emitters-of-co2-in-the-world/> (last checked 23 August 2017).
37. The Guardian (2015). Airpocalypse now: China pollution reaching record levels. URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/nov/09/airpocalypse-now-china-pollution-reaching-record-levels> (last checked 19 August 2017).
38. The World Bank and Institute for health metrics and evaluation university of Washington (2016). The cost of air pollution. Strengthening the economic case for action. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/25013/108141.pdf?sequence=4&isAllowed=y> (last checked 19 August 2017).
39. United Nations secretary-general (2016). Secretary-general's remarks at climate action 2016. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2016-05-05/secretary-generals-remarks-climate-action-2016-prepared-delivery> (last checked 23 August 2017).
40. World commission on environment and development (1987). Report of the World commission on environment and development: Our common future. URL: <http://www.un-documents.net/our-common-future.pdf> (last checked 21 August 2017).
41. World health organization (2016). Ambient pollution: a global assessment of exposure and burden of disease. URL: <http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/250141/1/9789241511353-eng.pdf?ua=1> (last checked 20 August 2017).

IVAN AKULICH,
ELENA SUSHKEVICH

**MAJOR TRENDS OF FORMATION
AND DEVELOPMENT
OF RENEWABLE ENERGY AND
THEIR VALUE FOR THE ECONOMY
OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

Authors affiliation. Ivan Akulich (km@bseu.by). Doctor of economics, Professor, Head of the marketing department, Belarusian state economic university (Minsk, Belarus).

Elena Sushkevich (susha2@yandex.ru). Master of economic sciences, Assistant of the marketing department, Belarusian state economic university (Minsk, Belarus).

Abstract. The article examines the state of renewable energy in the world and in particular countries. The main reasons for the rapid and widespread development of renewable energy are identified, as well as the negative aspects associated with the use of renewable energy sources. The dynamics of changes in installed capacities, volumes of electricity production from renewable energy sources, and the size of investments in renewable energy projects are considered. Features of the development of renewable energy in the Republic of Belarus are considered.

Keywords: renewable energy, renewable energy sources, investments, levelized cost of energy, installed capacity.

UDC 620.91

Статья поступила в редакцию 31.08.2017 г.

ГИОРГИ ШИХАШВИЛИ

БИБЛЕЙСКО-БОГОСЛОВСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЭКОЛОГО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ – ОСНОВА СИНЕРГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ВОПРОСАМ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Аннотация. Решение комплексных социально-экономических проблем постсоветского периода и последующее развитие общества и государства органически зависят от создания надлежащего и всесторонне осмысленного теоретико-методологического фундамента. Для этой цели необходимо осуществить гармоничное сочетание всего комплекса национальных и общечеловеческих ценностей. Среди общечеловеческих и национальных ценностей виднейшее место занимают Библия, христианская теология и соответствующая нравственность. На основе изучения и анализа Библии и других христианских источников выявлены богословские основы охраны окружающей среды и начертаны основные направления для разработки соответствующей модели и стратегии устойчивого развития общества.

Ключевые слова: Библия, теология, устойчивое развитие, церковь, экология, христианская экономика.

УДК 261.5

Гиорги Шихашвили (giorgi.shikhashvili@tsu.ge), Доктор экономики, профессор Факультета экономики и бизнеса Тбилисского государственного университета им. Иванэ Джавахишвили, Грузия, 0186 Тбилиси, ул. Университетская № 2. +995 577 970277.

Введение

Решение глубоких социально-экономических проблем постсоветского периода и последующее развитие общества и государства зависят от создания надлежащего и всесторонне осмысленного теоретико-методологического фундамента. Для этой цели необходимо осуществить гармоничное взаимосочетание национальных и общечеловеческих ценностей.

Принятые Организацией Объединенных Наций на Рио-де-Жанейрской конференции в 1992 г. «Принципы устойчивого развития» и «Повестка дня на XXI век» призывают все государства органически соединить между собой традиционные национальные и современные международные социально-экономико-экологические ценности и научно-технические достижения для обеспечения долгосрочного и устойчивого развития общества (Китинг 1993).

В этой связи важнейшая роль принадлежит Библии, христианской теологии и соответствующей нравственности. Именно под влиянием хри-

стианских ценностей формировались на протяжении веков основы современной западной цивилизации, в том числе, экономика, право, наука, образование, охрана окружающей среды, культура, демократические идеалы, концепция прав человека и т.д.

Библия, христианская теология и рациональное хозяйствование

Эпоха просветительских и научно-технических достижений последних двух-трех веков как бы затмила веру в Бога. Однако выдающиеся ученые современности, предприниматели и государственные деятели показывают иллюзорность и ошибочность такого мнения. Послушаем высказывания некоторых из них по этому поводу.

Альберт Эйнштейн, лауреат Нобелевской премии, физик: «Чем больше наука делает открытий в физическом мире, тем более мы приходим к выводам, которые можно разрешить только верой» (Мы верим, 1988, с. 41).

Макс Борн, лауреат Нобелевской премии, физик: «Наука предъявляет ученому много моральных и этических требований. Если ученый верит в Бога, это облегчит его проблему. Ученый должен иметь большое терпение и смирение, а эти качества может дать ему религия» (Мы верим, 1988, с. 35).

Альф Бьерке, президент Корпорации Бьерке по изготовлению красок в Осло (Норвегия), химик: «Современная наука не убила фундаментальные истины Библии. Я верю в Бога, я верю в Иисуса, и я верю в Библию» (Мы верим, 1988, с. 14).

Джордж Вашингтон, 1-й президент США: «Невозможно правильно править миром без Бога и Библии» (Губанов, 1996, с. 130). Эту мысль развивает **Уильям Мак-Кинли**, 25-й президент США: «Мы должны изучать Библию, но не ограничиваться только этим. Мы должны применять её в жизни» (Губанов, 1996, с. 131).

Исследованием Библейских основ рационального природопользования и устойчивого социально-экономического развития интенсивно занимаются ученые, теологи и экономисты многих известных университетов цивилизованных стран [см.: (Рих, 1996); (Clugston, Holt, 2012); (Falvey, 2005)]. Там формировались такие научно-практические и учебные дисциплины, как Теологическая экономика; Христианская экономика; Христианская хозяйственная этика; Библия и устойчивое социально-экономическое развитие; Библия и экология; Христианский бизнес и др. На основе разработанной теории и методологии в таких странах нередко создаются соответствующие законы и развивается нравственный, экологически безопасный бизнес. Изложенные в таких трудах идеи, выводы и рекомендации особенно актуальны для постсоветских христианских стран, включая Грузию и Беларусь, в которых можно встретить негативные социально-эколого-экономические результаты неразумного, безнравственного природопользования. Поэтому весьма важно не только расширить аналогичные исследования, но и практически их реализовать в наших странах.

В последнее время и в Грузии появились работы в этой сфере [см.: (Chikhladze, Koguashvili, 2016); (Gagnidze, 2015); (Shikhashvili, Svanidze,

2015); (Shikhashvili, Akhvlediani, Bakashvili, 2009); (Shikhashvili, 2004)], что дает повод с надеждой смотреть в будущее.

Для христианского осмысления основ разумного природопользования, соответствующей управленческой деятельности и достижения устойчивого развития необходимо надлежащее изучение Библии. В ней рассмотрены многие экономические вопросы: собственность, богатство, бедность, потребности, факторы производства, хозяйствование, труд, промышленность, строительство, деньги, налоги, финансы, таможня, ссудное дело, торговля, учет, статистика, управление, планирование, мотивация, контроль, эффективность, устойчивое развитие, рациональное природопользование и охрана окружающей среды, международная экономика, экономическое право, благотворительность и др.

Согласно библейскому учению краткосрочная земная жизнь есть подготовка к вечной небесной жизни, в которой не будет экономики. Поэтому христианская теология рассматривает экономическую деятельность как временный, эсхатологический процесс, целью которого является удовлетворение земных потребностей.

Для достижения этой цели необходимо производить все вещественные и невещественные блага в рамках богоустановленного нравственного закона, соблюдение которого требуется для желающих войти в Царство Небесное.

Человечество и среда его обитания, включая весь эколого-экономический потенциал, являются составными частями созданной Богом Вселенной. Все общественные процессы протекают на основе Божественного плана, воли и промысла. «Все сделал Господь ради Себя» (Прит 16:4), «... мы Им живем и движемся и существуем» (Деян 17:28), «Ибо все из Него, Им и к Нему» (Рим 11:36).

В. Кандалинцев пишет, что «многие духовно-хозяйственные принципы Библии были изложены уже в Пятикнижии Моисея. Первый и важнейший из них заключается в том, что экономикой управляет Бог. Такое управление осуществляется посредством:

- закона – т. е. обязательного свода богооткровенных правил хозяйственного поведения людей;
- благословения – в виде дарования Богом человеку особых способностей или возможностей, необходимых для достижения хозяйственных целей;
- помощи – посредством вразумления, наставления, руководства;
- императивного воздействия – в виде произведения в человеке стремления достичь и самого действия по достижению определенных хозяйственных целей;
- сдерживания – на основе лишения внешних и внутренних ресурсов» (Кандалинцев, 1999).

Богоустановленность хозяйственно-экологической деятельности человека видна уже в начале Библии. При благословении Адама и Евы Бог сказал им: «Плодитесь, и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими [и над зверьями], и над птицами небесными, [и над всяким скотом, и над всею землею] и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» (Быт 1:28). Еще до создания Евы «взял Господь Бог человека, [которого создал], и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его» (Быт 2:15). За нарушение Божественной заповеди Господь наказывает Адама и Еву, говоря Адаму:

«проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от неё во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевой травой; в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт 3:17–19). Первый сын Адама и Евы Каин был земледельцем, а второй – Авель – пастырем овец (Быт 4:2).

Из этого видно, что уже первым людям важнейшим видом земной деятельности Бог установил труд и хозяйствование. Вместе с тем, особенно отмечается необходимость разумного использования и охраны земных благ.

Труд (в широком смысле – экономическая деятельность) является важнейшей потребностью и обязанностью человека. Согласно апостолу Павлу: «если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фес 3:10).

Бог установил человеку чередование труда и отдыха: «шесть дней работай и делай [в них] всякие дела твои» (Исх 20:9), а в седьмой день не делай никакого дела, «ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил» (Исх 20:11).

Трудиться необходимо как для удовлетворения собственных потребностей, так и нужд других людей. Апостол Павел учит, что надо: «усердно стараться о том, чтобы жить тихо, делать свое дело и работать своими собственными руками, как мы заповедовали вам; чтобы вы поступали благоприлично перед внешними и ни в чем не нуждались» (1 Фес 4:11–12). Человек обязан оставить леность, недостойное деяние, он должен трудиться, «делая своими руками полезное, чтобы было из чего уделять нуждающемуся» (Еф 4:28). Апостол Павел сам подавал такой пример и говорил своим ученикам: «сами знаете, что нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии. Во всем показал я вам, что так трудясь, надобно поддерживать слабых и памятовать слова Господа Иисуса, ибо Он Сам сказал: «блаженнее давать, нежели принимать» (Деян 20:34–35).

В Библии особо отмечается важность справедливого, своевременного, устойчивого вознаграждения труда работника. Библия учит, что «трудящийся достоин награды за труды свои...» (Лк 10:7), а о необходимости справедливой и своевременной оплаты говорится следующее: «Не обижай наемника, бедного и нищего, из братьев твоих или из пришельцев твоих, которые в земле твоей, в жилищах твоих; в тот же день отдай плату его, чтобы солнце не зашло прежде того, ибо он беден, и ждет ее душа его; чтоб он не возопил на тебя к Господу, и не было на тебе греха» (Втор 24:14,15); «Не обижай ближнего твоего и не грабительствуй. Плата наемнику не должна оставаться у тебя до утра» (Лев 19:13).

В Нагорной проповеди Иисус Христос говорил народу: «всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, я уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое» (Мф 7:24–27). В этой притче изложены основы экологической безопасности экономической деятельности человека. Игнорирование основ Божественного учения проявилось в неразумном индустриальном развитии общества, что

и привело к обострению целого комплекса эколого-экономических проблем в мировом масштабе.

Полный цикл производства продукции и основы рационального, устойчивого природопользования, изложены в притче о пшенице и плевелах (Мф 13:24–30). В ней описывается засеяние поля, влияние внешних вредных факторов на состояние нивы, охрана всходов пшеницы, уборка урожая в житницу, отношения между руководителем и работниками.

В Евангелии от Иоанна повествуется как Иисус Христос чудесным образом накормил пять тысяч голодных людей, после чего Он сказал Своим ученикам: «соберите оставшиеся куски, чтобы ничего не пропало» (Ин 6:12). Ученики собрали и наполнили двенадцать коробов кусками, оставшимися после насыщения. В призыве Христа и в действиях учеников можно видеть путь к разумному, безотходному производству и потреблению, охране окружающей среды.

Библейское учение о защите растений от вырубki, даже во время войны, изложено в Моисеевом законодательстве: «Если долгое время будешь держать в осаде [какой-нибудь] город, чтобы завоевать его и взять его, то не порти дерев его, от которых можно питаться, и не опустошай окрестностей, ибо дерево на поле не человек, чтобы могло уйти от тебя в укрепление» (Втор 20:19).

Бог есть Создатель и Промыслитель Вселенной. Все ресурсы, богатства и блага принадлежат Ему: «Господня земля и что наполняет её, вселенная и все живущее в ней, ибо Он основал ее на морях и на реках утвердил ее» (Пс 23:1–2). Человечество же грабит, портит и загрязняет окружающую среду, навлекая на себя соответствующие последствия в виде нарастающих экологических проблем и всеобщего роста заболеваний. Православная Церковь, научая людей нравственному природопользованию, одновременно приносит Богу молитву «О благорастворении воздуха, о изобилии плодов земных и временах мирных».

Благотворительность, милосердие и бережное отношение ко всему Творению благословлены самим Творцом и установлены в качестве священной обязанности для Церкви и всех людей. Осознавая свои обязанности ко всему творению и поддерживая известную Рио-де-Жанейрскую концепцию об Устойчивом развитии общества (Китинг, 1993), Церковь всячески старается внести свой вклад в решение современных эколого-экономических проблем.

Позиция Церкви по отношению к решению экологических проблем носит истинно научный характер, так как Церковь выявляет реальную причину экологического кризиса (греховность, духовный кризис человечества) и указывает действенный путь решения проблемы (оставление грехов и духовное возрождение).

Православная Церковь Грузии на протяжении своей долгой истории являлась крупнейшим владельцем природных ресурсов (земли, недр, лесов, водных объектов) и пользовалась ими самым рациональным образом как в экономическом, так и в экологическом отношениях на основе древнегрузинского принципа устойчивого развития – «сохрани лес (читай: природу, окружающую среду – Г.Ш.) потомству, это твой отцовский долг». Кстати сказать, суть понятия «Отцовского долга» истекает из Божественной заботы Отца Небесного о благосостоянии всего своего творения, включая человека. (подробно см.: Shikhashvili, Akhvlediani, Bakashvili, 2009, с. 153–182).

Православная Церковь Грузии, оправившись от последствий атеистического периода, приступила к активным действиям по решению многих общественных проблем. В сфере экологии Церковь поддерживает деятельность правительственных, неправительственных и бизнес-организаций. Патриархия Грузии сотрудничает с природоохранными организациями Грузии, вместе с которыми за последний период были проведены совместные мероприятия, особенно по озеленению территорий. Например, в 1999 г. при встрече с представителями Зеленого движения Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II отметил, что «Движение зеленых – это та сила, которая борется за спасение созданной Богом окружающей среды и заслуживает всестороннюю поддержку со стороны Церкви» (Shikhashvili, 2004, с. 169).

Нравственную основу христианства можно видеть в двух заповедях, о которых говорит Иисус Христос в Евангелии от Матфея (Мф 22:37–40), Евангелии от Марка (Мк 12:29–31), Евангелии от Луки (Лк 10:25–28): «...возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, – вот первая заповедь! Вторая подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Иной большей сих заповеди нет» (Мк 12:29–31). Из этих заповедей следует и нравственная обязанность заботиться об охране окружающей среды. Человек, посредством дарованных ему Господом свободной воли и разума, должен избрать такой путь хозяйствования, который обеспечил бы сочетание эколого-экономических и духовных потребностей людей, соответствующее воли Божией. Таким образом основным принципом христианской экономики является обретение вещественных и не вещественных благ праведным путем и их использование в добрых, праведных делах. Экономическая деятельность нравственна, если люди исполняют свои обязанности по отношению к Богу, ближнему, окружающему миру и самому себе.

Заключение

В сегодняшних условиях необходимо с религиозно-этических позиций осмыслить закономерности социально-экономико-экологического развития общества.

Для устойчивого социально-экономического развития Грузии и Беларуси необходимо:

- взаимосочетание теологических, социальных, экономических и экологических методов исследований;
- проведение комплексного теолого-этического анализа состояния общества;
- выявление и формирование теологических и теоретико-методологических основ гармоничного взаимодействия общества и окружающей среды;
- глубокое осмысление исторических аспектов эколого-экономического развития Грузии и Беларуси;
- надлежащее изучение современной передовой мировой хозяйственной практики и развитие международной программы устойчивого развития;
- на основе гармоничного сочетания традиционных и современных форм хозяйствования, государственного регулирования экономики и те-

ологических принципов - разработка национальной концепции, модели и стратегии устойчивого социально-экономического развития Грузии и Беларуси;

- определение задач, направлений и этапов перехода на устойчивое развитие;

- организация эффективного государственного управления процессом перехода на устойчивое развитие;

- правовое, экономическое и финансовое обеспечение устойчивого развития.

Создание, осмысленной с теолого-экономической позиции концепции, модели и стратегии устойчивого развития Грузии и Беларуси является тем органическим условием, которое обеспечит все теоретико-методологические предпосылки для гармоничного развития наших стран.

Литература и электронные публикации в Интернете

1. Библия (1997). Москва, Российское Библейское общество.
2. Губанов В. (1996). Библия опережает науку на тысячи лет. Москва.
3. Кандалинцев В. (1999). Политическая экономия Библии. Москва. Инкомполиграф.
4. Китинг М. (1993). Программа действий. Повестка дня на XXI век. Женева.
5. Мы верим (1988). Говорят 53 современных известных ученых о вере в Бога. Германия.
6. Рих А. (1996). Хозяйственная этика. Пер. с немецкого Е. Довгань, под ред. В. Сапова. Москва, Посев.
7. Харчлаа П. (1991) Библия и наука. Ашфорд, США, «Сеятель Истины».
8. Chikhladze N., Koguashvili P. (2016). Scarcity of Resources – for Theological and Economic Understanding. In the book: Christianity and Economics. Tbilisi – Kutaisi, TSU (in Georgian).
9. Clugston R., Holt S. (2012). Exploring Synergies between Faith Values and Education for Sustainable Development. C/O University for Peace, San Jose, Costa Rica.
10. Falvey L. (2005). Religion and Agriculture: Sustainability in Christianity and Buddhism. Institute for International Development. Adelaide.
11. Gagnidze I. (2015). Sustainable Economic Development with the Aspects of Orthodoxy. In the book: Christianity and Economics. Tbilisi – Batumi, TSU (in Georgian).
12. Shikhashvili G., Akhvlediani B., Bakashvili N. (2009) Foundations of Orthodox Theological Economics and Management. Tbilisi, Publishers Meridians (in Georgian).
13. Shikhashvili G. (2004). Catholicos-Patriarch of Georgia Ilia II About Actual Issues of Social-Economic Development. Tbilisi, Publishers Geokeria, Tbilisi (in Georgian).
14. Shikhashvili G., Svanidze I. (2015). Bible Doctrine as the Basis for National Concept of Economic and Ecological Sustainable Development. In the book: Christianity and Economics. Tbilisi – Batumi, TSU (in Georgian).

GIORGI SHIKHASHVILI

**BIBLICAL AND THEOLOGICAL
INTERPRETATION OF ENVIRONMENTAL
AND ECONOMIC ACTIVITIES
AS THE BASIS OF A SYNERGISTIC
APPROACH TO THE ISSUES
OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT
OF SOCIETY**

Author affiliation. Giorgi Shikhashvili (giorgi.shikhashvili@tsu.ge), Doctor of economics, professor of the Faculty of Economics and Business of Ivane Javakhishvili Tbilisi State University. (2, University Street, 0186 Tbilisi, Georgia) +995577970277

Abstract. Solving the complex socio-economic problems of the post-Soviet period and the subsequent development of society and the state depends organically on the creation of a proper and comprehensively sensible theoretical and methodological foundation. For this purpose, it is necessary to carry out a harmonious combination of the whole complex of national and universal values.

Among the universal and national values the most prominent are the Bible, Christian Theology and the corresponding morality. The author gives his own definition of the Christian Economics as a scientific-practical and educational discipline. Based on the study and analysis of the relevant parts of the Bible and other Christian sources, the theological and economic foundations of environmental protection have been identified and the main directions for developing a divinely inspired, synergistic National concept, model and strategy for the sustainable development of society have been outlined.

Keywords: Bible. Theology and sustainable development. Church and ecology. Christian Economics.

UDK 261.5

Статья поступила в редакцию 28.08.2017 г.

О ЗНАЧЕНИИ ПРИНЦИПОВ МИРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ В ПОЗИЦИОНИРОВАНИИ КАТОЛИЧЕСКОГО СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ В ПЕРИОД ПОНТИФИКАТА ПАПЫ РИМСКОГО ИОАННА XXIII

Аннотация. В энцикликах папы Римского Иоанна XXIII значительное внимание уделяется задаче создания мирных взаимоотношений между народами, основанных на истине, справедливости, любви и свободе. Во враждебных отношениях между людьми явно видно неуважение к истине, ибо Бог создал людей как братьев, дал им землю, чтобы они трудились и возделывали ее. Католическое социальное учение предполагает, что естественное право является неотъемлемой составляющей как частной жизни человека, так и в общественной, а в основание любого общества должен быть положен принцип, согласно которому каждый человек – это личность, одаренная разумом и свободной волей. Важнейшее значение придается необходимости активного участия христиан в различных гражданских институтах и влияния на них изнутри, чтобы наполнить цивилизацию христианскими принципами.

Ключевые слова: истина, справедливость, любовь, свобода, субсидиарность, общество, мир, право, обязанность.

УДК 241.13

Голубев Константин Иванович (gki@rambler.ru), доктор экономических наук, профессор Белорусского государственного экономического университета, Минск, Партизанский проспект, 26-801, +375298177247.

Одной из наиболее актуальных задач для настоящего времени является предотвращение вооруженных конфликтов. Особенно очевидна эта задача, если речь идет о возможных военных действиях между крупнейшими странами мира, обладающими ядерным оружием. В этом отношении заслуживает внимание борьба за мирное сосуществование во время понтификата папы Римского Иоанна XXIII, когда после Второй мировой войны число вооруженных конфликтов не просто не уменьшилось, но появилась проблема предотвращения ядерной войны. В качестве примера здесь следует отметить Берлинский кризис и Карибский кризис, имевшие место в начале 1960-х гг., когда мир реально дважды стоял на грани глобального ядерного конфликта.

При этом среди тем первой же своей энциклики «Ad Petri Cathedram» (29.06.1959) папа Иоанн XXIII назвал «истину, единство и мир». В качестве причины и источника бедствий народов и отдельных людей в энциклике указывается на незнание истины и отказ от нее. В результате есть опасность уподобиться всегда учащимся «...и никогда не могушим дойти до

познания истины» (2 Тим 3:7), поставившим под угрозу самые основы истины, добра и цивилизации. Энциклика говорит о необходимости гармоничного единства, которое необходимо искать во взаимоотношениях между классами и между народами. Таким образом, во враждебных отношениях между людьми явно видно неуважение к истине, ибо Бог создал людей как братьев, дал им землю, чтобы они трудились и возделывали ее; каждый человек получал бы от этого средства к существованию и наслаждался плодами земли (Лемещенко, Голубев, 2014). При этом особо отмечается факт создания такого оружия, что в результате войны и победителя, и побежденного ждут только разрушения и гибель. Соответственно, представители различных наций призваны трудиться на основе братского сотрудничества во имя общего процветания человеческого общества.

В данном контексте одним из наиболее известных документов того времени является энциклика «*Pacem in Terris*» (11.04.1963), в которой нашли отражение проблемы этого периода, и которая явилась последней энцикликкой папы Иоанна XXIII, в определенной мере став итогом развития католического социального учения в период его понтификата. В этих условиях своевременным было обращение к принципам мирного сосуществования людей достижимого только на базе порядка, созданного Богом, что особо подчеркивается в первой части «Порядок среди людей». Обоснованием многих положений энциклики служит естественное право. Таким образом, призывая к миру «среди всех народов, основанном на истине, справедливости, любви и свободе», папа Иоанн XXIII обратился в ней не только к верующим, но и ко всем людям доброй воли. В этом отношении она действительно явилась, по словам митр. Никодима (Ротова), важным историческим документом, документом эпохи (Ротов, митр. Никодим, 1984, с. 542).

Энциклика исходит из того, что в основание любого общества должен быть положен принцип, который гласит, что каждый человек - это личность, то есть существо, одаренное разумом и свободной волей. Таким образом, человек обладает всеобщими, неприкосновенными и неотчуждаемыми правами и обязанностями, проистекающими из самой его природы. Энциклика опирается на идею естественного права и, считая человека по своей натуре существом социальным, утверждает, что «естественное право управляет не только индивидуальными поступками человека, но и его социальной жизнью, причем на всех ее уровнях» (Майка, 1995, с. 387).

В этой связи в энциклике рассматриваются основные права и обязанности человека и отмечается, что в свете Божественного Откровения достоинство человеческой личности чрезвычайно высоко, поскольку люди искуплены Кровью Господа Иисуса Христа, по благодати стали детьми Божьими и наследниками вечной славы (§§ 9–10). Среди основных прав человека энциклика, в первую очередь, отмечает право на жизнь, на личную неприкосновенность, на средства, требующиеся для достойного существования (включая питание, одежду, жилище, отдых, медицинскую помощь, социальное обеспечение). Также речь идет о праве на уважение человека как личности, на доброе имя, информацию, образование, свободу в поиске истины, в выражении мыслей и в стремлении к творчеству в пределах нравственных норм и общего блага. Особое значение придается праву на свободу совести, на выбор образа жизни, в том числе, на решение стать монахом или создать семью (§§ 11–17). Отдельное место от-

водиться экономическим правам, включая право на труд и проявление инициативы, на приличные условия труда, на оплату труда, достаточную для достойного содержания семьи, на частную собственность. Также в энциклике утверждается право на свободу объединений, возможность передвижения внутри государства и эмиграцию, на участие в общественно-политической жизни.

С другой стороны, естественные права личности связаны с соответствующей обязанностью по отношению к остальным. В общественной жизни естественное право одной личности связано с соответствующей обязанностью по отношению к другим личностям, обязанностью уважать их права. Так как люди по природе социальны, то они должны жить друг с другом и заботиться о взаимных интересах. В этой связи важнейшей задачей является упорядочение законов развития общества и формирование соответствующего порядка взаимоотношений (Голубев, Лукин, 2014), предполагающего возможность осуществления прав человека и исполнение каждым своих обязанностей. Например, мало признавать право человека на средства для существования, необходимо создать условия, чтобы оно могло быть реализовано (§§ 18–32). При этом энциклика говорит о трех основных характеристиках своего времени (и в этом контексте обращается к ряду современных проблем): экономическом, социальном и политическом развитии трудящихся; усиливающейся роли женщин в общественно-политической жизни, укрепляющемся самосознании народов мира (многие из которых освободились от колониальной зависимости и создают независимые государства (§§ 40–42)).

В очередной части энциклики («Отношения между людьми и гражданскими властями внутри отдельных государств») рассмотрены вопросы совершенствования структуры государственного устройства. Поскольку Бог создал людей социальными по природе, особое внимание в энциклике обращается на понимание общественного устройства. Св. ап. Павел учит, что «нет власти не от Бога» (Рим 13:1). Напоминая идеи энциклики папы Льва XIII «Immortale Dei», папа Иоанн XXIII в энциклике «Pacem in Terris», остановился на социальном характере человека и необходимости власти в цивилизованном обществе, существование которой, как и само общество, имеет естественную природу, происходя от Бога (§§ 46–47). В связи с тем, что власть происходит от Бога и обуславливается моральным порядком, то – если законы противоречат моральному порядку и, следовательно, воли Божией – они не могут иметь никакой обязательной силы для совести человека, ибо «должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Деян 5:29). Говоря словами цитируемого в энциклике Фомы Аквинского, человеческий закон является законом, когда происходит от вечного закона, иначе он «скорее акт насилия» (§ 51)». Тот факт, что власть происходит от Бога, не означает отсутствие возможности выбирать тех, кто осуществляет ее в государстве, форму правления, рамки и способ реализации власти. В этой связи папа Иоанн XXIII подчеркивал, что предписания властей должны быть нравственными по содержанию и способными служить общему благу. Природа же общего блага предполагает участие в нем в различных формах всех граждан, соответственно занятиям, заслугам и обязательствам каждого. Таким образом, принцип общего блага (Компендиум социального учения Церкви, 2007, с. 116–119), является существенным элементом, связанным с природой человека, предстает неотъемлемой составной частью католической социальной концепции и, как подчеркивается в энциклике «Mater

et Magistra», предполагает формирование социальных условий, способствующих всестороннему развитию личности.

В этой связи «Pacem in Terris» также ссылается на две известные энциклики папы Римского Пия XI, вышедших одна вслед за другой: «Mit Brennender Sorge» (14.03.1937) и «Divini Redemptoris» (19.03.1937 г.). В этих энцикликах, в частности, утверждается, что действия органов власти, нарушающих права личности, противоречат их предназначению, и, таким образом, не имеют юридической силы. В первой из них указывается на проблемы немецкого национал-социализма и подчеркивается значение естественного права и Богооткровенного закона, а также роль государства и предназначение общества Создателем для полного развития индивидуальных возможностей и совершенствования личности вне зависимости от расы и национальности. А во второй речь уже идет об атеистическом коммунизме, который более явно, чем подобные движения в прошлом, содержит ложную мессианскую идею, а вся его деятельность и деятельность пронизана псевдоидеалами якобы «свободы», «равенства» и «братства».

Опираясь на исторический опыт, в «Pacem in Terris» делается вывод, что неадекватная деятельность органов власти в политической, экономической и культурной сферах обостряет несправедливость между людьми в этих сферах. Так, в энциклике подчеркивается недопустимость ограничения личной инициативы государством при реализации прав и обязанностей граждан (в том числе, в экономической области). При этом энциклика считает невозможным определение единственной верной формы правительства и способов осуществления его функций. В то же время утверждается необходимость разделения власти в обществе на три основные ветви (законодательную, исполнительную и судебную), говорится о том, что форма конкретного правительства и направления его деятельности зависит от конкретного обстоятельства места и времени (§§ 65–68, 75). Таким образом подчеркивается необходимость декларации об основных правах человека, которые должны быть отражены в основном законе (Конституции); конституционного обеспечения деятельности гражданских властей и отношений между гражданами и государством, позволяющих обеспечить гармонию прав и обязанностей граждан (Ротов, митр. Никодим, 1984, с. 573).

В следующей части энциклики «Pacem in Terris» («Отношения между государствами») речь идет о необходимости мирного развития человеческого общества. Рассматривая принцип общего блага в рамках всего человечества и в контексте международных отношений, энциклика подчеркивает необходимость признания и соблюдения на этом уровне нравственного закона, раскрытого Самим Создателем в естественном законе и неизгладимо начертанным Им в сердце человека. В отношениях между государствами, по мнению папы Иоанна XXIII, должен действовать тот же закон, который управляет жизнью и поведением индивидуумов. То есть эти отношения необходимо строить на базе истины, справедливости, любви и свободы (§§ 80, 85). Все люди равны по природному достоинству. Подобно и в международных отношениях, управляемых истиной, все государства равны с точки зрения природного достоинства, ибо государства аналогичны организму, членами которого являются люди. Отношения между государствами должны регулироваться справедливостью. То есть они имеют право на существование, самостоятельное развитие и на средства необходимые для этого, а кроме того они имеют пра-

во на доброе имя и уважение. Аналогично, они сами обязаны соблюдать эти права для остальных. В связи тем, что далеко не всегда политические границы совпадают с этническими, справедливость требует соблюдения прав национальных меньшинств. В целом, по словам блаж. Августина, которые цитирует энциклика, если упразднить справедливость, то государства окажутся скорее бандами разбойников (§§ 89–94).

Принцип солидарности предполагает, что органы власти действуют в целях реализации общего блага государства, которое не может быть отделено от общего блага человечества как единого семейства. Это должно найти отражение в различных видах взаимного сотрудничества в экономической, социальной, политической, образовательной, медицинской и спортивных сферах. Одним из важнейших условий этого является развитие движения товаров, капитала и человеческих ресурсов. В этой связи в «*Pacem in Terris*» особо подчеркивается необходимость мирного сосуществования. Во время как ряду стран необходима экстренная помощь для экономического и социального развития, по словам папы Иоанна XXIII, «больно смотреть на страны», в которых накоплены колоссальные запасы вооружения, производство которого требует огромной затраты человеческой энергии и материальных ресурсов. И при этом народы «живут в постоянном страхе, под угрозой военного огненного урагана, способного разразиться в любое время». Таким образом, насущной задачей является замена основания существующего порядка мирного существования, предполагающая, что настоящий и прочный мир между народами не может опираться на обладание паритетными запасами вооружений, но только на взаимное доверие (§§ 109–113). Так как подлинный мир невозможен без взаимного доверия, то разоружение (под эффективным контролем) недостижимо, пока существует взаимный страх и военная истерия (Ротов, митр. Никодим, 1984, с. 559).

И, наконец, отношения между государствами должны регулироваться принципом свободы. Это означает, что никакая страна не имеет право притеснять другие страны или незаконно вмешательства в их дела. В «*Pacem in Terris*» (§§ 120–125), как и в «*Mater et Magistra*», указывается, что все люди объединены общим происхождением, братством, искуплены Иисусом Христом и призваны сформировать единое христианское содружество. Таким образом, необходимо расширять содействие развивающимся государствам со стороны богатых наций при условии сохранения их свободы и понимания, что именно они сами должны взять на себя основную роль в собственном экономическом и социальном прогрессе.

В четвертой части энциклики «Отношения людей и государств с мировым сообществом» отмечается, что никакое время не в состоянии упразднить единство человечества, состоящего из людей, равных по достоинству. Следовательно, всегда будет существовать императив, происходящий из человеческой природы и предполагающий необходимость стремиться ко всемирному общему благу, то есть благу всего человеческого сообщества. Для достижения этой цели появляется необходимость при согласии всех наций создать властные структуры в мировом масштабе (обладающие адекватными полномочиями), но которые недопустимо навязывать силой. При этом в энциклике осуществляется дальнейшее развитие принципа субсидиарности, включающее распространение его на международные отношения. Это означает, что органы власти мирового сообщества не должны посягать на ограничение власти отдельных го-

сударств, но предназначены для создания в мире условий, при которых структуры управления и граждане каждой нации могли бы более успешно выполнять свои задачи, обязанности и пользоваться своими правами. Для реализации этих целей призваны функционировать и уже созданная Организация Объединенных Наций, и принятая ей Всеобщая декларация прав человека, в преамбуле которой утверждается, что подлинное признание и полное соблюдение всех прав и свобод, изложенных в декларации, являются целью, к которой призваны стремиться все народы. При этом папа Иоанна XXIII выражал надежду, что роль Организации Объединенных Наций будет расти, вплоть до того, что она сможет предоставить эффективную защиту личных прав каждого человека, которые вытекают из его достоинства как человеческой личности, следовательно, всеобща, неприкосновенны и неотъемлемы (§§ 132–145).

В целом, по мнению папы Иоанна XXIII, порядок в человеческом обществе основан на истине, должен осуществляться по справедливости, нуждается в одушевлении и усовершенствовании взаимной любовью людей при соблюдении свободы и, наконец, обязан создавать все более гуманное равновесие в обществе. В данном контексте важнейшее значение энциклика придает необходимости активного участия христиан в различных гражданских институтах и влияния на них изнутри, чтобы наполнить цивилизацию христианскими принципами, о чем в основном и идет речь в пятой части энциклики («Пастырские увещания»). Для этого в настоящее время особо необходима научно-техническая подготовка, но кроме того деятельность христиан должна быть основана на истине, мерой должна быть справедливость, мотивацией – любовь, осуществление – в условиях свободы. Основной же причиной разрыва у христиан между верой и практикой была признана недостаточность знаний о христианском учении и нравственности. Отдельной проблемой стало то, что при высоком уровне научного образования религиозное образование не продвигается выше начальной ступени. Таким образом папа Иоанн XXIII поставил задачу непрерывного обучения, чтобы нравственное совершенствование и утверждение религиозных ценностей осуществлялось одновременно с приобретением научно-технических знаний (§§ 37, 147–153).

Рассматривая энциклику «*Pacem in Terris*» в целом, необходимо отметить две принципиально важных и актуальных идеи папы Иоанна XXIII. Первая состоит в том, что высокий международный авторитет достигается не силой власти, подавлением свободы народов, а «силою взаимною доверия, уважения и согласия». Таким образом, выражается протест против тоталитаризма надгосударственных режимов, подавляющих свободу и независимость народов. Вторая состоит в том, что человек является главным лицом современной истории «ради которого политика должна быть политикой мира, которому должны служить экономика, техника и культура». Особого внимания заслуживают четыре идеи энциклики «*Pacem in Terris*», являющиеся основой фундамента построения мира: истина, справедливость, любовь и свобода, ибо они возведены в Божественном Откровении и служат осуществлению порядка, установленного Богом при творении и сохраняемого Промыслом Божиим. Только при реальном осуществлении этих идей имеет смысл говорить о правах и обязанностях личности, отдельных обществ, национальных и государственных групп и всего человечества. Говоря о важности такого подхода, митр. Никодим (Ротов) приходит к заключению, что «это может быть об-

щехристианской отправной позицией в подходе к этой проблеме», как и заявлял папа Иоанн XXIII, что «по данной ему от Бога власти он считает своим долгом заклинять всех людей, и в особенности правительства, не щадить усилий, чтобы направить развитие событий на путь, согласный с разумом и гуманностью» (Ротов, митр. Никодим, 1984, с. 570–574).

Идеи папы Иоанна XXIII оказались столь актуальным для развития общества, что нашли продолжение в целом ряде последующих документов. О сохранении актуальности подхода папы Иоанна XXIII и до настоящего времени свидетельствует, например, что в своей энциклике «*Caritas in Veritate*» (29.06.2009), в которой рассматриваются вопросы католического социального учения в условиях глобализации и мирового финансово-экономического кризиса, папа Римский Бенедикт XVI трижды обращается к «*Rasem in Terris*» (§§ 7, 57, 67). В частности, в «*Caritas in Veritate*», продолжая линию «*Rasem in Terris*», осуществляется дальнейшее развитие принципа субсидиарности и распространение его на международные отношения. В «*Caritas in Veritate*» продолжен анализ перспектив и методов деятельности надгосударственных всемирных организаций. Утверждается, что существует потребность в мировой политической власти (о которой говорил папа Иоанн XXIII) для управления глобальной экономикой; восстановления национальных экономик, пораженных кризисом; уменьшения угроз углубления кризиса и диспропорций, связанных с ним; обеспечения разоружения и продовольственной безопасности; гарантирования защиты окружающей среды и регулирования миграции. Такая власть должна регулироваться законами, соблюдать принципы субсидиарности и солидарности, стремиться к общему благу, способствовать подлинному интегральному развитию человека, вдохновляемому ценностями любви в истине.

Литература и электронные публикации в Интернете

1. Голубев Константин, Лукин Сергей. (2014). Концепция ордолиберализма и католическое социальное учение: сравнительный анализ. *Oikonomos: Journal of Social Market Economy*, № 1 (1), с. 31–39.

2. Компендиум социального учения Церкви (2007). М.: Libreria Editrice Vaticana.

3. Лемещенко, Петр, Голубев, Константин. (2014). Трудовой характер материальных благ и постсекулярное общество. *Философия хозяйства*, № 1 (91), с. 159–167.

4. Майка, Юзеф (1994). Социальное учение католической церкви. Рим; Люблин.

5. Никодим (Ротов), митр. (1984) Иоанн XXIII, Папа Римский. URL: <http://www.odinblago.ru/ioann23> (дата обращения: 4.07.2017).

6. Benedictus XVI (2009). *Caritas in Veritate*. URL: http://w2.vatican.va/content/benedict-xvi/en/encyclicals/documents/hf_ben-xvi_enc_20090629_caritas-in-veritate.html (дата обращения: 1.07. 2017).

7. John XXIII (1959). *Ad Petri Cathedram*. URL: http://w2.vatican.va/content/john-xxiii/en/encyclicals/documents/hf_j-xxiii_enc_29061959_ad-petri.html (дата обращения: 1.07.2017).

8. John XXIII (1961). Mater et Magistra. URL: http://w2.vatican.va/content/john-xxiii/en/encyclicals/documents/hf_j-xxiii_enc_15051961_mater.html (дата обращения: 2.07.2017).

9. John XXIII (1963). Pacem in Terris. URL: http://w2.vatican.va/content/john-xxiii/en/encyclicals/documents/hf_j-xxiii_enc_11041963_pacem.html (дата обращения: 4.07.2017).

10. Leo XIII (1885). Immortale Dei. URL: http://w2.vatican.va/content/leo-xiii/en/encyclicals/documents/hf_l-xiii_enc_01111885_immortale-dei.html (дата обращения: 1.07.2017).

11. Pius XI. Divini Redemptoris (1937). URL: http://w2.vatican.va/content/pius-xi/en/encyclicals/documents/hf_p-xi_enc_19370319_divini-redemptoris.html (дата обращения: 7.07.2017).

12. Pius XI. Mit brennender Sorge (1937). URL: http://w2.vatican.va/content/pius-xi/en/encyclicals/documents/hf_p-xi_enc_14031937_mit-brennender-sorge.html (дата обращения: 1.07.2017).

K. GOLUBEV

**ON THE VALUE OF THE PRINCIPLES
OF PEACEFUL COEXISTENCE IN
POSITIONING OF CATHOLIC SOCIAL AND
ECONOMIC TEACHING IN THE PERIOD
OF PONTIFICATE OF POPE JOHN XXIII**

Author affiliation. Konstantin Golubev (gki@rambler.ru), Doctor of Economics, professor of the Belarusian State Economic University, Minsk, 2nd Velasipedny lane, 3-29, +375298177247.

Abstract. The encyclicals of Pope John XXIII pay significant attention to the aim of creating peaceful relations between peoples based on the truth, justice, love, and freedom. In hostile relations, disrespect for the truth is clearly evident, for God created people as brothers and gave them land, so that they could labour and cultivate it. The Catholic social teaching suggests that natural law is an integral part of both the private life of man and the public one, and the foundation of any society should be based on the principle that every human is a person endowed with reason and free will. The greatest importance is given to the need for active participation of Christians in various civil institutions and influence on them from within to fill the civilisation with Christian principles.

Keywords: truth, justice, love, freedom, subsidiarity, society, peace, law, duty.

UDC 241.13

Статья поступила в редакцию 01.09.2017 г.

О.В. АВДЕЙ,
Ю.В. ЧАЙКОВСКАЯ

ДОХОДЫ НАСЕЛЕНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В БЕЛАРУСИ

Аннотация. В статье определены условия взаимодействия принципа рыночной свободы с принципом социальной справедливости в национальной экономике Беларуси. Характеристика макроэкономических условий, обуславливающая возможности роста уровня доходов тесно взаимосвязана с параметрами сложившихся экономических институтов. Осознание принципов рыночной экономики во многом определяет возможности экономического роста для национальной экономики Республики Беларусь. Условия экономического роста включают необходимость, как развития сложившихся экономических институтов, так и совершенствования макроэкономических условий.

Ключевые слова: доходы населения, внешнеэкономический потенциал, институты, социальная справедливость, рациональное поведение, патернализм, экономический рост.

УДК 338.1

Ольга Васильевна Авдей (rabotaeconomy@yandex.ru), кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления бизнесом, Государственный институт управления и социальных технологий БГУ, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Обойная, 7. +37517306-00-20

Юлия Валерьевна Чайковская (J1931@yandex.ru), кандидат экономических наук, доцент кафедры логистики, Институт бизнеса и менеджмента технологий БГУ, Республика Беларусь, Минск, ул. Мошковская, 5. + 37517 399-23-93

Рыночная свобода и принципы социальной справедливости обуславливают понятие социальной рыночной экономики. Неизбежными следствиями развития рыночной экономики являются как рост благосостояния, так и перераспределение доходов, и как известно, неравенство в распределении доходов может стать существенным препятствием для устойчивого экономического роста в силу сложившегося понимания социальной справедливости.

Конкурентоспособность национальной экономики является и причиной, и следствием уровня доходов населения и, соответственно, уровня и качества жизни населения. Распределение в системе экономических отношений играет существенную роль, выполняя функции как воспроизводства, так и мотивации.

В современном мире достижение высокого уровня конкурентоспособности национальной экономики возможно только на основе инноваций. В свою очередь, достаточно очевидным является то обстоятельство, что достичь обозначенных целей возможно только за счет высокой кон-

курентоспособности субъектов хозяйствования, а степень свободы предпринимательства обуславливает возможности экономического роста.

За последние восемь лет (2008–2016) мировой ВВП вырос на 30 %. В трех странах (Науру, Эфиопия, Туркменистан) он более чем удвоился. Еще в восьми странах (Китай, Узбекистан, Зимбабве, Катар, Лаос, Афганистан, Индия, Руанда) темпы роста ВВП за 8 лет были таковыми, что удвоение экономик произойдет в ближайшие годы. В Беларуси за этот период ВВП увеличился лишь на 11,5%, или на 1,44% в среднем в год. По этому показателю Беларусь занимает 136-е место в мире из 190 стран (World Economic..., 2017), что выглядит весьма пессимистично – необходимо учитывать серьезное падение экономики в 2015–2016 гг. и отсутствие перспектив к существенному росту в ближайшем будущем.

Замедление темпов реальных доходов населения является характерной особенностью изменения данных доходов в последние несколько лет (табл. 1) (Уровень жизни населения..., 2017).

Таблица 1

Показатели денежных доходов населения Республики Беларусь

Показатель	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Реальные денежные доходы населения, % к предыдущему году	100,8	94,2	92,8
Реальные располагаемые денежные доходы населения, % к предыдущему году	100,9	94,1	92,7

Инфляция, как форма проявления макроэкономической нестабильности, обусловила общее снижение уровня реальных денежных и располагаемых доходов населения. Характеристики структуры денежных доходов населения, представлены в табл. 2 (Основные показатели..., 2017).

Таблица 2

Структура денежных доходов населения Республики Беларусь

Показатель	В % к итогу		
	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Денежные доходы	100	100	100
В том числе:			
оплата труда	62,5	61,7	61,9
доходы от предпринимательской и иной деятельности, приносящей доход	8,5	8,2	8,4
трансферты населению (пенсии и пособия, стипендии и другие трансферты населению)	21,0	22,8	23,9
доходы от собственности и прочие доходы	7,9	7,3	5,8

В структуре денежных доходов населения основным параметром является оплата труда (текущий доход), удельный вес которой является достаточно высоким, как в 2014 г., 2015 г., так и в 2016 г., соответственно – 62,5 %, 61,7 % и 61,9 %. Устойчивая тенденция уменьшения уровня реальной оплаты труда, характерна для национальной экономики в последние три года (табл. 3) (Изменение реальной..., 2017).

Таблица 3

**Показатели реальной заработной платы работников,
% к предыдущему году**

Показатель	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Всего по республике			
В том числе: г. Минск	102,8	101,1	98,9
Минская область	102,2	102,2	95,8
Гродненская область	100,3	96,1	93,4
Брестская область	101,2	95,8	96,1
Гомельская область	99,2	95,2	93,2
Витебская область	100,3	95,9	94,5
Могилевская область	99,2	96,0	94,5

В структуре доходов населения трансферты являются значительным параметром по величине удельного веса. Одними из видов трансфертов населению являются пенсии и адресная социальная помощь. На конец 2016 г. численность пенсионеров, состоящих на учете в органах по труду, занятости и социальной защите составляла 2,619 тыс. человек, при этом средний размер назначенных пенсий составлял 297,0 рублей, а реальный размер назначенных пенсий в процентах к предыдущему году составлял, соответственно в 2015 г. – 94,8 %, в 2016 г. – 95,7 %.

Негативной тенденцией в национальной экономике в последние годы стало уменьшение соотношения среднего размера начисленных пенсий к среднему размеру начисленной заработной платы (табл. 4) (Беларусь в цифрах, 2017, с. 22).

Таблица 4

Показатели пенсионного обеспечения (на конец года)

Показатель	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Всего пенсионеров, тыс. человек	2 560	2 593	2 619
Средний размер назначенных пенсий, тыс. руб.	2 643,5	2 805,7	297,0 руб.
Реальный размер назначенных пенсий, % к предыдущему году	103,1	94,8	95,7
Соотношение среднего размера назначенных пенсий к среднему размеру начисленной заработной платы, %	38,8	37,8	37,1

Объективно существующие проблемы в развитии национальной экономики Республики Беларусь определяют необходимость характеристики макроэкономических условий хозяйствования для развития белорусской экономики.

Структура внешнеторгового баланса для белорусской экономики, соответственно соотношение экспортных и импортных операций, имеет существенное значение. В условиях малой открытой экономики, в кото-

рой отношение внешнеторговых операций к ВВП составляет более 130%, конкурентоспособность национальной экономики и рост доходов населения во многом определяются конкурентоспособностью экспорта как товаров, так и услуг.

Соотношение экспорта и импорта товаров и услуг за последние годы (сальдо внешнеторговых операций) имело разнонаправленную динамику (табл. 5) (Беларусь в цифрах 2017, с. 64).

Таблица 5

**Показатели внешнеторговых операций Республики Беларусь,
млн долл. США**

Показатель	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Товары и услуги	-2 340,9	-488,9	121,2	-27,3
Экспорт	44 046,1	43 302,9	32 797,8	29 791,2
Импорт	46 387,0	43 791,8	32 676,6	29 818,5

Сальдо текущего счета в конечном итоге должно быть сбалансировано другими показателями платежного баланса.

Уровень конкурентоспособности национальной экономики Республики Беларусь является, в том числе и причиной, и следствием темпов экспорта товаров и услуг, величины валового внешнего долга, и, соответственно, величины затрат по его погашению и обслуживанию. Уменьшение роста экспорта и увеличение импорта ограничивают поступления валютной выручки, что является существенным ограничением роста для малой открытой экономики.

Совокупность показателей, абсолютных и относительных, валового внешнего долга Республики Беларусь характеризует как платежеспособность национальной экономики, так и источники формирования сложившегося уровня доходов населения (табл. 6) (Валовой внешний долг..., 2017).

Таблица 6

**Показатели валового внешнего долга Республика Беларусь,
на 1 января 2014–2017 гг., млн долл. США**

Показатель	На 1.01.2014 г.	На 1.01.2015 г.	На 1.01.2016 г.	На 1.01.2017 г.
Валовой внешний долг на душу населения	4 184,7	4 225,4	3 997,7	3 952,4
Валовой внешний долг/ВВП, %	54,4	52,8	67,3	78,6
Валовой внешний долг по всем секторам экономики	39 621,1	40 061,4	38 258,5	37 567,4
Обслуживание валового внешнего долга (платежи по основному долгу и платежи по процентам)	6 167,9	11 057,2	7 908,8	6 309,9

Совершенствование внешнеэкономического потенциала, как источника роста конкурентоспособности национальной экономики, возмож-

но за счет достижения равновесия как в торговле товарами и услугами, так и по отдельным торговым позициям, а также достижения географического равновесия внешней торговли.

Характерной чертой становления рыночной экономики является ее противоречивость и конфликтность, что предопределяет противоречивость и существующей системы экономических ценностей. Данное обстоятельство в полной мере характерно и для сложившейся системы экономических ценностей в Республике Беларусь.

Характеристика факторов экономического роста в исследованиях как белорусских, так и зарубежных авторов включает анализ совокупности экономических институтов. Система экономических институтов, формальных и неформальных, является условием и фактором экономического роста. Институциональные правила в переходной экономике, сложившаяся система экономических ценностей являются существенным ограничением для экономического роста.

Экономическая модель поведения, основанная на рациональном выборе, в условиях белорусских реалий является менее распространенной, чем патерналистская модель поведения. Модель экономической системы в белорусской экономике, сформированная под воздействием субъективного мировосприятия людей, включает, прежде всего, уравнилельные механизмы (Авдей, Чайковская, 2016, с. 63).

Экономические субъекты, и прежде всего, индивиды являются сторонниками коллективистских ценностей и норм поведения, которые обуславливают уравнилельный характер в распределении доходов в белорусской экономике.

Патерналистская модель экономического мышления сформирована как система параметров, включающая такие характеристики как зависимость от государства, консервативное отношение к возможности изменения сложившихся правил экономического поведения. Формальные правила экономического поведения определяют последующие черты экономического поведения, а именно, нетерпимость в отношении экономических субъектов, придерживающихся других правил экономического поведения. Низкая склонность к риску, в свою очередь определяет инертность экономического поведения и неприятие возможных изменений, которые связаны с большой неопределенностью результатов экономического действия. Экономическое поведение индивидов в белорусской экономике во многом определяется стремлением к социальной справедливости, понимаемого как равенство результатов. Коллективизм, как одна из детерминант экономического менталитета определяет мотивы деятельности индивидов (Авдей, Чайковская, 2016, с. 63–66).

Индивидуальное экономическое поведение, основано на сложившейся системе взглядов и представлений. Осуществление рационального выбора предполагает наличие у экономических субъектов вполне определенной модели экономического поведения, которая, в свою очередь, позволит и обусловит возможность и необходимость его осуществления. Понимание рационального выбора экономических агентов основано на желании данных агентов максимизировать свою целевую функцию. В таком случае, экономический рост явился бы следствием стремления экономических субъектов к максимизации, соответственно, личного, коллективного и общественного благосостояния.

Патерналистское восприятие государства, и работодателей формирует существенные препятствия для развития экономических потребностей. Следствием сложившейся системы экономических ценностей становится социальное иждивенчество. Следование традициям формирует маломобильного индивида с невысоким уровнем потребностей. Патерналистская модель экономического поведения обуславливает барьеры для инновационного развития в виде формальных институтов и неформальных правил экономического поведения. Восприятие государства в качестве основного агента для обеспечения ограниченных потребностей, ограничивает возможности экономического роста.

В инновационных экономиках экономический статус индивида, должен определяться такими его характеристиками, как уровень образования, профессия и, соответственно, доход. Данные характеристики обуславливают высокий уровень адаптации индивида к параметрам социально-экономической среды и возможности к реализации инноваций. Представленные параметры являются переменными, образующими модель «средний класс». Очевидна взаимосвязь и взаимообусловленность критериев определения среднего класса, но достаточно важной характеристикой является самоидентификация в качестве представителя среднего класса. Стремление к экономической стабильности и эффективности являются целевыми функциями среднего класса. Совокупность человеческого, экономического и социального капитала, присущая представителям среднего класса, создает условия для эффективности их деятельности.

Белорусский стандарт благосостояния, отвечающий потребительским ориентирам среднего класса должен основываться не на «потребительском минимуме», а на нормативах потребления обуславливающих более широкий спектр возможности развития человеческого потенциала.

Социальная направленность экономической политики, в целях реализации функций защиты и развития, очевидна. Инвестиции в различные отрасли социальной сферы, имеют как инфраструктурный характер, так и определяют условия повышения производительности труда.

Таким образом, система институтов, функционирующих в обществе, формальных и неформальных, а именно правил экономического поведения, в свою очередь определяет конкурентоспособность как субъектов экономики, так и национальной экономики в целом.

Национальная модель экономического поведения является следствием взаимодействия как формальных институтов, так и менталитета, традиций и обычаев. Экономические функции государства в целях обеспечения условий стабильного, справедливого и эффективного развития взаимосвязаны и формирование социально-экономической среды, направленной на развитие формальных и неформальных институтов, обуславливает необходимые условия для обеспечения экономического роста.

Таким образом, в заключение можно отметить, что совокупность макроэкономических характеристик национальной экономики Республики Беларусь, а именно, уровень совокупного внешнего долга, когда по существу внешние кредиты в значительной степени являются основой, наряду с налоговыми доходами государственного бюджета, поддержания уровня доходов населения, обуславливают необходимость корректировки макроэкономической политики, в то время как параметры социального контракта в национальной экономике диктуют необходимость поддержания сложившегося уровня доходов населения.

Литература и электронные публикации в Интернете

1. Авдей, Ольга, Чайковская, Юлия (2016). Формирование экономической культуры в условиях // *Oikonomos: Journal of Social Market*, № 1(4), с. 61–68.
2. Беларусь в цифрах. Статистический справочник (2017) / редкол.: И.В. Медведева [и др.]. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 72 с.
3. Валовой внешний долг Республики Беларусь (2017) URL: <http://www.nbrb.by/statistics/ExternalDebt/> (дата обращения: 24.08.2017).
4. Изменение реальной заработной платы работников по областям и г. Минску. (2017) URL: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/trud/godovye-dannye/izmenenie-realnoi-zarabotnoi-platy-rabotnikov-po-oblastyam-i-g-minsku/> (дата обращения: 22.08.2017).
5. Основные показатели денежных доходов населения. (2017). URL: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/uroven-zhizni-naseleniya/osnovnye-pokazateli-za-period-s-__-pogody_4/osnovnye-pokazateli-dohodov-naseleniya/ (дата обращения: 22.08.2017).
6. Уровень жизни населения (2017). URL: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/uroven-zhizni-naseleniya/graficheskii-material-grafiki-diagrammy_13/struktura-denezhnyh-dohodov-naseleniya/ (дата обращения: 22.08.2017).
7. World Economic and Financial Surveys. (2017) URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2017/02/weodata/index.aspx> (last checked 23 August 2017).

VOLHA AUDZEI,
YULIYA CHAIKOUSKAYA

HOUSEHOLD INCOME AND ECONOMIC GROWTH IN BELARUS

Authors affiliation. Volha Audzei (rabotaeconomy@yandex.ru), PhD, associate professor of the Department of Economics and Business Administration of the State Institute of Management and Social Technologies of the Belarusian State University (Minsk, Belarus); Yuliya Chaikouskaya (j1931@yandex.ru), PhD, associate professor of the Department of Logistics of the State Institute of Management and Social Technologies of the Belarusian State University (Minsk, Belarus).

Abstract. The article defines conditions for the interaction of the principle of market freedom with the principle of social justice in the national economy of Belarus. The characteristic of macroeconomic conditions that determines opportunities for income growth is closely interrelated with the parameters of established economic institutions. Understanding of principles of the market economy largely determines possibilities of economic growth for the national economy of the Republic of Belarus. Economic growth conditions include the need for both the development of established economic institutions and the improvement of macroeconomic conditions.

Keywords: household income, external economic potential, institutions, social justice, rational behaviour, paternalism, economic growth.

UDC 338.1

Статья поступила в редакцию 03.09.2017 г.

МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ТРАНСФЕРТОВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Аннотация. Целью данной статьи является анализ и выработка на его основе предложений, по определению наиболее реальных источников финансирования инвестиционных потребностей муниципальных образований, а также целесообразность их использования. При этом будут рассмотрены способы удовлетворения инвестиционных потребностей, меры содействия, которые оказывают бюджеты других уровней муниципальному бюджету, проведен анализ и определены варианты поиска наиболее оптимального источника финансирования инвестиционных потребностей, способы его совершенствования.

Ключевые слова: финансы, управление муниципальными финансами, межбюджетные трансферты.

УДК 338.43

Благих Иван Алексеевич (ivan-blagikh@yandex.ru), профессор кафедры истории экономики и экономической мысли экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. 199 034, Санкт-Петербург, Университетская наб.7/9, +7 (921)5512182,

Введение

Согласно Конституции РФ (ст. 7) Российская Федерация является социальным государством. Под социальным государством принято понимать государство, главной задачей которого является достижение такого общественного прогресса, который основывается на закрепленных правом принципах социального равенства, всеобщей солидарности и взаимной ответственности. Социальное государство призвано помогать слабым, стремиться влиять на распределение экономических благ в духе справедливости в целях обеспечения каждому достойного существования. В арсенале государства имеется ограниченное число механизмов для выполнения социальных функций. Это, прежде всего, денежные субсидии, льготы и преференции.

Монетизация льгот, проводимая под руководством бывшего министра финансов РФ А.Л. Кудрина привела к повышенной нагрузке на федеральный и региональные бюджеты. Компенсировать ее можно было лишь усилением налоговых изъятий. Со временем инфляция «съела» значительную часть тех благ, которые ранее предоставлялись нуждающимся в денежной форме. Кроме того, адресное предоставление социальной помощи, «уводит» Россию в сторону от конституционных деклараций, поскольку делает ее не социальным, а субсидиарным государством.

Указанные процессы происходят не только на федеральном, но и на региональном уровнях. В результате реформ в сфере межбюджетных от-

ношений, проведенных в последнее десятилетие, произошло разграничение доходных источников и расходных полномочий между уровнями бюджетной системы. От того, как используются региональные и муниципальные финансы, стала зависеть устойчивость системы государственных финансов в целом и, соответственно, исполнение социальных обязательств.

В законодательстве РФ представлен спектр документов, регулирующих деятельность муниципальных образований и определяющих круг их полномочий. Но, как показывает практика, муниципальные образования во многом зависят от субъектов РФ и в большинстве своем не используют предоставленные им возможности привлечения инвестиций.

В современный период межбюджетные трансферты из бюджетов субъектов Российской Федерации предоставляются в форме:

- дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности муниципальных районов (городских округов) и поселений;
- субсидий местным бюджетам;
- субвенций местным бюджетам и бюджетам автономных округов;
- иных межбюджетных трансфертов (Бюджетный кодекс Российской Федерации ст. 135, гл. 16).

Дотации местному бюджету предоставляются в качестве межбюджетных трансфертов, на безвозмездной и безвозвратной основе без установления направлений и (или) условий их использования.

Для повышения эффективности использования межбюджетных трансфертов необходимо, во-первых, использовать стратегический подход к их распределению. Такой подход предполагает определение целей предоставления трансфертов муниципальным образованиям региона с учетом его индивидуальных особенностей. Достижение поставленных целей должно контролироваться с использованием целевых показателей, а процесс реализации стратегического управления распределением межбюджетных трансфертов предполагает совершенствование соответствующих методик (Благих, 2015).

Значимость стратегии развития межбюджетных трансфертов в общей бюджетной стратегии региона обусловлена тем, что межбюджетные трансферты позволяет региональным властям воздействовать на финансовую ситуацию в отдельных муниципальных образованиях, выравнивать их бюджетную обеспеченность, стимулировать развитие территорий, повышать общий уровень доходов консолидированного бюджета региона (Артамонова, 2012, Гаркавенко, 2014). Также следует учитывать значительную роль финансовой помощи из вышестоящих бюджетов для муниципальных образований. Стратегическое управление распределением межбюджетных трансфертов позволит повысить качество финансового планирования на муниципальном уровне (Киселев, 2013).

Для реализации стратегического подхода к управлению межбюджетными трансфертами в регионе необходимо проанализировать текущую финансово-экономическую ситуацию, определить основные цели развития системы межбюджетных трансфертов и механизмы достижения этих целей. Эти механизмы предполагают выделение факторов, влияющих на состояние межбюджетных отношений в регионе, выбор показателей оценки эффективности предоставления межбюджетных трансфертов, формирование методик распределения межбюджетных трансфертов различных видов, учитывающих цели, на достижение которых ориентиро-

ван данный вид трансфертов. Необходимо создание системы мониторинга результатов и степени достижения поставленных целей (Благих, 2010).

Политика в сфере межбюджетных отношений должна быть организована региональными властями таким образом, чтобы стимулировать увеличение бюджетных доходов муниципальных образований, причем оно должно происходить за счет налоговых и неналоговых доходов, а не за счет помощи вышестоящих бюджетов (Коссов, 2014).

I. Общие принципы функционирования системы межбюджетных трансфертов муниципальных образований

В рамках реализации Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» за субъектами Федерации закреплено право передавать муниципалитетам в счет финансовой помощи дифференцированные нормативы отчислений от налога на доходы физических лиц (Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации, 2013, № 131-ФЗ, ст. 56). Нельзя не отметить, что передача дополнительных нормативов отчислений от федеральных и региональных налогов способствовала наполнению доходной части местных бюджетов (Благих, 2015).

Сторонники передачи дополнительных нормативов отчислений отмечают, что, согласно бюджетному законодательству, средства, полученные муниципальным районом (городским округом) по дополнительным нормативам отчислений от налогов (сверх объема расчетной дотации из регионального фонда финансовой поддержки), не подлежат изъятию в бюджет субъекта Российской Федерации или учету при последующем распределении финансовой помощи местным бюджетам. Поэтому передача доходных источников позволит не только сократить дотационность местных бюджетов и преодолеть иждивенческий характер функционирования бюджетов муниципальных образований, но и стимулировать местные органы власти к созданию условий по наращиванию доходного потенциала и социально-экономическому развитию территорий городов и районов области, обеспечить стабильность и устойчивость доходной базы местных бюджетов (Бюллетень «Формирование местного самоуправления в Российской Федерации»).

Выдвигаются предложения по продлению срока передачи по дополнительным нормативам отчислений от налога на доходы физических лиц и распространению данной нормы и на другие налоги. Также говорится о принятии положения о возможности использовать в субъектах Федерации в качестве регулирующих не только налог на доходы физических лиц, но и другие федеральные и региональные налоги и целесообразном их закреплении, поскольку действующий межбюджетный механизм не позволяет обеспечить сбалансированность местных бюджетов (Гаркавенко, Булах, Благих, 2014).

В связи с этим предлагается закрепить в Бюджетном кодексе на постоянной основе право субъектов Федерации устанавливать единые нормативы по типам муниципальных образований, сохранить право устанавливать дополнительные дифференцированные нормативы налогов (Глазков, 2007).

Вместе с тем все чаще высказывается мнение о нецелесообразности повышения закрепленной на постоянной основе за бюджетами муниципальных образований доли налога на доходы физических лиц, налогов на совокупный доход и т. д. Обосновывается это возможным увеличением дифференциации в уровне бюджетной обеспеченности муниципальных образований и необходимостью увеличения объема финансовых средств на ее выравнивание в данном регионе. Это касается прежде всего регионов, где небольшое число муниципальных образований с уровнем бюджетной обеспеченности, значительно превышающим средний показатель (Государственные и муниципальные финансы, 2008).

Дополнительное закрепление части федеральных и региональных налогов и сборов за местными бюджетами в отдельных субъектах Российской Федерации может привести к ситуации, когда основная их доля поступит в бюджеты более обеспеченных муниципальных образований (как правило, городских округов). В результате резко увеличится разрыв в уровне бюджетной обеспеченности муниципальных образований внутри субъекта Федерации. Дело в том, что налоговая база распределена между муниципальными образованиями неравномерно и при закреплении единых нормативов увеличивается разрыв в бюджетной обеспеченности муниципалитетов, то есть доходы перераспределяются в пользу более обеспеченных.

В первую очередь это отразится на бюджетах поселенческого уровня, которые даже при зачислении в их бюджеты 100 % собираемых на их территории налоговых доходов останутся высоко дотационными. Здесь низкая налоговая база практически не имеет перспектив значительного роста. В настоящее время таких поселений насчитывается более 10,7 тыс.

При передаче муниципальным образованиям дополнительных нормативов отчислений от налога на доходы физических лиц пропорции распределения налоговых поступлений между бюджетами городских округов, муниципальных районов и поселений оценочно будут 60:36:4, по транспортному налогу – 78:21:1, налогу на имущество организаций – 63:36:1 (Коновалова, 2016). Усиление диспропорций произойдет и в случае передачи местным бюджетам части нормативов отчислений от федеральных налогов, поскольку будут накладываться проблемы «вертикального выравнивания» налоговых доходов между федеральным бюджетом и региональными бюджетами.

Таким образом, бюджетная обеспеченность большинства бюджетов поселенческого уровня практически не изменится.

Постоянное перераспределение бюджетных доходов путем дифференциации нормативов отчислений от любых налогов и сборов в определенной мере означает восстановление системы «регулирующих доходов» и смещение доходов местных бюджетов, что может привести к снижению прозрачности и объективности выравнивания.

При этом проявляются все ранее известные негативы регулирующих налогов: высокая зависимость от политических решений региональных властей, использование доходов из этих источников только на текущее потребление в силу неясности перспектив их поступлений в будущих периодах (Коновалова, Ковригина, 2016).

Исследователи российской системы межбюджетных отношений отмечают, что намерение увеличения выравнивающих свойств налоговой системы является сложно реализуемым. Применение механизма закрепления единых и дополнительных нормативов имеет определенные огра-

ничения, поскольку в связи с неравномерностью размещения налоговой базы по территории регионов его использование может привести к существенному увеличению разрыва в уровне бюджетной обеспеченности муниципальных образований при одновременном уменьшении финансовых возможностей субъекта Российской Федерации по выравниванию менее обеспеченных из них (Мещеряков, 2009).

В то же время закрепление дополнительных нормативов является реальным инструментом усиления заинтересованности муниципалитетов в расширении налогооблагаемой базы, поскольку дополнительно полученные доходы от конкретных видов налогов и сборов сверх расчетных нормативов остаются в местных бюджетах и не учитываются в распределении трансфертов на следующий год.

II. Обеспечение финансовой самостоятельности местных бюджетов

Для обеспечения финансовой самостоятельности местных бюджетов необходимо рассмотреть возможность внесения изменений в БК РФ в части установления единых нормативов отчислений по налогам отдельно для городских округов, отдельно для муниципальных районов и отдельно для поселений, входящих в состав муниципальных районов, что позволило бы более активно использовать данную технологию межбюджетного регулирования и передавать местным бюджетам больший объем средств по единым (бессрочным) нормативам отчислений (Левина, 2016).

В рамках действующей редакции Бюджетного кодекса (ст. 137 и ст. 138) замена дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности муниципальных образований из региональных фондов финансовой поддержки предусмотрена лишь в отношении налога на доходы физических лиц с возможностью установления дифференцированных нормативов (Бюджетный кодекс Российской Федерации, 1998, гл. 12).

Так, субъектам Российской Федерации предоставлено право заменять, по согласованию с муниципальными образованиями, дотации из региональных фондов финансовой поддержки поселений и муниципальных районов (городских округов) дополнительными (дифференцированными) нормативами отчислений не только от налога на доходы физических лиц, но и от любых других федеральных, региональных налогов и сборов.

В отличие от предоставления дотаций, дифференцированные нормативы, устанавливаемые на формализованной основе в счет замены финансовой помощи, позволяют учитывать особенности каждого типа муниципальных образований и налогового потенциала их территорий, обеспечивая горизонтальное и вертикальное выравнивание с одновременным препятствованием возникновению иждивенческих настроений. Исполнение данного механизма позволит ограничить объемы перераспределяемых средств через бюджеты других уровней, активизировать деятельность местных властей по наращиванию налогового потенциала территорий (Мещеряков, Жигалов, 2007).

Статьей 138 БК РФ предусмотрена возможность замены дополнительными нормативами только той части дотации муниципальным районам и городским округам, которая определяется исходя из численности населения. Но в этом случае не учитывается фактическая бюджетная обеспеченность конкретного муниципального образования.

Поэтому было бы целесообразным предоставить право субъектам Российской Федерации замещать любые дотации местным бюджетам (независимо от способа их распределения) нормативами отчислений от налога на доходы физических лиц в счет их региональной доли (Петросянц, Дохолян, 2008). Инвестиции для муниципальных образований являются инструментом, с помощью которого происходит удовлетворение инвестиционных потребностей. Инвестиционные потребности можно охарактеризовать как потребности в капитальных вложениях, на определенные цели в различные объекты и на определенный срок капитала во всех его формах, инвестор при этом стремится к достижению своих индивидуальных целей.

Можно выделить следующие источники финансирования инвестиционных потребностей муниципального образования: средства муниципального бюджета и/или средства вышестоящих бюджетов; прямые инвестиции и разные формы частно-муниципального сотрудничества; а также заемные средства.

Банковские кредиты и облигационные займы, несомненно, имеют свои преимущества, однако, они слишком дороги для основной части муниципальных образований. Рынок муниципальных облигаций в России еще не развит, поэтому использовать их в качестве источника финансирования инвестиционных потребностей решаются только единицы муниципалитетов.

Партнерство бизнеса и муниципального образования, особенно для финансирования крупных инвестиционных проектов в сфере инфраструктуры, позволяет диверсифицировать риски и привлечь для финансирования проекта крупные ресурсы. Однако российское гражданское, бюджетное и антимонопольное законодательство устанавливает серьезные ограничения для участия органов публичной власти в гражданских правоотношениях (Пенюгалова, Мамий, 2008).

Таким образом, можно сделать следующее заключение. Для социальной рыночной экономики модернизации системы межбюджетных трансфертов муниципальных образований представляется особенно важной. Муниципалитеты крайне заинтересованы в привлечении на свою территорию прямых инвестиций и, как правило, предпринимают для этого значительные усилия. Для предпринимателей, инвестирующих средства в муниципальные образования, более важными, нежели предоставляемые конкретные льготы, являются эффективно функционирующая институциональная среда и стабильная налоговая политика, в решающей мере определяющие надежность вложений.

В этой связи очень важна нацеленность властей муниципального образования на преодоление имеющихся институциональных препятствий, что выражается в существовании политики привлечения инвестиций. Эта политика должна отражать позиции властей по основным аспектам инвестиционной деятельности.

Для повышения бюджетной обеспеченности и фискальной автономии муниципальных образований следует увеличить в местных бюджетах долю доходов, получаемых из стабильных и предсказуемых источников. Эту задачу можно решить путем передачи в местные бюджеты на постоянной основе части доходов от федеральных налогов. Также необходимо рассмотреть возможность внесения изменений в БК РФ в части установления единых нормативов отчислений по налогам отдельно для городских округов, отдельно для муниципальных районов и отдельно для

поселений, входящих в состав муниципальных районов, что позволило бы более активно использовать данную технологию межбюджетного регулирования и передавать местным бюджетам больший объем средств по единым (бессрочным) нормативам отчислений.

Литература и электронные публикации Интернет

1. Артамонова, Ольга и Сафуанов Рафаэль (2012). Неналоговые доходы муниципальных образований: поиски решений. Финансы и кредит, № 14, с. 41–45.
2. Благих, Иван (2015). Ипотечное кредитование в Российской Федерации. Проблемы современной экономики, № 3, с. 227–231.
3. Благих, Иван (2015). Новый подход к исследованию инфляции. Экономист, № 9, с. 94–96.
4. Благих, Иван (2014). Неоиндустриализация: следует ли ожидать перехода от теоретических дебатов к практическому действию? Проблемы современной экономики, № 2 (50), с. 392–393.
5. Благих, Иван (2015). Механизм кризиса в российской экономике и антикризисные действия правительства. Проблемы современной экономики, № 3 (55), с. 31–35.
6. Благих, Иван (2009). Петербургско – ленинградская историко-экономическая школа. Экономист, № 6, с. 81–93.
7. Бюджетный кодекс Российской Федерации (№145-ФЗ) (1998). Москва, Гл. 16, ст. 135.
8. Бюллетень «Формирование местного самоуправления в Российской Федерации» (2017). URL: http://www.gks.ru/wps/PA_1_0_S5/Documents/jsp/Detail_default.jsp?1112178611292&elementId=1244553308453 (дата обращения: 22.08.2017).
9. Гаркавенко, И., Булах, Е., Благих, И. (2012). О взаимосвязи экономического анализа с историей и эволюцией. Проблемы современной экономики, № 2 (50), с. 356–359.
10. Глазков, Сергей (2009). Рынок субфедеральных и муниципальных облигаций РФ: Время перемен. Рынок ценных бумаг, № 13, с. 59–68.
11. Государственные и муниципальные финансы / Под ред. Г.Б. Поляка (2008). М.: ЮНИТИ-ДАНА, 305с.
12. Киселев, Игорь (2013). Передача дополнительных и дифференцированных налоговых нормативов муниципалитетам и укрепление их финансовой самостоятельности. Федерализм, № 1, с. 217–222.
13. Коновалова, Татьяна, Ковригина Наталья. Вопросы формирования собственных доходов местных бюджетов. Региональная экономика: теория и практика, № 11, с. 114–117.
14. Коссов, Владимир (2014). Потребность субъектов Российской Федерации в привлечении инвестиций. Аналитический вестник Совета Федерации, № 1, с. 52–66.
15. Левина, Вера (2016). Стратегическое управление межбюджетными трансфертами на региональном уровне. Региональная экономика: теория и практика, № 17, с. 61–67.
16. Мещеряков, Илья и Жигалов, Д. (2007). Источники финансирования инвестиционных потребностей муниципальных образований и факторы их кредитоспособности. Рынок ценных бумаг, № 1, с. 59–62.

17. Мещеряков, Илья. (2009). Структура муниципального долга: кредитная политика или кредитное поведение? Рынок ценных бумаг, № 16, с. 76–78.

18. Никитенко, Сергей, Патракова Людмила, Гоосен Евгения (2016). Реализация совместных инновационных проектов бизнеса и местной власти как фактор устойчивого экономического развития муниципального образования. Региональная экономика: теория и практика, № 24, с. 17–25.

19. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации (№131-ФЗ) (20125), Москва, Ст. 305.

20. Пенюгалова. А., Мамий Е. (2012). Муниципальное заимствование как фактор экономического развития территориальных образований. Финансы и кредит, 45, с. 16–18.

21. Петросянц, Виктор и Дохолян, Сергей (2008). Формы и методы реализации инвестиционных процессов в депрессивном регионе. Региональная экономика: теория и практика, № 26, с. 36–43.

IVAN BLAGIKH

MODERNIZATION OF THE SISTEM OF INTERGOVERNMENTAL TRANSFERS MUNICIPALITIES

Author affiliation. Ivan Blagikh (ivan-blagikh@yandex.ru) Dr., Professor.
St. Petersburg State University

Abstract: The purpose of this article is to analyze and to develop on the basis of proposals on determination of the most real sources of financing the investment needs of municipalities, and the feasibility of their use. This will address the ways of meeting investment needs, promotion measures, which have the other budgets of the municipal budget, analyzes and identifies options to find the most optimal source of financing for investment needs, the ways of its improvement.

Keywords: import substitution, food security, self-sufficiency, import substitution program, agro-industrial complex.

UDC 336.027

Статья поступила в редакцию 10.09.2017 г.

К.В. ШЕСТАКОВА

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ К ПОНИМАНИЮ РОЛИ И МЕСТА ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье приводятся концепции, различным образом интерпретирующие необходимость и причины вмешательства государства в экономическую систему и промышленный сектор страны. Приводятся аргументы «за» и «против» проведения промышленной политики. Указывается место промышленной политики в системе макроэкономической политики страны. Делается вывод о целесообразности применения промышленной политики в качестве инструмента государственного управления.

Ключевые слова: промышленная политика, промышленный сектор, неолиберализм, социальная рыночная экономика, макроэкономическая политика.

УДК 338.23

Шестакова Кристина Владиславовна (shestakova.ch@gmail.com), магистр экономических наук, старший преподаватель кафедры международного менеджмента экономического факультета БГУ, г. Минск, ул. К. Маркса 31-118. +375173276007

Система рыночного регулирования всё чаще поддается критике, что порождает вопрос о необходимости реализации продуманного, независимого от рыночных механизмов вмешательства со стороны государства. Проблема оптимального сочетания государственного регулирования и саморегулирования рынка были предметом изучения многих ученых, в частности, Леонида Абалкина, Сергея Глазьева, Василия Кириченко, Василия Леонтьева, Джона Гэлбрейта, Джона Кейнса, Джозефа Стиглицца, Элвина Тоффлера и др. Вопросы места и роли промышленной политики в системе государственного регулирования рассматривались в работах Александра Татаркина, Ольги Романовой, Виктора Полтеровича, Владимира Тарана, Ирины Михайловой-Станюты, Дэна Родрика, Валерия Байнева и др.

Дискуссия о содержании и необходимости промышленной политики активно ведется учеными и практиками, что породило существование ряда концептуальных подходов видения роли государственного вмешательства в промышленный сектор. Существует множество противоречивых мнений: от полного отрицания (Нобелевский лауреат в области экономики Гэри Беккер «лучшая промышленная политика – полное отсутствие таковой» (Баранов, 2013, с. 14)), до признания необходимости и эффективности активного вмешательства государства в промышленность. Вопрос обоснования необходимости осуществления промышленной политики и ее содержания обсуждается как научным со-

обществом, так и в политических кругах и требует теоретического обоснования и осмысления. В статье показаны подходы к интерпретации необходимости и причин вмешательства государства в экономику и промышленный сектор в частности, а также место промышленной политики в системе государственного регулирования.

В экономической науке сформировались три подхода к обоснованию места и роли промышленной политики в системе государственного управления.

«Против» осуществления промышленной политики выступают приверженцы либерально-монетаристской модели экономической системы (Фридрих Хайек (1992), Милтон Фридман (1953), Ховард Пак (2003, 2006), Маркус Ноланд (2003), Камаль Сагги (2006)). В частности, принцип отказа от вмешательства правительства в процессы развития и функционирования экономической системы был провозглашен в рамках Вашингтонского консенсуса. Согласно данному подходу с помощью «невидимой руки рынка» экономика способна к эффективному саморегулированию. Экономическая роль государства минимизируется во всех сферах. Промышленная политика в ее активном проявлении в виде бюджетной поддержки предприятий, защиты внутреннего производителя отрицается. Ф. Хайек писал: «Правительственные планирующие органы не могут обладать всем знанием необходимым для эффективного распределения ресурсов. Только рынок и система цен могут эффективно перерабатывать необходимый огромный массив информации» (Хайек, 1992). Государство делает акцент на институциональных преобразованиях и формировании рыночных институтов. Данный подход исходит из предположения, что акторы имеют равные возможности и доступ к информации и технологиям. Тем самым они самостоятельно способны выбирать оптимальный для них способ производства исходя из наличия факторов производства и цены на них. Любые вмешательства государства в производственную систему приводят к нарушению распределения ресурсов, и как следствие неэффективности промышленного сектора. Для восстановления эффективности достаточно отказаться от прямого вмешательства государства в экономическую систему.

При данной экономической модели главную роль играет естественный отбор: неэффективные предприятия гибнут, выживают наиболее конкурентоспособные. Тем самым происходят структурные сдвиги в экономике, повышается ее конкурентоспособность и обеспечивается экономический рост. Противники промышленной политики утверждают, что угроз провалов рынка недостаточно, чтобы оправдать вмешательство государства, коим и является промышленная политика.

Международные организации (ВТО, МВФ, МБРР) рассматривают промышленную политику как неправомерное вмешательство государства в экономику, искажающее действие рыночных механизмов и препятствующее оптимальному распределению ресурсов. Согласно этой концепции, государство не в состоянии установить истинные точки роста, поэтому любые его приоритеты в терминах секторов и отраслей будут вести к снижению общей экономической эффективности (Барковская, 2006, с. 72).

В качестве аргументов «против» промышленной политики в экономической литературе приводятся следующие:

- государство не владеет достаточной информацией для выбора отраслей промышленности в целях их поддержки, поскольку отрасли мо-

гут иметь скрытые преимущества. Промышленная политика может приводить к структурным дисбалансам;

- поддержка отдельных отраслей создает неравные условия хозяйствования для остальных субъектов экономической системы;
- промышленная политика ведет к «административной ренте» и коррупции (Анна Круегер (Kueger), 1982);
- низкая эффективность государственных инвестиций;
- очень мало практических свидетельств эффективности промышленной политики.

В целом, противники промышленной политики утверждают, что проблемы от неэффективного вмешательства государства в промышленность могут быть значительно опаснее сбоев рыночного механизма.

Существует точка зрения, что либерально-монетаристская модель эффективна для экономик, не имеющих развитой промышленности, а государство со сложным промышленным комплексом должно осторожно применять ее инструменты (Кириченко, 1999, с. 28).

Противопоставляется либерально-монетаристской модели дирижистская модель экономической системы – одна из основных моделей государственного регулирования экономики в современной экономической науке, берущая начало в учениях немецкой исторической школы и кейнсианской концепции управления экономической системы. В рамках данной модели отвергается тезис о возможности эффективного саморегулирования экономической системы ввиду невозможности системы адекватно реагировать на рыночные сигналы. Поэтому государственное регулирование промышленности должно осуществляться с активным использованием прямых и косвенных методов государственной поддержки. Промышленная политика в рамках данной модели объективно необходима и должна осуществляться с широким использованием прямых и косвенных методов государственной поддержки промышленности, включая протекционистские меры защиты отечественных производителей.

Фридрих Лист, представитель немецкой исторической школы, утверждал, что неразвитость промышленности опасна и губительна для национальной экономики, поскольку отсутствие развитой промышленности ведет «к национальной слабости: материальной, умственной и политической». По мнению Ф. Листа, более высокое состояние экономического развития не может совершиться само по себе посредством свободы обмена. Лист противопоставил идею «воспитательного протекционизма» таможенной защиты молодых отраслей национальной промышленности, пока они не достигнут уровня международной конкурентоспособности. В противовес учению о разделении труда и принципу сравнительных преимуществ Ф. Лист предложил концепцию национальной ассоциации производительных сил, подчеркивая приоритет внутреннего рынка над внешним. Успешно развивающееся государство должно развить в первую очередь собственную промышленность, используя продуманную протекционистскую политику, а затем атаковать экспортные рынки. (Стадвелл, 2017, с. 27). Александр Гамильтон, министр финансов США, несмотря на пропагандируемые им идеи «невмешательства государства в экономику», придерживался мнения о необходимости защиты и поддержки «младенческих отраслей промышленности» (*infant industries*) и является автором данного понятия. В современной экономической на-

уже необходимость промышленной политики отмечается в трудах Д. Родрика, Е. Примакова, С. Глазьева.

Джозеф Стиглиц и Джастин Ифу Лин в сборнике «Революция промышленной политики: роль правительства за пределами идеологии» указывают, что уже «есть общее понимание, что успешные экономики всегда полагаются на политику правительства. Слепая вера в магические добродетели рыночных сил, где рациональные агенты естественно создают оптимальные условия для устойчивого экономического роста, опровергнута глобальной рецессией и необходимостью введения со стороны правительств быстрых мер реагирования для преодоления кризиса. Однако еще должны быть определены конкретные политические рычаги и институциональные рамки для генерирования оптимальных результатов промышленной политики в разных контекстах» (Stiglitz and Lin, 2013, с. 17).

Д. Родрик в работе «Normalizing Industrial Policy» высказывает идею «эффективного государства», которое, чтобы устранить провалы рынка, должно вмешиваться не только в сферу образования и здравоохранения, но и промышленности (Rodrik, 2007, с. 24).

Среди мотивирующих факторов к проведению промышленной политики можно выделить следующие:

- Рыночные механизмы эффективно снимают структурные дисбалансы только при относительно небольших отклонениях от оптимума. Для ликвидации значительных дисбалансов следует использовать вне-рыночные меры.

- Необходимость минимизации экономических шоков.

- Временные горизонты принятия рыночными субъектами «короче» чем необходимо для принятия оптимальных решений.

- «Новые сектора» экономики в период развития и становления могут оказаться неконкурентоспособными из-за неблагоприятных стартовых условий.

- Производственный сектор является особенным, там развиваются технологические знания, приносящие внешние эффекты другим отраслям (внешние экстерналии).

- Снижение «издержек обучения», возникающих при внедрении сложных технологий в производство.

- Промышленная политика способствует переходу к прогрессивным структурно-технологическим и организационным формам хозяйствования и модернизации национальной экономики.

Р. Хаусман и Д. Родрик в качестве аргументов к обоснованию необходимости проведения промышленной политики выделяют три типа провалов рынка, нуждающихся в регулировании с ее помощью: координационные экстерналии (связанные с необходимостью значительных инвестиций для развития новых видов деятельности), информационные экстерналии (новые производства не всегда оцениваются инвесторами в полной мере) и экстерналии, связанные с обучением рабочей силы (недоинвестирование в программы повышения квалификации приводит к ограничению возможных технологических претергов) (Hausmann & Rodrick, 2007, с. 37). Дж.Ю. Стиглиц выделяет шесть основных мотивов такого вмешательства государства, направленного на поддержание эффективности рынка по Парето: обеспечение конкурентной среды, производство общественных товаров, уменьшение негативных побочных

эффектов от деятельности экономических субъектов, существование неполных рынков, несовершенство информации, сдерживание безработицы и инфляции (Стиглиц, 1997, с. 43).

С точки зрения Майкла Портера неверными являются обе точки зрения, указанных выше. По мнению ученого: «Многие усматривают в правительстве очень важного помощника или элемент поддержки конкретной отрасли, вовлекающий политику для поддержания конкурентоспособности стратегических или основных отраслей. Адекватная роль правительства состоит в том, чтобы оно выступало в роли катализатора и искателя нового; оно должно вдохновлять – или даже подталкивать – компании к повышению своих стремлений и движению к более высоким уровням конкуренции, даже несмотря на то, что этот процесс может оказываться весьма неприятным и сложным (Портер, 1993, с. 203).

Компромиссным подходом между крайними точками зрения является концепция «социального рыночного хозяйства», методологические основы которой были созданы ордолиберальной «теорией порядка» (В. Ойкен, Ф. Бем, В. Репке, А. Рюстов, Л. Микш, А. Мюллер-Армак). Концепция социального рыночного хозяйства представляет собой синтез идей эффективной рыночной экономики на основе доминирования частной собственности, экономической свободы с элементами государственного регулирования и философии социальной ответственности. Задачей, решаемой в рамках данного подхода, является определение разумных границ и эффективных методов государственного вмешательства в экономику, с одной стороны, и активная защита свободной рыночной экономики от чрезмерного вмешательства государства, с другой.

В рамках теории социального рыночного хозяйства представляется допустимым вмешательство государства в экономическую систему, однако такое вмешательство ограничено «экономическим порядком».

Необходимостью регулирования хозяйственных процессов в индустриальной экономике подчеркивал в свое время основоположник ордолиберального направления В. Ойкен. В. Ойкен разработал теоретическое обоснование для проведения активной экономической политики, рассматривая ее в качестве важнейшего фактора построения социально-ориентированной рыночной экономики. Поскольку в индустриализированной экономике постоянно возникают неизбежные нарушения равновесия, порождаемые различными явлениями, например, техническими нововведениями, возникает необходимость приближения экономических процессов к новому состоянию равновесия, путем устранения данных нарушений. С этой задачей призвана справляться система регулирования, «...которая встроена в экономический порядок индустриализированного хозяйства». Обосновывая принципы вмешательства государства в экономическую систему, В.Ойкен утверждал: «политико-экономическая деятельность государства должна быть направлена на создание форм экономического строя, а не на регулирование экономического процесса» (Ойкен, 1995).

Содержание промышленной политики в концепции социального рыночного хозяйства отвергает поддержку отдельных отраслей, категорически возражая против экономического эгоизма, доминирования чьих-то узких интересов. Промышленная политика носит горизонтальный характер и сводится к установлению единых для всех субъектов экономической деятельности «правил игры» и контролю над тем, чтобы все

эти правила соблюдали. Целью осуществления промышленной политики является повышение уровня и качества жизни населения, поскольку производительность факторов производства определяет способность экономической системы обеспечивать достижения и поддержания социальных стандартов. Поэтому промышленная политика должна реализовываться как путем оптимального подбора производственных факторов и имеющихся ресурсов на микроуровне, так и за счет создания условий для расширения эффективного спроса на макроуровне. Кроме того, должны выдерживаться определенные пропорции между частной и государственной собственностью, прямыми и косвенными формами вмешательства в функционирование промышленного сектора. В конечном итоге речь идет о создании **институциональной рыночной среды функционирования промышленного сектора**, в которой бы отражались интересы государства и бизнеса с учетом общепромышленных интересов. Роль государства в экономической системе в соответствии с данной концепцией сравнивается с обязанностями судьи (арбитра) на футбольном поле, который строго наблюдает за действиями футбольных команд в соответствии с определенными правилами, но не имеет права непосредственно участвовать в игре.

Промышленная политика в рамках теории социального рыночного хозяйства направлена на развитие промышленности и повышения ее эффективности исходя из социально-экономических интересов страны.

Таким образом, промышленная политика является стабилизационной формой и методом воздействия на национальный промышленный комплекс. Экономическое содержание промышленной политики заключается в отказе от пассивного приспособления к рынку и переходе к политике активного на него воздействия. При этом она не предусматривает ликвидацию рынка и его законов, вмешательства в текущую производственно-хозяйственную деятельность частных организаций.

Промышленная политика для любой экономики имеет фундаментальное значение, поскольку включает комплекс мер, осуществляемых субъектами рынка и государством для повышения эффективности и конкурентоспособности национального промышленного производства. Однако ее мероприятия сами по себе не достаточны. Они должны проводиться в оптимальном сочетании с другими мерами, охватывать сферу национальной безопасности и государственных интересов. Промышленная политика носит регулирующий и стимулирующий характер, направленный на преодоление нарушений работы рыночного механизма и противоречий переходного периода, на перевод промышленного производства из кризиса в стадию подъема.

Промышленная политика является одним из важнейших инструментов экономического развития, и, является необходимым, но не достаточным условием для его осуществления (экономического развития) и должна использоваться в сочетании с благоприятной макроэкономической политикой. Промышленная политика выступает одним из направлений государственной политики и имеет точки пересечения с другими ее функциональными формами. Поэтому промышленная политика не должна рассматриваться в отрыве от других видов макроэкономической политики. Важна взаимосвязь не только между внутренними компонентами промышленной политики, но и взаимосвязь с внешними факторами: другими элементами макроэкономической политики (рис. 1).

Рис. 1. Взаимосвязь промышленной политики с другими видами макроэкономической политики

Промышленная политика играет важную роль в социально-экономической системе государства, поэтому зачастую уместно анализировать промышленную политику вместе с макроэкономической политикой государства. Однако не следует отождествлять промышленную политику и макроэкономическую политику, поскольку промышленная политика представляет отраслевую форму последней. Промышленная политика связана, в первую очередь, с проведением инновационной, инвестиционной и структурной политикой, проводимыми в промышленном секторе. Промышленная политика должна обеспечить согласование интересов ключевых социальных групп и всего общества по основным целям развития сферы материального производства и способам их достижения. Проведение промышленной и социальной политики в едином комплексе позволяет совместить экономический прогресс с социальным прогрессом.

Таким образом, промышленная политика – не изолированный инструмент государственного воздействия на экономику, она встраивается в общую стратегию социально-экономического развития. Стратегия государства в части развития промышленности призвана обеспечить согласование нескольких целей и задач, требует баланса между целями сугубо экономического характера и социального развития. В рамках промышленной политики устанавливаются приоритеты развития, а также механизмы и размеры поддержки соответствующих отраслей и предприятий. Как свидетельствует практика реализации промышленной политики индустриально развитых стран, промышленная политика и ее составляющие не подрывают основ действия рыночного механизма, способствуют усилению конструктивного воздействия рынка на приоритетные виды деятельности. Промышленная политика позволяет гармонизировать хозяйственные процессы, снизить риски и кризисные проявления, частично устранить неопределенность.

Литература и электронные публикации в Интернете

1. Hausmann, Ricardo, Rodrik, Dani (2007). Reconfiguring Industrial Policy. – Harvard University.
2. Krueger, Alan, Baran T. (1982). An Empirical Test of the Infant Industry Argument. American Economic Review, Vol. 72, Issue 5.
3. Noland, Marcus, Pack, Howard (2003). Industrial policy in an era of globalization: Lessons from Asia. Peterson Institute.

4. Pack, Howard, Saggi, Kamal (2006). Is there a case for industrial policy? A critical survey. *The World Bank Research Observer*, T. 21, № 2.
5. Rodrik, Dani (2004). *Industrial Policies for the Twenty-First Century*. John F. Kennedy School of Government, Harvard University.
6. Rodrik, Dani (2017). *Normalizing Industrial Policy* URL: www.ksg.harvard.edu/rodrik (дата обращения: 4.08.2017).
7. Stiglitz, Joseph, Esteban J. (2013). Lin J.Y. *The Industrial Policy Revolution I: The Role of Government Beyond Ideology*. N.Y. : Palgrave Macmillan.
8. *Transforming Economies: Making Industrial Policy Work for Growth, Jobs and Development*, edited by J.M. Salazar Xirinachs, I. Nubler, R. Kozul Wright (2014). Geneva, Intern. Labour Organization.
9. Баранов, Иван (2013). Современная промышленная политика: «за» и «против». *Вестник Ореда, ГИЭТ*, № 1. URL: http://orelgiet.ru/docs/pdf/3_baranov.pdf (дата доступа: 14.07.2017).
10. Барковская, Ольга (2006). Сущность промышленной политики и концептуальные подходы к ее формированию. *Вестник Белорусского государственного экономического университета*, N1, с. 71–76. URL: <http://www.bseu.by:8080/bitstream/edoc/5099/2/Barkovskaya%20Sushchnost%27%20promyshlennoy%20politiki%20i%20kontseptual%27nye%20podkhody%20k%20ее%20formirovaniyu.pdf> (дата обращения: 21.08.2017)
11. Кириченко, В. (1999). Реформационный процесс и становление государственной промышленной политики России. *Российский экономический журнал*, № 8.
12. Кузнецов, Борис (2001). Нужна ли России промышленная политика? Промышленная политика в России: быть или не быть? Материалы IV заседания семинара «Стратегия развития», Москва, 17 дек. 2001 г.
13. Ойкен, Вальтер (1995). *Основные принципы экономической политики* / пер. с нем. Л. А. Козлова, Ю. Н. Куколева. М.: Прогресс Универс, 110 с.
14. Портер, Майкл (2005). *Конкуренция*. М.: Вильямс.
15. Стадвелл, Джо (2017). *Азиатская модель управления*. М.: Альпина Паблишер.
16. Стиглиц, Джозеф (1997). *Экономика государственного сектора*. М.: Изд-во МГУ: ИНФРА-М, 720 с.
17. Хайек, Фридрих (1992). *Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма*. М.: Изд-во «Новости» при участии изд-ва «Catallaxy», 304 с.

KRISTINA SHESTAKOVA

**EVOLUTION OF APPROACHES
TO UNDERSTANDING THE ROLE
AND PLACE OF INDUSTRIAL
POLICY IN THE SYSTEM
OF PUBLIC ADMINISTRATION**

Author affiliation. Kristina Shestakova (shestakova.ch@gmail.com), senior lecturer of the Department of International Management of the Faculty of Economics at the Belarusian State University, Master of Economics. (Minsk, Belarus).

Abstract. The article analyses different approaches to interpretation of the necessity of government intervention in the economic system and industrial sector. Arguments for and against industrial policy are presented. The place of industrial policy in the system of macroeconomic policy of the country is indicated. The conclusion is made about the practicability of applying industrial policy as an instrument of public administration.

Keywords: industrial policy, industrial sector, neoliberalism, social market economy, macroeconomic policy.

UDC 338.23

Статья поступила в редакцию 05.09.2017 г.

OIKONOMOS:
Journal of Social Market Economy (Lithuania)
3(9), 2017

Журнал основан и издается
Европейской исследовательской ассоциацией «Oikonomos»
(LT-08221 Kalvarijų g. 125, Vilnius, Lithuania)

Web: era-oikonomos.org
Web: oikonomos-journal.org
E-mail: era.oikonomos@gmail.com
Tel.: +370 676 60 722

Главный редактор – Константин Голубев,
доктор экономических наук, кандидат богословия, профессор
Беларусского государственного экономического университета
(Минск, Беларусь)

Выпускающий редактор – Юлия Чайковская,
кандидат экономических наук, доцент Белорусского
государственного университета (Минск, Беларусь)

ПЕРЕВОД: Светлана Носова

Подписано в печать 25.10.2017.
Формат издания 70×100/16, усл. печ. листов 7.8.
Тираж 99 экз.
Печать цифровая
Отпечатано: ООО «Полиграфт».
Лиц. № 02330/466 от 21.04.2014 г.
220112, г. Минск, ул. Кнорина, 50.